THE UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL
LIBRARY

PURCHASED ON THE

DR. AND MRS.
JOSEPH EZEKIEL POGUE
ENDOWMENT FUND

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

JC385
.T8217
1906

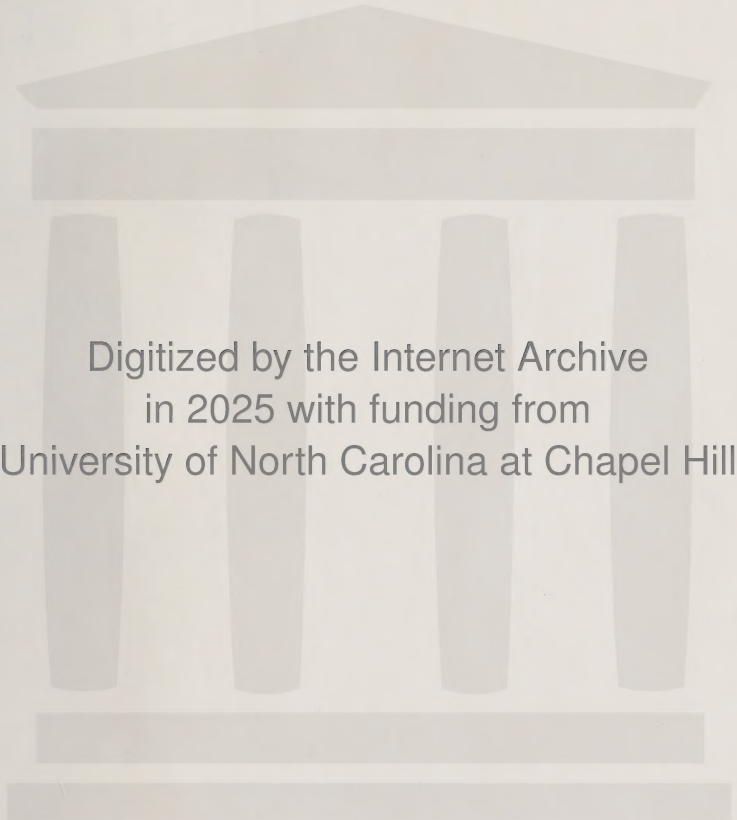
DEMCO

a 00003 070456

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/tiranobortsy00treu

Ков-и
и
С
JC385
.T8217
1906

Р. Трейманъ

ТИРАНО-БОРЦЫ

TIRANOBORTSY

Monarchomahen

Переводъ съ нѣмецкаго,
подъ редакціей и съ предисловіемъ
Проф. М. А. РЕЙСНЕРА.

Книгоиздательство „ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

VII/8

Предисловіе Редактора.

Предлагаемое изслѣдованіе охватываетъ собою интересный эпизодъ въ исторіи государственныхъ ученій. Подъ рукой молодого ученаго встаютъ передъ нами первые апостолы буржуазной демократіи. Среднее сословіе пробуждается опутанное со всѣхъ сторонъ сѣтью богословскихъ ученій и феодальнаго міровоззрѣнія, оно бьется на нашихъ глазахъ въ лѣсу схоластики и теократическихъ конструкцій, но сквозь чащу окружающей ее старины уже блещутъ великія звѣзды французской революціи: и суверенный индивидъ, и законодательствующій разумъ, и земное блаженство людей, пробужденныхъ Руссо къ новой свободѣ и „неотчуждаемымъ" правамъ.

Р. Трейманъ желаетъ все время освѣтить теорію изъ современной ей практики, а въ первой онъ видитъ лишь отраженіе политическаго факта. Къ сожалѣнію, онъ не дѣлаетъ того шага, который одинъ можетъ дать исторіи политическихъ движеній характеръ науки, а вмѣстѣ и подвести фундаментъ подъ самую политическую дѣйствительность. Къ своему несчастію, Трейманъ игнорируетъ совсѣмъ классовую борьбу, лежащую въ основѣ политики, а политическая исторія сводится у него къ обычной исторіи царей и двухъ высшихъ сословій,—церкви и государства бунтовщиковъ и правительства. Отъ Треймана ускользнула вполнѣ та мысль, что предъ нимъ лишь отрывокъ идей одного только класса, наложившаго свою печать болѣе, чѣмъ на 2 столѣтія. Упустивъ изъ виду хозяйственный переворотъ, породившій крушеніе средневѣковыхъ „китовъ" натуральнаго производства, вмѣстѣ съ тѣмъ упустилъ онъ и частный характеръ системы, которую ему пришлось разобрать. Непонятнымъ является поэтому у Трейманновскихъ монархомаховъ ихъ индивидуализмъ, который, какъ признаетъ самъ авторъ, былъ порою невыгоденъ для нихъ же самихъ, необъяснимымъ—стремленіе къ конструкціи общественнаго договора и провозглашеніе равенства и свободы въ первобытномъ и естественномъ состояніи людей. Къ чему было это все людямъ,

одушевленнымъ желаніемъ частью воскресить старинныя сословія и ограничить ими нарождающее самодержавіе, а частью отстоять ту или другую „правую“ вѣру отъ притязанія порожденныхъ діаволомъ коронованныхъ еретиковъ. И не было бы далѣе у Трейманна смѣшенія въ одну кучу протестантскихъ тираноборцевъ, выступившихъ подъ знаменемъ реформаціи, этой мѣщанской революціи духа, и благочестивыхъ отцовъ іезуитовъ, проповѣдовавшихъ цареубійство по старому преемству отъ великихъ папъ и ихъ священныхъ защитниковъ. Если бы Трейманъ сумѣлъ взглянуть на политическую борьбу, какъ на борьбу классовъ, порожденную перемѣнами въ процессѣ производства, онъ понялъ бы тогда, что реформація была тѣмъ первымъ этапомъ къ установленію буржуазнаго господства, который вспыхнулъ затѣмъ въ цѣломъ рядѣ революціонныхъ взрывовъ и закончился побѣдой буржуазіи подъ знаменемъ классового, правового представительнаго и „культурнаго“ государства. Іезуитство, правда, уцѣлѣло и приспособилось къ новому строю. Но нельзя не замѣтить, что его классовыя предпосылки совершенно иного уклада, нежели духовной общины Лютера, Кальвина и Нокса. Смѣшивать эти два типа соціальной идеологіи нельзя.

Отмѣтимъ вкратцѣ отдѣльные этапы католическаго тираноборства. Начатки его мы находимъ еще въ революціонномъ христіанствѣ, когда послѣдователи Распятаго были еще преступниками и мятежниками, не признававшими ни божественныхъ кесарей, ни грѣховнаго государства, и не даромъ, уже Лактанцій посвятилъ цѣлую книгу описанію смерти императоровъ Рима, гдѣ убійства „гонителей“ изображены какъ богоугодное дѣло. Ни одного слова осужденія не говоритъ святой отецъ по поводу убійства, напротивъ, съ чувствомъ удовлетворенія считаетъ онъ тираноубійцъ орудіями божественной воли... Правда, когда церковь была зачислена еще въ Византіи на государственную службу, ученіе о тираноубійствѣ немедленно замолкло. Но зато тѣмъ съ большей яростью проповѣдывали католическіе отцы смерть язычеснымъ варварамъ, сѣвшимъ на древне-римскія руины и водворившимъ въ своихъ владѣніяхъ всевозможныя ереси и схизмы. И никто другой, какъ блаженный Августинъ поднялъ знамя противъ свѣтской власти, этого „порожденія Каина“, противъ варварскаго царства, этой громадной „разбойничьей банды“. Ясное дѣло, что „разбойникамъ“ грозила разбойничья участь—судъ и заслуженное наказаніе. И по мѣрѣ того, какъ росла и ожесто-

чалась борьба между папами и свѣтской властью, все ярче и рѣшительнѣй оправдывалось тираноубійство, все тверже оно обосновывалось на принципѣ необходимости самообороны, одинаково дозволенной и противъ царя, какъ противъ всякаго разбойника и убійцы. Убійство тирановъ оправдывалъ великій святой и учитель доминиканцевъ, Ѳома Аквинскій а уже передъ нимъ казнь и уничтоженіе князей проповѣдывали Левъ Кентерберійскій и Іоаннъ Салисбюрійскій. Противъ тирана они дозволяли всѣ средства его уничтоженія и этимъ англійскимъ іерархамъ слѣдуетъ другой святитель средневѣковья Антонинъ флорентійскій, который дозволяетъ даже сыну убивать отца, монаху своего настоятеля, подданному своего государя и т. д., разъ этого требуетъ необходимость. И цѣлый рядъ схоластиковъ и богослововъ повторяетъ ученія упомянутыхъ нами святыхъ. Укажемъ изъ нихъ Мартинеца де Прадо, Даніила Кончину, кардинала Кайетана, Петра Ледесму, Доминика Сото, Сильвестра Пріэріасъ, доминиканца Банеца, Франциска Сильвія, Менахія, Винцента Кандида и Гонзалеса Сольцедо.

Само собой разумѣется далѣе, что во времена особенно острой борьбы между римскимъ первосвященникомъ и непокорнымъ императоромъ или королями обострялась и теорія благочестиваго смертоубійства, а святые отцы исполнялись чрезвычайной свирѣпости противъ тирановъ. И если даже знаменитый Іоаннъ Герсонъ, одинъ изъ противниковъ римскаго всевластія, требовалъ истребленія „огнемъ и мечомъ“ не только самихъ тирановъ, но даже ихъ семьи, то тѣмъ дальше шли парижскіе профессора въ родѣ Іоанна Маіора, Якова Алмаина, которые жили и дѣйствовали столѣтіе спустя послѣ знаменитаго канцлера. Мы не говоримъ уже здѣсь о писаніяхъ приверженцевъ лиги праздновавшихъ кровавую обѣдню на трупахъ III и IV Генриховъ. Укажемъ здѣсь только Эдмонда Рише, Клавдія Де-Сектъ и постановленіе Сорбонны (отъ 4-го янв. 1589 г.) о торжественномъ отлученіи и смертной казни тирана. Въ высшей степени характерно, что католическое ученіе о тираноубійствѣ не только было воспринято французскими юристами въ родѣ Этьена Бернара, адвоката Жана Давида или генеральнаго прокурора Клода де Рюби, но цѣлые парламенты Парижа, Руана, Тулузы и Экса обнародовали декреты угрожавшіе смертью всякому тому, кто бы осмѣлился оказать какую либо помощь государственному преступнику, Генриху Бурбону. Вотъ какъ въ Парижскомъ парламентѣ формулировалось наказаніе для преступнаго короля. Въ немъ требовалось: „чтобы Ген-

рихъ Валуа, бывшій король Франціи и Польши, былъ присужденъ къ публичному покаянію въ одной рубахѣ съ обнаженной головой, съ веревкой на шеѣ, въ сопровожденіи палачей и съ тридцатифунтовой восковой свѣчей въ рукахъ, чтобы далѣе упомянутый Генрихъ Валуа былъ объявленъ недостойнымъ короны Франціи и отрекся бы отъ всѣхъ своихъ правъ и чтобы остатокъ своей жизни провелъ онъ въ монастырѣ Гіеронимитовъ въ постоянномъ постѣ, питаясь лишь хлѣбомъ и водою". Таково было требованіе одного обвинительнаго акта. Въ другомъ совершенно открыто обосновывалась необходимость смертной казни короля... Іезуиты только развили старую теорію, когда проповѣдывали тираноубійства противъ всѣхъ королей, непослушныхъ папскому престолу. И надо отмѣтить, что кромѣ Беллярмина и Маріаны многіе выдающіеся іезуиты проповѣдывали ученіе общее всему католическому міру. Упомянемъ среди ихъ предшественниковъ, современниковъ и послѣдователей имена Иммануила Са, Дель Ріо, Григорія изъ Валенціи, Гейсіуса, Суареца, Кастропаляо, Эскобаро, Бузембаума, Лакруа и др. Однако, повторяемъ, это ученіе было построено совершенно на иныхъ основахъ, чѣмъ теоріи реформаторовъ. Оно цѣликомъ сводилось къ соперничеству двухъ великихъ средневѣковыхъ властей, къ политической борьбѣ между двумя аристократіями, между феодализмомъ теократическимъ и феодализмомъ военнымъ. Особой классовой основы католическая теорія не имѣла. Она была лишь однимъ концомъ феодальной системы, однимъ изъ выводовъ соперничества двухъ іерархій. И не удивительно поэтому, что до настоящаго времени, какъ говоритъ ультрамонтанскій юристъ Бёме, ученіе о тираноубійствѣ осталось „въ арсеналѣ" римской церкви, чтобы быть примѣненнымъ на дѣлѣ противъ тирановъ, если бъ таковые появились. Тираномъ же капитализмъ считаетъ всѣхъ тѣхъ, кто примѣняетъ противъ него насильственныя мѣры [1]).

И парадируя слова Треймана о задачахъ той истинной исторической науки, которая сумѣетъ изъ фактовъ объяснить идеи и построить закономѣрную систему развитія вторыхъ въ зависимости отъ первыхъ, мы скажемъ со своей стороны: тогда лишь, когда мы построимъ государственныя ученія какъ политическую идеологію борющихся классовъ, тогда мы придемъ къ желаемой

---

[1]) R. Böhme: Tyrannenmord nach der Lehre der katholischen Kirche. München. 1905 г.

Трейманомъ наукѣ и не только объяснимъ изъ фактовъ идеи, но и постигнемъ тотъ процессъ, которымъ создается идеологическая надстройка надъ реальной основой хозяйственныхъ отношеній; постигнемъ ту логику, которая съ неизбѣжной необходимостью даетъ намъ, съ одной стороны, божеское царство какого нибудь Августина, или государство философовъ Платона, съ другой вводитъ насъ въ земной рай мелкобуржуазнаго блаженства, или бросаетъ насъ въ свалку борьбы за существованіе, начинающейся Адамомъ Смитомъ, возрастающей до настоящей симфоніи у Бастіа и кончающейся звѣринымъ ревомъ дарвиновскаго индивидуализма и приспособленія. По непонятному и совершенно ненаучному шаблону исторія политической мысли писалась до сихъ поръ на подобіе словаря, гдѣ къ отдѣльнымъ именамъ пристегивались изреченія ихъ премудрыхъ или вдохновенныхъ носителей. Въ лучшемъ случаѣ эти ученія систематизировались по масштабу той или другой школьной или философской системы у мыслителей, обрѣзались ихъ шероховатости и торчки, а изъ очищенныхъ отъ скорлупы ядрышекъ создавалась мозаика съ историко-философскимъ узоромъ. И совершенно игнорировался при этомъ фактъ, что каждый изъ мыслителей, словно цѣпями, прикованъ къ опредѣленной средѣ, къ своему классу, дышетъ его атмосферой, думаетъ его понятіями, говоритъ его языкомъ. Наука о классовой психологіи и ея шаблонахъ, наука о видоизмѣненіи всѣхъ этихъ лозунговъ, теорій, идеаловъ подъ вліяніемъ процесса экономическаго развитія, наука о политической идеологіи, какъ произведеніе соціальной логики и психологіи, такъ назвали бы мы желательную для насъ исторію политической мысли, и лишь такая наука сумѣла бы достаточно оцѣнить всѣ тѣ вѣчныя истины и безсмертныя идеи, вокругъ которыхъ кипитъ борьба не только словами, но и съ оружіемъ въ рукахъ.

Конецъ XV, начало XVI в. было тѣмъ временемъ, когда постепенно и разбросанно начался хозяйственный переворотъ въ Европѣ, а на смѣну феодаламъ съ ихъ леннымъ правомъ и монастырями поднялось свѣжее полное силъ третье сословіе. Въ Италіи уже очень рано городскія сословія разбили на голову высокородныхъ господъ, характеристику которыхъ мы находимъ у пылкаго проповѣдника буржуазной диктатуры и національнаго государства, у Маккіавели. Бароны—это люди, одержимые „желаніемъ господствовать“, имѣющіе больше всего средствъ „возбуждать раздоры“. Это тунеядцы, праздноживущіе въ своихъ владѣ-

ніяхъ, „вредные во всякой республикѣ и во всякой странѣ“. Это честолюбивое и развратное „отродье“, „заклятый врагъ всякой гражданственности“. И противъ этого отродья выступили города со своей передовой гвардіей въ видѣ Петрарки, Боккаччіо, Макіавелли и Микель-Анджело; и для того, чтобы освободить отъ руки феодала свое владѣніе, они очистили небо отъ страшилищъ средневѣкового ада, воскресили спавшихъ крѣпкимъ сномъ языческихъ боговъ, а на жизнерадостную землю перенесли центръ тяжести своихъ стремленій. Но процессъ этотъ въ Италіи заглохъ. Итальянскому городу не пришелъ на помощь юный капитализмъ съ его новыми способами производства, новой организаціей хозяйства и централизованнымъ національнымъ государствомъ. Мечты великаго флорентинскаго политика остались безъ исполненія, а итальянское возрожденіе покрылось новыми кострами ауто-да-фе. Старое небо восторжествовало.

Не то было въ Англіи. Съ удивительной отчетливостью разыгралась тамъ трагедія „первоначальнаго накопленія богатствъ“, обезземеленія крестьянства, введенія денежнаго хозяйства и водворенія конституціонной олигархіи средняго класса, слившагося съ преображеннымъ землевладѣніемъ. Здѣсь подъемъ бюргерства былъ началомъ для подъема буржуазіи. И здѣсь само собою очень легко и скоро прошелъ процессъ уничтоженія феодализма и также незамѣтно, какъ на мѣсто феодаловъ, вырѣзанныхъ подъ знаменемъ бѣлой и алой розы, водворились лендлорды, овцеводы и шерстобиты, точно также въ одно мгновеніе католическіе тонзуры смѣнились обликомъ англиканскаго казеннаго поповства, а монастыри съ ихъ бичеваніями и постами уступили мѣсто государственнымъ храмамъ оффиціальнаго молитвенника. Правда, мелкое бюргерство не удовлетворилось казеннымъ англиканскимъ богомъ. И если уже въ Италіи слишкомъ скоро обнаружилась чрезвычайная рознь между „popolo grando и popolo minuto“, то въ Англіи меньшая братія средняго класса заявила себя еще болѣе энергично не только въ классовой борьбѣ, но и въ идеологическомъ построеніи. Англійскіе броунисты менѣе всего мирились съ церковной олигархіей „высокой“ церкви. Демократія душъ у нихъ слѣдовала изъ ихъ соціальнаго положенія, а изгнанный изъ Англіи броунизмъ, возвратившись обратно въ метрополію, принесъ съ собою и такую реформацію, которая ясно выставляла коммунистическія требованія въ области хозяйственной и государственной жизни. И въ требованіяхъ уравнителей или „левел-

леровъ", въ требованіяхъ кромвелевскихъ пуританъ мы видимъ со всей ясностью, какъ сплетается небо и земля у мелкобуржуазнаго сектантства, и въ мірѣ святости и загробнаго блаженства, въ мірѣ вѣчнаго спасенія и таинствъ отражается героическая борьба „popolo minuto" противъ абсолютизма буржуазной олигархіи. Какъ извѣстно, сектантскій богъ потерпѣлъ пораженіе вмѣстѣ со своими носителями и отправился за море искать себѣ пріюта среди краснокожихъ индѣйцевъ. Буржуазная реформація „высокой" церкви восторжествовала. И безъ преувеличенія можно сказать, что съ желѣзной постепенностью прошелъ въ Англіи процессъ освобожденія общества отъ феодальнаго католичества въ пользу высокобуржуазнаго протестантства, и никакихъ уклоненій въ сторону индепендентства или пуританства она не сдѣлала. Церковь и парламентъ остались цѣликомъ въ рукахъ денежныхъ и аграрныхъ магнатовъ, и уже въ XVIII вѣкѣ былъ вполнѣ законченъ тотъ процессъ, результатъ котораго такъ прекрасно характеризуетъ коммунистическій манифестъ. Буржуазія „разрушила всѣ феодальныя, патріархальныя и идиллическія отношенія. Она безжалостно разорвала тѣ пестрыя феодальныя цѣпи, которыя связывали человѣка съ его естественными главами, и никакой другой связи не оставила она между человѣкомъ и человѣкомъ какъ только голый интересъ, какъ только безчувственный „платежъ наличными". Она утопила въ холодной, какъ ледъ, водѣ эгоистическаго расчета священный восторгъ благочестивой мечтательности, рыцарскаго воодушевленія, мѣщанской тоски. Она превратила личное достоинство въ мѣновую цѣнность и на мѣсто безчисленныхъ выцвѣтшихъ и благопріобрѣтенныхъ вольностей водворила одну лишенную совѣсти свободу торговли. Однимъ словомъ, на мѣсто эксплоатаціи прикрытой религіозными и политическими иллюзіями, она поставила эксплоатацію открытую и безстыдную, прямую и лишенную всякаго состраданія".

Во Франціи процессъ уничтоженія феодализма шелъ совершенно инымъ путемъ. Здѣсь, поддержанный городами абсолютизмъ, достигъ чрезвычайнаго могущества. Онъ сталъ какъ его называли въ шутку „re delle bestie". Но если такъ было при Людовикѣ XI и XII, то уже при Францискѣ I родилось всеобщее недовольство, а королевская власть пересѣкла дорогу городамъ при помощи феодаловъ. И точно такъ же, какъ на землѣ противостали городскія сословія преобразованному въ крѣпостничество

феодализму, точно также и французское небо стало ареной ожесточенной борьбы и раздоровъ. Возставшее мѣщанство провозгласило уничтоженіе духовнаго феодализма, а на мѣсто небеснаго сюзерена желала поставить аристократію святыхъ по Кальвинскому образцу. Такъ борьба между крѣпостничествомъ и мѣщанствомъ дала борьбу двухъ принциповъ и въ области религіознаго сознанія. На одной сторонѣ стояли гугеноты, на другой католики, реформированные по галиканскимъ образцамъ. Но тотъ католицизмъ, который удовлетворялъ французскихъ монархистовъ, былъ слишкомъ недостаточенъ для крайнихъ правыхъ, для все еще живого феодализма. Такъ образовалась знаменитая лига, выступившая не только противъ гугенотовъ, но и противъ короля. Такъ, во Франціи три религіозныя тенденціи сопровождаютъ собою породившіе ихъ соціальные интересы, а борьба за своего Бога является выраженіемъ борьбы за преобладаніе. Какъ извѣстно развитіе капиталистическаго общества во Франціи шло очень медленно путемъ многихъ уклоненій и зигзаговъ. Гугенотская демократія, питавшаяся соками старыхъ французскихъ коммунъ, гибла по мѣрѣ того, какъ абсолютизмъ стягивалъ подъ свои крылья наиболѣе сильные буржуазные элементы и создавалъ имъ монополіи и привелегіи на хозяйственномъ тѣлѣ Франціи. Точно также были сломлены и теократически настроеные феодалы, а съ ними вмѣстѣ подчинилось придворнымъ епископамъ и аббатамъ и кровавое благочестіе героевъ Варѳоломеевской ночи. Абсолютизмъ, ставшій выразителемъ объединительныхъ національныхъ стремленій нарождающагося крупнаго капитала, абсолютизмъ, ставшій просвѣщеннымъ и либеральнымъ по мѣрѣ развитія своихъ финансовыхъ операцій, остался властвовать безвозбранно до великой революціи, а съ нимъ вмѣстѣ сохранилось въ видѣ вѣчной угрозы государственное французское католичество, готовое въ каждую минуту, съ одной стороны, задушить всякіе республиканскіе порывы, а съ другой стороны внести развратъ и разложеніе въ патріархальную добродѣтель стариннаго землевладѣнія. Капиталистическій строй работалъ во Франціи уродливо и односторонне. Механизмъ самодержавія нарушилъ нормальный процессъ классоваго разслоенія, затормазилъ распаденіе феодализма, исказилъ отношеніе верховъ и низовъ въ самомъ среднемъ сословіи. Немудрено, что здѣсь на гребнѣ такой запоздалой и неравной борьбы выросли и теоріи самаго яркаго и рѣшительнаго типа. Недаромъ замѣчаетъ Каутскій, что сильный и ровный ходъ соціальной

борьбы идетъ на компромиссахъ, тогда какъ наиболѣе рѣзкіе идейные повороты характеризуютъ собой наиболѣе отсталую общественную среду [1]). Наиболѣе выдающіеся монархомахи или тираноборцы принадлежали Франціи на ряду съ столь же отсталой въ XVI вѣкѣ Шотландіей [2]).

Однако, теоріи тираноборцевъ носятъ на себѣ яркіе слѣды не только переходной эпохи, какъ это замѣчаетъ и Трейманъ, но и той спеціально буржуазной идеологіи, которая впослѣдствіи дала пышный расцвѣтъ естественнаго права. Мало того „переходный" моментъ въ ученіи монархомаховъ именно обусловливается начальной стадіей пробужденія европейскаго средняго сословія и носитъ на себѣ всѣ признаки мѣщанскаго міровоззрѣнія, еще только начинающаго свое освободительное дѣло.

Сравненіе тираноборцевъ, этихъ первыхъ представителей полуфеодальнаго средняго класса съ послѣдующими апостолами того же класса, стоящими въ зенитѣ революціоннаго торжества, является поэтому существенно необходимымъ для уразумѣнія ученій не только самихъ монархомаховъ, но и вообще психологіи этого класса. Различныя теченія, повороты и оттѣнки въ буржуазной идеологіи являются только отблескомъ того переворота, который переживалъ самъ этотъ классъ въ своей исторической судьбѣ.

Казалось бы, нѣтъ ничего отвлеченнѣе того представленія о личности, которое создавали въ разныя времена писатели новой эпохи. А между тѣмъ, именно въ этихъ образахъ мы видимъ яснѣе всего постепенное созданіе человѣка капиталистическаго общества и представительнаго строя. Вотъ передъ нами велико-

---

[1]) Kautsky: „Ethik und materialistische Geschichtsauffassung". Stuttgart 1906. Стр. 16, 17.

[2]) Почти всѣ тираноборцы принимали горячее участіе въ политическомъ, движеніи своего времени. Франсуа Отманъ (F. Hotmann) былъ французъ-гугенотъ, который при безпорядкахъ 1572 года бѣжалъ въ Швейцарію. Гюберъ Ланге (H. Languet), которому Трейманъ приписываетъ авторство Юнія Брута, былъ бургундскій дворянинъ, получившій хорошее гуманитарное и юридическое образованіе и бѣжавшій въ Германію. Если Брутомъ считать Дюплеси-Морне (Duplessis Mornay), то и онъ былъ участникомъ тогдашней борьбы и былъ приближеннымъ Генриха Наваррскаго. Шотландецъ Буханан участвовалъ въ полемикѣ съ Блеквудомъ (Blackwood), жившимъ во Франціи іезуитомъ и только Mariana въ Испаніи стоитъ совершенно одинокимъ. Что касается Буше, то онъ былъ однимъ изъ подписавшихъ адресъ 16-ти объединенныхъ кварталовъ Парижа, которые принимали живое участіе въ возстаніи лиги и города противъ Генриха IV.

лѣпный человѣкъ эпохи возрожденія съ его античнымъ обликомъ, царственными страстями и могучей исключительной волей. Это прирожденный аристократъ, одаренный всевозможными талантами, какой то всесторонній всеохватывающій геній. И передъ желѣзной энергіей этого человѣка разступаются волшебные лѣса, смиряются океаны, а далекія страны несутъ къ его ногамъ лучшіе дары своей природы. Но развѣ въ этомъ обликѣ не узнаемъ мы того дерзкаго горожанина, который открылъ новый свѣтъ и страшную силу пороха, подарилъ человѣческой мысли печатный станокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершилъ чудовищныя жестокости въ колоніальныхъ войнахъ, выгналъ изъ разстрѣляннаго замка стараго барона и въ будкѣ мѣнялы и ростовщика, въ конторѣ пирата и работорговца, въ факторіяхъ хлопчатобумажныхъ плантацій воздвигъ новую твердыню хищнаго капитала, забравшаго въ свои руки и церковь и царственныхъ выскочекъ эпохи накопленія капитала, а вмѣстѣ и собиранія государствъ. Романтическій мѣщанинъ разбойничьей эпохи, которому въ Россіи мы можемъ въ XIX вѣкѣ противоставить развѣ первыхъ сибирскихъ героевъ эксплоатаціи и наживы—таковъ этотъ титаническій образъ капиталиста-грабителя, капиталиста-завоевателя, капиталиста-иниціатора, который одною рукой рубилъ мечемъ непокорныхъ обитателей всяческихъ дѣвственныхъ странъ, другою же ненасытно захватывалъ экзотическія богатства, живыя и мертвыя драгоцѣнности. Съ одной стороны герой и всеобъемлющій геній, съ другой—разбойникъ и пріобрѣтатель—таковы двѣ стороны „божьей милостью“ человѣка, возрожденіе этого дикаго и вмѣстѣ утонченнаго красавца широкаго размаха и великихъ буржуазныхъ преступленій.

Но вотъ герои сдѣлали свое дѣло, и мѣсто изобрѣтателей, геніевъ и авантюристовъ заняла городская масса средняго сословія, городской, только что почувствовавшій приливъ новой крови, патриціатъ и рабочая, впервые ощутившая, тягость цеховыхъ рамокъ и цѣпей, ремесленная мелко-бюргерская масса. И они создали своего человѣка, своего индивида или личность и потребовали для нея ей прирожденныхъ и свободы и правъ. Эту личность находимъ мы у добрыхъ протестантовъ реформаціонной эпохи. Она молится на родномъ языкѣ у Лютера, Кальвина и Цвингли, она вырываетъ библію изъ-подъ запоровъ развращеннаго папства, она спасается „вѣрой“ и пробуетъ самостоятельно мыслить, она успокаивается на добродѣтели, воспитанной на лонѣ

честной мѣщанской семьи, мѣщанскаго общества, мѣщанской республики. Съ библіей въ рукахъ выступаетъ въ жизнь „святой“ или „вѣрный“ этой эпохи. Не язычество, а пуританское христіанство придаетъ ему выдержанный и суровый видъ, не разбой, а ревность объ истинной вѣрѣ бросаетъ его въ реформаціонныя войны, заставляетъ съ одной стороны усмирять еретиковъ-коммунистовъ среди крестьянъ, а съ другой сыновъ діавола въ видѣ феодальной католической знати. И въ идеальномъ типѣ пуританскаго святого, несмотря на весь его радикализмъ, мы видимъ опять таки плоть отъ плоти современнаго ему мѣщанства. Отсюда и аристократическій характеръ его государственнаго строя съ „магистратами“ во главѣ, отсюда и подчиненія индивидума организованной общинѣ, созданной на манеръ обращеннаго въ демократію цеха, отсюда и мысль, неотрѣшившаяся отъ старыхъ устоевъ и столь же цѣпляющаяся за библію, какъ ея проповѣдники цѣплялись за свои привелегіи относительно не только высшихъ, но и низшихъ классовъ... Борьба города съ феодаломъ за преобладаніе и привилегіи; борьба городскихъ республикъ за расширеніе рынка и сосредоточеніе капитала; борьба крупнаго капитала съ мелкимъ бюргерствомъ въ самомъ городѣ, наконецъ, борьба за раскрѣпощеніе крестьянства и привлеченіе въ города рабочихъ рукъ — такова политика, скрывающаяся за евангеліемъ, работающая при помощи старыхъ сословныхъ понятій и правъ, выходящая постепенно изъ рамокъ ограниченнаго натуральнаго рынка на просторъ денежнаго хозяйства, но сознающая еще себя цѣликомъ въ рамкахъ старой мелочной и злобной конкурренціи, старыхъ регламентаторскихъ пріемовъ, старой власти гильдейской добродѣтели и цехового шаблона надъ отдѣльными факторами производственнаго процесса. И въ реформированномъ „святомъ“ также отражается его среда и эпоха, какъ въ талантливомъ звѣрѣ блестящаго ренессанса. Онъ вѣритъ библіи, какъ унаслѣдованнымъ пріемамъ и правиламъ своей гильдіи или мастерства, но онъ уже разсуждаетъ самъ, толкуетъ ихъ по новому и въ старую форму вливаетъ новое содержаніе. Онъ „святой“, онъ „спасенный“, онъ „вѣрный“ и христіанинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ формаленъ въ своемъ христіанствѣ, какъ старый мастеръ, педантиченъ въ своемъ христіанскомъ мастерствѣ, какъ мелкій купецъ, формаленъ, какъ мѣщанинъ, въ вычисленіи добродѣтелей или пороковъ. Онъ демократиченъ и отвергаетъ священство, онъ приписываетъ благодать всѣмъ спа-

сеннымъ, онъ отвергаетъ посредниковъ между Богомъ и собою. Это—купецъ и ремесленникъ сознаютъ себя силой, это уравниваетъ ихъ съ барономъ богатая мошна, это городъ требуетъ непосредственнаго суверенитета, а въ худшемъ случаѣ своего непосредственнаго попечителя и защитника, своего мѣщанскаго короля, творящаго его волю. Купецъ и ремесленникъ смѣнили вдохновеннаго бандита, а человѣкъ ренессанса пошелъ въ ландскнехты, которымъ командуетъ протестантская добродѣтель. Во имя этой добродѣтели всѣ страны Европы были залиты кровью.

И если теперь обратиться къ естественному человѣку XVIII в., смѣнившаго собой на небѣ идеологію революціоннаго протестанта, мы не можемъ не видѣть, какъ сосредоточены въ немъ всѣ лучи изъ царства уже торжествующаго капитала. Онъ циниченъ и свѣтелъ этотъ новый владыка, не нуждается въ религіозной догмѣ, поклоняется однимъ лишь разуму и природѣ. На развалинахъ старой гильдіи и феодальныхъ твердынь онъ сбросилъ всѣ стѣсняющіе его покровы, провозгласилъ съ блистающимъ взоромъ свободу, равенство и братство. Высшимъ закономъ провозглашена личность. Но это не уникумъ ренессанса, не творческій геній возрожденія, это личность, выдѣланная въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ въ одной и той же лабораторіи, личность штампованная по одному рецепту, личность обезличенная до номера или цифры; это атомъ, составляющій однородныя массы, лишенный какихъ бы то ни было исключительныхъ своеобразныхъ и особенныхъ чертъ; это номеръ, рычагъ, винтикъ въ капиталистической машинѣ, одинаково годный на каждое сооруженіе, одинаково способный быть на верху и внизу, въ глубинѣ и снаружи. Одна сила стягиваетъ эти атомы вмѣстѣ, это—эгоизмъ. Одинъ законъ управляетъ ими — природа, кристаллизованная въ математику. Одинъ — разумъ создаетъ изъ нихъ организованныя груды, чеканитъ изъ нихъ колеса, создаетъ машину, строитъ механическій дворецъ механическаго счастья. Грубый матеріализмъ просвѣтленный религіей разума. Дерзкій индивидуализмъ, скованный изящной механикой страстей, безличность, украшенная равенствомъ, эгоизмъ, прикрытый свободой и безжалостная конкурренція труда и капитала, уравненныхъ на рынкѣ подъ знаменемъ гордой промышленной свободы. Это ли не поразительный образчикъ идеологіи, срисованный съ фактовъ, возводящій въ перлъ созданія самую душу капиталистическаго строя, воплощающій въ прекрасныхъ образахъ то, что на дѣлѣ омрачалось воплями разо-

ренныхъ, проклятіемъ обезземеленыхъ, стонами умирающихъ подъ кровомъ домашней промышленности и народившагося уже храма новѣйшей индустріи съ механическимъ двигателемъ.

Надо ли говорить, что этотъ типъ равнаго и свободнаго по природѣ бога просвѣщенія и механической культуры также испыталъ цѣлый рядъ превращеній, пока не дожилъ до временъ Ницшеанскаго сверхъ-человѣка съ одной стороны и революціоннаго пролетарія съ другой. Съ насъ довольно, однако, того процесса, который мы намѣтили. Онъ освѣщаетъ въ достаточной степени индивидуализмъ монархомаховъ и намъ яснымъ становится теперь вся классовая основа ихъ теоріи, какъ ученія революціоннаго мѣщанства XVI вѣка.

Не менѣе интереса эволюція самодержавнаго „народа“ въ революціонно-буржуазной идеологіи. У Маккіавели мы находимъ этотъ народъ на положеніи рабскаго стада, для котораго чудовища въ родѣ Чезаре Борджіа создаютъ національное государство, а кнутомъ воспитываютъ массу для республики. Диктаторъ узурпаторъ или тираннъ, существующій для народа и стоящій надъ нимъ — таковъ типъ благодѣтельнаго деспота возрожденія, который долженъ исчезнуть послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ свое кровавое дѣло и срубилъ всѣ головы, не желающія подчиняться мѣщанской гегемоніи. Народъ здѣсь богъ, которому молятся, но до поры до времени держатъ въ кандалахъ. Народъ здѣсь звѣрь, котораго надо сдѣлать сначала ручнымъ, чтобы выпустить его на свободу. Народъ, въ концѣ концовъ, водворяется на пріуготованномъ ему мѣстѣ, путемъ же хитрой механики создается вѣчно колеблющаяся, полная непрерывной борьбы гармонія „старшихъ“ и „меньшихъ“, оптиматовъ и мелкоты, властвующихъ совмѣстно надъ городской чернью. У тираноборцевъ державный народъ выступаетъ въ новомъ видѣ. Это уже не городъ, цѣликомъ нуждающійся въ благодѣтельномъ тиранѣ, а городскія сословія, объединенныя въ религіозныя сообщества добродѣтелей и молитвы, сохранившія своихъ магистратовъ, достаточно зрѣлыя для того, чтобы выступить въ видѣ цѣлаго противъ королей и заключать съ ними договоръ власти и господства. Они достаточно сильны, чтобы связать царя „контрактовъ“, въ силу котораго и въ предѣлахъ коего „монархъ“ обязанъ исполнять свою „должность“. Здѣсь городское сословіе договаривается, идетъ на уступки, хоть и грозитъ всѣмъ тираннамъ неумолимою казнью. Такъ обстоитъ дѣло съ тираноборцами Треймана. Однако, на этомъ дѣло не

остановилось. Самодержавный народъ средняго класса все прогрессируетъ въ своемъ значеніи и притязаніяхъ. Въ эпоху просвященнаго абсолютизма этотъ „народъ“ насыщается подъ кровомъ меркантильной системы, расправляетъ свои члены въ предѣлахъ новыхъ національныхъ границъ, жирѣетъ и грѣется возлѣ княжескаго фиска, расцвѣтаетъ на монополіяхъ и привелегіяхъ полицейскаго государства. И онъ уже готовитъ свое торжественное выступленіе на историческую арену. Въ естественномъ правѣ онъ вырабатываетъ особую неуязвимую юридическую основу своихъ требованій, въ звенящемъ золотѣ сосредоточиваетъ свою силу, а въ теоріи народнаго суверенитета и общественнаго договора объявляетъ устами Руссо полный разрывъ съ сословной идеей и договорнымъ началомъ по отношенію къ царямъ. Тому, кто такъ долго добивался и жаждалъ власти, съ такою завистью взиралъ на гордую и сверкающую знать, кто привязалъ къ себѣ новыми цѣпями обезземеленное крестьянство, тому настало время сорвать съ чужихъ плечъ горностай и порфиру и облечь ими свое жизнеспособное и выносливое тѣло. Настало время провозгласить себя „всѣмъ“, единственнымъ центромъ и носителемъ власти, самодержавнымъ, неограниченнымъ владыкой и спасителемъ всей земли. Правда, самодержавный буржуа скоро понялъ, что онъ залѣзъ не совсѣмъ въ свойственную ему обстановку и поспѣшилъ для тишины и порядка завести себѣ Наполеоновъ и Людовиковъ-Филипповъ. Однако, суверенитетъ „народа“ остался неукоснительной привѣской даже монархическихъ конституцій новѣйшей эпохи, а королевство, ограниченное сословіями у тираноборцевъ, превратилось въ буржуазную классовую монархію, ограниченную властью банковыхъ билетовъ и вексельнаго курса у новѣйшаго предпринимателя и рантье.

Народный суверенитетъ, ставшій предметомъ сдѣлокъ оптомъ и въ розницу, самодержавіе массъ, ограниченное нотаріальнымъ контрактомъ съ „хранителями законовъ“, самоуправленіе націи, возведенное въ принципъ и трусливыя прятки за спиной договорныхъ и конституціонныхъ величествъ—такова характерная черта буржуазнаго народа и мѣщанской демократіи, провозглашающей съ одной стороны тираноубійство, а съ другой—вступающей въ торговую сдѣлку съ Помпадурами и Бурбонами августѣйшей породы. И это вполнѣ понятно. Народъ дѣйствительный, народъ голодный и безправный, создающій цѣною каторжнаго труда всевозможные „монрепо“ буржуазнаго народоправства, этотъ народъ

остался не только забытымъ во время провозглашенія народнаго верховенства, но и предоставленнымъ въ полное распоряженіе договорныхъ бурбоновъ, призванныхъ къ охраненію собственности, тишины и порядка. И не даромъ говоритъ Трейманъ про своихъ монархомаховъ, что они боролись только противъ тирановъ, а не истинныхъ и добродѣтельныхъ царей. Такой царь всегда былъ близокъ и милъ мѣщанскому сердцу, такого царя буржуй охотно противоставляетъ „святой сволочи", ведомой на разстрѣлъ, многоголовой гидрѣ санкюлотовъ, или какъ уже выражались тираноборцы „bella multorum capitum"... Не народный суверенитетъ, а верховенство третьяго сословія и вышедшей изъ его нѣдръ буржуазіи провозглашаютъ тираноборцы вмѣстѣ съ послѣдующими апостолами разума и природы, и не „народъ" создалъ идеологію республиканской буржуазіи, а классовые интересы соціальной группы, наложившей свое клеймо на буржуазно-капиталистическую эпоху.

Говоря о договорѣ царя и народа, а затѣмъ и объ общественномъ договорѣ у монархомаховъ, Трейманъ въ особенности ударяетъ на то, что именно средневѣковье и средневѣковые договоры сословій съ государями послужили для тираноборцевъ тѣмъ образцомъ, при помощи котораго они строили свою чисто механическую теорію государства. Однако здѣсь Трейманъ ошибается. Средневѣковыя сословія не были никогда въ теоріи свободно договаривающимися сторонами. Надъ ними всегда былъ предустановленный порядокъ мірового цѣлаго, а феодализмъ, несмотря на весь свой хаосъ и анархію, жилъ и двигался въ рамкахъ религіознаго міросозерцанія. Вѣчный законъ, объемлющій вселенную, былъ основой земного порядка и отношеній, а земные господа непосредственно подчинялись своему небесному начальству. Богъ, окруженный ангелами и святыми въ качествѣ небеснаго феодала, церковь и папа, какъ его земные вассалы, а сословія въ качествѣ корпорацій, установленныхъ божественнымъ закономъ—такова картина феодальнаго государства, которая соединяла величайшее варварство и грубость съ наивною вѣрой въ гармонію вселенной, охватывающей небеса; дѣлала Бога непосредственнымъ участникомъ земной жизни, а землю подымала до звѣздъ. И въ строгой іерархіи все было размѣчено разъ навсегда, неподвижно и незыблемо, какъ заповѣди на скрижаляхъ завѣта. И если во имя божьихъ правъ происходилъ „божій судъ", и божьимъ внушеніемъ заключался договоръ, то не свободная воля договаривающихся сторонъ,

не ихъ интересы находили въ немъ свою форму и выраженіе, но въ немъ воплощался законъ, подчиняющій себѣ движеніе планетъ и біеніе земной жизни, законъ, который придавалъ внѣшнему хаосу цѣлостность и гармонію, проникалъ все сущее божественнымъ духомъ, сливалъ всѣ звуки всѣ мелодіи жизни въ одинъ гимнъ во славу всемогущаго и всевѣдущаго небеснаго сюзерена.

У тираноборцевъ Треймана есть много остатковъ этой распавшейся гармоніи, этого погибшаго космоса. Но у нихъ уже проскальзываетъ новая идея, придавшая особый отпечатокъ всей послѣдующей эпохѣ, отмѣченной властвованіемъ средняго класса. Въ договорѣ монархомаховъ уже имѣются зачатки механической теоріи, разбившей буржуазное государство на груду атомовъ, связанныхъ страстями, объединенныхъ закономъ конкурренціи и вражды. Монархомахи еще колеблются. Ихъ договоръ не опредѣленъ, и неясенъ. Его заключаютъ за „народъ“ магистраты, его содержаніе до крайности пестро. Но въ немъ чувствуется уже идея другого договора, договора свободныхъ людей, повинующихся одному лишь тяготѣнію своихъ чувствъ и своихъ потребностей. Трейманъ смотритъ свысока на государство тираноборцевъ, раздробленное по договору на двѣ самостоятельныхъ части. Онъ говоритъ далѣе, что только органическая школа спасла государство отъ его распыленія на отдѣльныхъ индивидовъ, связанныхъ договоромъ. Но Трейманъ ошибается. Раздробленіе государства есть принципъ, котораго придерживается вся идеологія средняго класса въ моментъ его расцвѣта и до сихъ поръ. Ему молятся европейскіе демократы и радикалы чисто буржуазнаго пошиба. Органическая школа была лишь возвращеніемъ къ феодализму разложившагося государства промышленниковъ и банкировъ, а имя тому государственному единству, ради котораго теперь повсемѣстно стрѣляютъ усмиряющія бунтовщиковъ войска, есть не больше не меньше, какъ „европейская реакція“...

Трейманъ считаетъ договоръ и механическое начало разбивающимъ государственное единство. Но мы прежде всего должны спросить, гдѣ намъ въ современномъ классовомъ и капиталистическомъ строѣ найти это „единство“? И не есть ли подобное утвержденіе только лишь попытка затмить существующую рознь, прикрыть фактъ неисправимой иллюзіей?

Когда на исходѣ среднихъ вѣковъ сословія договаривались со своими князьями и разрывали всѣ „единства“ на клочки подъ вліяніемъ своекорыстныхъ интересовъ, тамъ конечно не было го-

сударства въ желаемомъ смыслѣ, а были общественныя группы, которыя рвали, что можно, словно хищные звѣри другъ у друга изъ пасти. Тамъ не было никакого единства кромѣ чисто идейнаго единства теократіи. Но вотъ эта борьба смѣнилась другою. Среднее сословіе вынесло на своихъ плечахъ абсолютизмъ. Феодалы были частью преобразованы, частью ассимилированы, а на живой многомилліонной массѣ крѣпостного двуногаго „скота“ усѣлись и свѣтлѣйшіе со своими лакеями и метрессами, и полуфеодальное офицерство со своими шпицрутенами, и получиновничье мѣщанство съ „невинными“ доходами, и всяческіе паразиты и въ рясахъ, и въ судейскихъ тогахъ, и въ чулкахъ, и въ ботфортахъ. И механическій принципъ — восторжествовалъ. И не говоримъ уже о томъ, что основаніемъ самого абсолютизма почиталось порученіе со стороны народа и заключенный съ нимъ договоръ полнаго отчужденія всей власти въ руки милостивца и господина, но само государство опять раздвоилось здѣсь на двѣ чисто механически связанныя части, на командующихъ и на хамовъ, на привилегированныхъ и сѣкомыхъ. Временно договорившись на счетъ извлеченія соковъ изъ подвластной высшимъ сословіямъ низшей породы людей, баре и промышленники установили при помощи чисто механическихъ средствъ свое господство надъ „сволочью“, и только въ одномъ развѣ отношеніи проявлялось государственное единство, а именно въ послѣдовательномъ и систематичномъ преданіи въ руки заплечныхъ дѣлъ мастера всѣхъ „непокорныхъ“, „непочтительныхъ“, „бездѣльниковъ“, „тунеядцевъ“, „бродягъ“ и „пьяницъ“ изъ среды темной народной массы. Для этой массы единство государства живо воплощалось въ рекрутскихъ наборахъ, въ барщинѣ и налогахъ, а пуще всего въ острогахъ, палкахъ, висѣлицахъ и позорныхъ столбахъ. Этимъ „единствомъ“ съ нѣкоторыми измѣненіями держатся и до сихъ поръ органически цѣлостныя національныя государства... Однако и такое единство не спасло отъ ссоры договорившихся господъ, и типичное раздѣленіе „общества“ и „государства“, противоположеніе „правительства“ и „народа“ ознаменовало собой эпоху новыхъ договоровъ и новыхъ механическихъ организацій. И не даромъ современныя конституціи покоятся цѣликомъ на договорномъ началѣ, а механическій принципъ выразился и въ раздѣленіи властей и въ построеніи политическихъ индивидуальныхъ правъ... И напрасно Трейманъ такъ сѣтуетъ на разрушительное дѣйствіе частнаго права, перенесеннаго въ область политическаго устрой-

ства: развѣ свободный договоръ и частная собственность въ хозяйственной области не являются только другой стороной построеннаго на частной собственности государства? Развѣ возможно единство тамъ, гдѣ производство находится въ частныхъ рукахъ—другъ съ другомъ конкуррирующихъ хищниковъ, а механическій принципъ голода и нищеты бросаетъ въ оковы свободнаго договора подневольный трудъ ничего не имѣющихъ пролетарскихъ массъ?

Нѣтъ, мы не будемъ говорить о началѣ „единства“ въ буржуазномъ обществѣ и стоящемъ подъ его властью государствѣ. Механическимъ принципомъ частнаго пріобрѣтенія и выгоды движется оно и живетъ, механическимъ принципомъ частной собственности давитъ оно всѣхъ неимущихъ. По закону механики рвутъ пріобрѣтатели другъ другу горло, по тѣмъ же началамъ договариваются равные, внизъ падаютъ побѣжденные. И на томъ же основаніи построено и созданное ими государство. И только въ одномъ отношеніи опять проявляется его пресловутое органическое единство. Механически свободные капиталисты живо объединяются въ „органическое“ цѣлое, лишь только зайдетъ рѣчь о классѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, эксплоатируемыхъ и задавленныхъ. И передъ классовымъ интересомъ буржуазіи умолкаютъ всѣ свободы, всѣ договоры въ политической и частной области, и вновь возстаетъ пресловутое „единство“, дѣйствующее, увы, чисто механическимъ путемъ. Это единство именуется осаднымъ положеніемъ и военными судами.

И нужно сказать, что предтечи современной буржуазіи болѣе здраво, чѣмъ потомки, смотрѣли и на свои задачи и на цѣль такъ называемаго государственнаго организма. Они были болѣе наивны чѣмъ современные буржуа. Они не старались скрыть высокопарной фразой настоящую суть своихъ домогательствъ и вожделеній. Въ теоріи тирано-убійства выразилось особенно ярко истинное воззрѣніе третьяго класса на высшую власть и на ея задачи. Формула ея такова: Царь долженъ служить народу—другими словами подымающемуся третьему сословію—или онъ не долженъ вовсе существовать. И если онъ нарушаетъ свои обязательства передъ своими избирателями, онъ объявляется тираномъ со всѣми послѣдствіями такого акта. Царь и тиранъ это тѣ противоположности, вокругъ которыхъ вертятся всѣ политическія теоріи среднихъ вѣковъ и послѣдующаго періода, и въ высшей степени

интересно отмѣтить, что и въ Россію было занесено это ученіе, хотя по понятнымъ причинамъ авторъ его не могъ дойти до такихъ крайнихъ выводовъ, до какихъ добрались его западные единомышленники, и судьба славянскаго государствовѣда отличалась, конечно, особыми чертами, присущими Россіи вплоть до настоящей „конституціонной“ эпохи. Онъ былъ за свою идеализацію самодержавной власти, которой онъ въ то же время въ самыхъ мрачныхъ чертахъ противопоставлялъ тиранію, сосланъ туда, куда донынѣ отправляютъ для усовершенствованія въ образѣ мыслей всѣхъ русскихъ политиковъ, осмѣлившихся протестовать и бороться противъ отечественныхъ тирановъ.

Юрій Крижаничъ, чехъ по происхожденію, прибывшій въ Россію, чтобы найти въ русскомъ царствѣ опору славянства—противъ „furror—teutonicus“, былъ сосланъ въ Сибирь за свои „лжемудрствованія“, а творенія его остались погребенными подъ грубой корою московитскаго варварства и невѣжества въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Вотъ какъ опредѣляетъ царство и тиранію этотъ государствовѣдъ XVII вѣка. Крижаничъ выходитъ изъ мысли, что „не кралевство для ради кралевъ, но крали для ради кралевствовъ есуть поставлены“. Въ виду этого онъ прежде всего называетъ тираніей или „публичной несправедливостью“, когда народъ подвергается безмѣрнымъ наказаніямъ, такъ-какъ „кралевство паче всего вѣчнымъ тиранствомъ притискать не можетъ“. Такое тиранство противно естественному праву, или, какъ выражается авторъ, „всеконечная тиранская область есть супротивна уроженному законоставію“. Главной причиной однако почему „владаніе народное“ или государство обращается изъ „праведнаго кралевства“ въ тиранство или какъ называетъ авторъ „въ крутое владаніе и людодерство“ это финансовое угнетеніе и грабежъ подданныхъ: „аще кій краль всякихъ наибогатѣ ихъ людей явною силою и безъ вины ограбляетъ и насильнѣихъ убіяетъ, а добраго законоставія народнаго не потираетъ (не терпитъ), тогда онъ тѣми самъ краль есть окрутникъ, людодерецъ, тиранъ“. Но и тутъ Крижаничъ дѣлаетъ различіе, котораго мы не находимъ у западныхъ тираноборцевъ, а именно: такіе случаи тиранства и грабительства со стороны самого царя онъ рѣзко отличаетъ отъ тиранскаго законодательства или наличности такъ называемыхъ „лакомыхъ законовъ“. Это то самое различіе между фактическимъ или личнымъ тиранствомъ самодержца и тиранствомъ

принципіальнымъ, запечатлѣннымъ законодательнымъ путемъ, которое можетъ найти аналогію въ высказанномъ въ послѣднее время различіи между абсолютизмомъ „фактическимъ“ и абсолютизмомъ „принципіальнымъ“ [1]).

И въ томъ случаѣ, когда не государь лично является тираномъ, а „людодерство“ проникаетъ все законодательство страны, тогда дѣло значительно ухудшается. Не только власть, но и само „владаніе народное“ становится тиранствомъ. И если въ первомъ случаѣ со смертью тирана положеніе вещей можетъ существенно улучшиться, а „по умертію онаго тирана“ „опять ся повратитъ добровладаніе“, то при наличности „лакомыхъ законовъ“ смерть тирана не приноситъ никакого облегченія: „коли паки кій краль лакомые людодерскіе законы уставитъ и нарядитъ неправедныя дани, торговины, самоторжія, кабаки и мерзкія выгоды таковъ и самъ будетъ тираномъ, и наступниковъ (наслѣдниковъ) своихъ учинитъ себѣ единаковыхъ; и народное владаніе изъ кралевства пріобратитъ въ тиранство и учинитъ, да подданники едва дыхать возмогутъ, и да имъ самъ животъ омерзѣетъ“. И настолько глубоко и тяжко вліяніе подобнаго законодательства, что, если даже тирану наслѣдуетъ добрый государь, то и онъ обращается въ тирана, если несмотря на свою доброту не отмѣнитъ всѣхъ этихъ тиранскихъ законовъ: „Аще изъ наступниковъ кій краль будетъ щедръ, милосерденъ и правды наивящей любитель, а старыхъ законовъ людодерскихъ не снесетъ, и таковъ не менѣе есть тиранъ. Повиненъ бо есть краль знать и разсудить законы, коими строить свою державу, и аще не знаетъ или не разсудитъ вина остается на немъ“. Не ускользнулъ отъ вниманія Крижанича и тотъ видъ тираніи, который порождается не царемъ и не законами, а спеціально дѣятельностью царскихъ слугъ или, какъ онъ ихъ называетъ, „оправниковъ“ и „приказниковъ“. И для этихъ послѣднихъ не должно служить извиненіемъ, если они дѣйствуютъ ради казеннаго интереса, „казноборства“, и при этомъ „людей всякими неправдами изобижаютъ“. И самая система налоговъ очень часто помогаетъ этому злоупотребленію, если казенный приходъ „криво и не праведно ко казнѣ приписанъ“. Крижаничъ дѣлаетъ царя отвѣтственнымъ не только за его личныя

---

[1]) Крижаничъ, Юрій. Русское государство въ половинѣ XVII в. Москва 1859 г. 40,8. 44,3. 27,7. 28,4.

злоупотребленія или за „лакомые зак-оны“. Онъ называетъ тира номъ и того, у кого безчинствуютъ и угнетаютъ его слуги, хотя бы тиранъ самъ и считалъ „себѣ не быть виновнымъ“ [1]).

Теперь для насъ ясны тѣ виды тиранства, которые отмѣчаетъ Крижаничъ, и для изученія которыхъ современная ему Россія доставляла слишкомъ много образцовъ и примѣровъ. Тирана какъ насильника и грабителя по своей личной дѣятельности отличаетъ онъ отъ тирана, издающаго или сохраняющаго разорительные и тяжкіе для народа законы. Отъ этихъ видовъ въ свою очередь отличаетъ онъ тирановъ, которые становятся таковыми въ силу грабительства и насильства, подчиненныхъ имъ „приказниковъ“ или чиновниковъ. И подобно тому, какъ западные тираноборцы искали прежде всего ограниченія королевской власти правами сословій и этимъ путемъ желали предупредить возможность тираніи, точно также и ссыльный государственникъ тогдашней Россіи стремится къ устраненію „самовластва“ и введенію необходимыхъ „мѣрныхъ свободинъ или вольностей“. И это представляется по его мнѣнію тѣмъ болѣе необходимымъ для Россіи XVII вѣка, что какъ разъ „крутовладаніе есть причина, да есть Русь рѣдко осажена и мало людна“...

Слѣдующимъ образомъ мотивируетъ русскій вольнодумецъ изъ ученыхъ чеховъ необходимость сословнаго представительства: „краль еденъ можетъ быть доберъ; али наступники его, „крали“ будутъ злы. Краль можетъ быть доберъ, али управники его многи премногы бываютъ злы и неправедны. Да бѣху кралевски оправники и сами крали были яко ангелы божіи; и не бѣху могли сгрѣшить, ни поблудить во владанію. Тогда не было бы треба слободинъ, и могло бы безъ нихъ стоять самовластво. Али ти покамѣсто и сами крали и ниховы оправники легко могутъ и обыкаютъ поблудить. И всяко время несподобно страшно беззаконія чинятъ, землю пустошатъ, народы срамотятъ, краля въ страшные грѣхи вплетаютъ, Бога сердятъ и на помсту понуждаютъ, для ради того згола есуть потребны мѣрныя слободины... Гдѣ такъ въ кралевству есуть мѣрные слободины, тамо ся оправникомъ надѣваетъ вузда, да не могутъ всякихъ своихъ худобныхъ похотей извершать нить людей на отчаянія раздражать. Сей есть единъ щитъ, коимъ ся могутъ подданники щитить супроть оправническимъ злостемъ. Сей единъ способъ коимъ ся можетъ въ кралевству правда об-

---

[1]) Юрій Крижаничъ: Рус. Гос. 28,4. 28,2. 28,1. 30,4.

держать. Никаковыя проповѣди, никаковое казненіе кралево не можетъ оправниковъ отстрашить отъ худобъ ниховыхъ, нить думниковъ отъ лакомыхъ несбожныхъ людодерскихъ думъ аще гдѣ нѣсть слободъ" [1]).

Мы однако не должны увлекаться этими прекрасными словами, сказанными въ то время, когда на Руси процвѣтало мрачнѣйшее „тиранство" во всѣхъ его формахъ, а страна находилась еще въ полномъ мракѣ предразсудковъ и невѣжества. Въ своихъ требованіяхъ вольностей и „слободинъ" Крижаничъ подобно своимъ западнымъ единомышленникамъ вовсе не думаетъ о томъ народѣ, который возникаетъ въ настоящее время передъ нашими глазами при одномъ этомъ словѣ. И для Крижанича „народъ" есть только высшіе и богатые классы, служилое дворянство, духовенство и купечество, въ крайнемъ случаѣ лучшіе наиболѣе состоятельные элементы среди посадскихъ людей. Представительство и конституція у этого мыслителя глубоко аристократичны, и только высшимъ классамъ присваиваетъ онъ тѣ крупныя привилегіи, которыя придаютъ его практическимъ предложеніямъ крѣпостническій, а вмѣстѣ глубоко соотвѣтствующій своему времени характеръ. Здѣсь мы видимъ полное согласіе Крижанича съ монархомахами или тираноборцами. Но здѣсь сходство и кончается. Въ противность своимъ единомышленникамъ, и учителямъ—Крижаничъ воспитывался въ іезуитской школѣ въ Римѣ — онъ не доходитъ до послѣднихъ выводовъ изъ своего ученія, и домогаясь ограниченій царской власти въ пользу современныхъ ему сословій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ за ними права активнаго сопротивленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ низводитъ и всю свою проповѣдь къ нулю. Этотъ писатель не только утверждаетъ, что подданные обязаны всяческимъ повиновеніемъ государю и должны сносить съ терпѣніемъ возможныя несправедливости съ его стороны, но и что „никто не можетъ безъ величайшаго преступленія говорить, что царь поступаетъ неправедно" или, что „нехороши, недостаточны причины, по которымъ царь облагаетъ тягостями народъ". И, подобно великимъ абсолютистамъ своей эпохи, Крижаничъ переходитъ здѣсь совершенно на ихъ сторону и уничтожаетъ всѣ свои аргументы о необходимости „мѣрныхъ слободинъ" простымъ утвержденіемъ, что единственнымъ путемъ для прекращенія угне-

[1]) Юрій Крижаничъ 30,4.

теній со стороны правителя является умилостивленіе Бога „молитвами и благочестивыми дѣлами“ [1]).

Тираноборцы были послѣдовательнѣй. Въ тираноубійствѣ видѣли они то послѣднее средство, которымъ долженъ былъ защищаться самодержавный буржуа отъ королевской тираніи, а въ своемъ ученіи о казни узурпаторовъ и деспотовъ они заложили камень той теоріи и практики буржуазно-радикальной эпохи, которая ознаменовалась цѣлымъ рядомъ убійствъ и казней всевозможныхъ „людодерцевъ“. И развѣ не замѣчательный памятникъ для теоріи тираноборства представляетъ собою манифестъ „Утрехтскаго союза“, который объявилъ лишеннымъ всѣхъ правъ короля Филиппа II (26-го іюля 1581 года) „Государь“, говорится здѣсь, „только для того посаженъ надъ подданными, чтобы защищать и хранить ихъ. И не ради князя созданы подданные, и не для того, чтобы быть ему рабами. Но государь существуетъ ради своихъ подданныхъ. Онъ долженъ праведно и по отечески царствовать. Если же онъ пренебрегаетъ этимъ, то на него должно смотрѣть не какъ на правителя, но какъ на тирана, а подданные и сословія въ качествѣ ихъ представителей получаютъ тогда право назначить другого на его мѣсто для своей защиты. И это въ особенности, если предварительно сдѣлана неудавшаяся попытка удержать тирана просьбами отъ его дѣйствій—тогда не остается никакого другого средства, какъ низложеніе тирана и защита до послѣдней капли крови прирожденной свободы, „которую должно защищать по естественному закону. И дополненіемъ этого манифеста со стороны католиковъ было убійство Вильгельма Оранскаго, объявленнаго измѣнникомъ и еретикомъ и павшаго 10-го іюня 1584 г. послѣ цѣлаго ряда неудавшихся покушеній“ [2]).

Въ половинѣ XVII вѣка мы видимъ далѣе какъ Мильтонъ, этотъ великолѣпный адвокатъ англійской демократіи со всею силою своего краснорѣчія защищаетъ казнь Карла I, короля Англіи

---

[1]) Юрій Крижаничъ 32. 40,4. 40,9. Nemo igitur praesumat secreta regis divinare aut judicare. Nemo debet se pacere conventicula et examinare consilia aut judicare causas regis. Nemo igitur sine summo scelere potest judicare ac dicere: Rex inique agit, aut non est bona, non suficiens causa, ad imponenda gravamina, quae rex imponit, aut ad aliud quodcunque. Sed debent omnes fortunam, suam partienter ferre: et peccatis suis imputare: et Deum precibus. et piis operibus placare.

[2]) K. Frohme: Monarchie oder Republik. Kultur geschichtliche Streifzüge Hamburg 1904 г. стр. 141.

и Шотландіи. И въ своей „защитѣ“, написанной по порученію англійскаго государственнаго совѣта и обнародованной въ 1651 г., слѣдующимъ образомъ этотъ секретарь англійской республики отвѣчаетъ защитнику абсолютизма: „развѣ это не звѣрь, который говоритъ его языкомъ, и не какое то животное принесло намъ законодательство тигровъ, ибо нельзя почтить именемъ человѣка того, кто все дѣлаетъ, что только возможно, чтобы унизить человѣческій родъ, порочитъ природу и внушаетъ ей, будто бы это ея велѣніе, чтобы мы были жертвой тирана“. „Если“, говоритъ онъ дальше, „всѣ цари существуютъ милостью Божіей, то и народы требуютъ своей свободы также милостью Божіей“... „И болѣе имѣется Божескаго въ томъ народѣ, который ниспровергаетъ неправеднаго царя, чѣмъ въ томъ царѣ, который угнетаетъ невинные народы“... „Свобода—это подарокъ неба, она дана намъ при нашемъ рожденіи. Бросить ее къ ногамъ князей было бы кощунствомъ, святотатствомъ“. И когда защитникъ царской власти, Лейденскій профессоръ Сальмазій на Божьей волѣ пожелалъ основать тиранію, Мильтонъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ образомъ: „Отъ голода, отъ войны, отъ чумы и отъ всѣхъ другихъ бичей человѣческаго рода, долженъ освободиться человѣкъ, несмотря на то, что онъ знаетъ, что всѣ эти бѣдствія посредственно исходятъ отъ Бога—и только по отношенію къ тираніи должно держаться иначе?“—„Власть государей и другихъ начальствъ вручена имъ народомъ для общаго блага, и народъ остается источникомъ всего ихъ могущества“ и отсюда выводилось съ полной послѣдовательностью, что народъ имѣетъ право низвергать своихъ тирановъ [1]). Въ 1647 году англійская революція казнила своихъ тирановъ. Третье сословіе подымалось тогда на плечахъ мелкихъ собственниковъ и горожанъ и впервые заявило свои права на царство. Тираноубійство было провозглашено догмой. Въ 1688 г. третье сословіе было ужъ достаточно сильно, чтобы справиться съ королями безъ помощи революціонной мелкоты и тогда оно устроило достохвальную или безкровную революцію, а ученіе о тираноубійствѣ было болѣе не нужно. На мѣсто самодержавнаго короля стала самодержавная буржуазія, а новое экономическое и политическое рабство смѣнило старыя цѣпи для народныхъ массъ.

Во Франціи Генрихъ III палъ въ качествѣ тирана и преступника (въ 1589 году) отъ руки Клемана. Какъ извѣстно

---

[1]) Frohme: Monarchie стр. 141—144.

Россей (англійскій бѣглецъ Вильгельмъ Рейнольдсъ) восхвалялъ убійцу, какъ орудіе Божіе. Въ 1610 году также въ качествѣ тирана былъ убитъ Равальякомъ Генрихъ IV. Убійство Елизаветы англійской подготовлялось всѣми силами при участіи католическаго духовенства, а убійца принца Оранскаго прославлялся какъ святой. Такъ дѣйствовали съ католической стороны во имя защиты стараго церковнаго порядка и феодальныхъ традицій. И протестантское бюргерство отвѣчало тѣмъ же. У Треймана видимъ мы поразительныя теоріи тираноубійства во всемъ ихъ юридическомъ обоснованіи, во всей тонкости естественно-правовой и богословской аргументаціи. Но поразительно то, что теоріи тираноубійства, провозглашенныя англійскими судьями Карла I и поддержанныя протестантскими тираноубійцами, нашли себѣ новыхъ преемниковъ въ видѣ разсужденій и обоснованій, которыя привели къ смерти Людовика XVI. Французскіе революціонеры отказались отъ схоластическаго багажа и теологическихъ измышленій своихъ предковъ. Изъ области судебнаго процесса Сен-Жюстъ переводитъ тираноубійства въ область вопросовъ борьбы за свободу. „Какое правовое отношеніе существуетъ между человѣчествомъ и королями?“ вопрошалъ съ пафосомъ этотъ апостолъ буржуазной революціи. „Уже одно желаніе царствовать есть преступленіе, есть грабежъ, въ совершеніи котораго ничто не можетъ оправдать. И подлежитъ наказанію тотъ народъ, который терпитъ этотъ грабежъ и всякій получаетъ противъ него право личнаго мщенія. Нельзя царствовать невинно, безсмыслица слишкомъ велика и мы должны точно также трактовать это грабительство, какъ короли трактуютъ всякое покушеніе на захваченную ими власть. И если народъ достаточно трусливъ, чтобы допустить господство тирановъ, то власть надъ такимъ народомъ принадлежитъ первому, кто имъ завладѣетъ, и вѣнецъ на его головѣ нисколько не менѣе святъ и праведенъ, чѣмъ на головѣ всякаго другого... И будутъ когда-нибудь поражаться, что въ XVIII вѣкѣ люди не были настолько зрѣлы, какъ во времена цезаря. Тогда тирана принесли въ жертву въ средѣ сената безъ какихъ-либо другихъ формальностей кромѣ 23 ударовъ кинжаломъ, безъ какого бы то ни было другого закона, кромѣ освобожденія Рима“. „Нынче, однако“, заключаетъ Сен-Жюстъ, „привлекаютъ къ суду со всѣмъ почтеніемъ такого человѣка, который убивалъ свой народъ и захваченъ на мѣстѣ преступленія“. И Робеспьеръ развивалъ дальше эти идеи и призывалъ къ немедлен-

ному убійству Людовика XVI въ качествѣ измѣнника и врага народа. Какъ извѣстно, въ 1793 году Людовикъ былъ казненъ по приговору Національнаго Конвента, этого представителя французскаго третьяго сословія [1]).

И въ бюргерской литературѣ послѣдующаго времени не умерла идея тираноубійства, а примѣнялась всюду, гдѣ только требовали этого интересы властвующихъ классовъ новѣйшей Европы. И англійскому поэту Саверджу Лендеру, воспѣвшему тираноубійства, слѣдуетъ его соотечественникъ Коббетъ, который по естественнымъ основаніямъ поощрялъ и подстрекалъ къ убійству „корсиканскаго тирана", а попросту Наполеона I... И характерно, что у Дизраэли-Беконсфильда въ его болѣе раннія, еще радикальныя времена мы встрѣчаемъ настоящій гимнъ по адресу кинжала, убившаго цезаря [2]):

„Благословенна будь рука, сжимающая смѣло
„Цареубійственную сталь, исполненную мести
„Тирана кровію поящая народъ".

И нѣмецкое бюргерство не дѣлаетъ исключеній. Шиллеръ воспѣваетъ месть тиранамъ въ своемъ фіеско; Гердеръ называетъ кинжалъ „печальнымъ, но необходимымъ прибѣжищемъ всѣхъ несчастныхъ". Жанъ Поль восхваляетъ рѣшительное вліяніе древне-римскихъ заговорщиковъ и рекомендуетъ его подражаніе противъ всѣхъ деспотовъ. Плятекъ восклицалъ въ стихахъ по адресу усмиреній несчастной Польши:

„Тираны лишены
„Всѣхъ правъ своей страны!" [3]).

Само собой разумѣется далѣе, что радикальное нѣмецкое бюргерство до мартовской эпохи стояло цѣликомъ на той точкѣ зрѣнія, что всѣ деспоты подлежатъ „устраненію" во имя свободы. И одинъ изъ поэтовъ этого бюргерства Гарро-Гаррисъ, не только провозглашалъ, что народы должны взяться за дѣло справедливости и потребовать „головы князей", но въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ шелъ еще дальше. Онъ утверждалъ, что до тѣхъ поръ не будетъ свободы (!?),

---

[1]) Frohme: Monarchie стр. 149, 158, 152, 153.
[2]) Frohme: Monarchie стр. 53.
[3]) „Ihr wisst Tyrannen
„Sind vogelfrei!"

„Пока на послѣдней поповской кишкѣ
„Послѣдній король не повиснетъ“ [1]).

И Рудольфъ фонъ Готшаль въ своихъ яростныхъ стихахъ шелъ еще дальше въ бюргерскомъ остервенѣніи. Онъ приглашалъ всѣ народы къ уничтоженію „величествъ, запятнанныхъ проклятіемъ подданныхъ“ и закричалъ:

„Одинъ народъ отъ Бога установленъ,
„Священно то, что онъ избралъ!“ [2]).

Вильгельмъ Іорданъ не менѣе рѣшительно вопіялъ къ обнаженію мечей противъ государей и до тѣхъ поръ должна была продолжаться битва,

„Пока не развалится крѣпость послѣдняя,
„Пока не исчезнетъ пурпуръ и клобукъ,
„Пока не откроется жизнь для всѣхъ равная,
„А тронъ и алтарь не погибнутъ самъ-другъ“ [3]).

Заслуживаетъ упоминанія и чисто-анархистскій дѣятель домартовскаго времени, Карлъ Фоллеръ, который довелъ до крайнихъ столбовъ теорію буржуазной революціи. Для этого писателя представляется „безсмыслицей говорить о законныхъ средствахъ для достиженія свободы“. „Никто не имѣлъ права“, восклицаетъ онъ, „отнять у насъ свободу. Поэтому, всякое средство позволено противъ тѣхъ, кто ее отнимаетъ. Возстанія, тираноубійства и все, что только считаютъ въ обычной жизни преступленіемъ, все это принадлежитъ къ законнымъ средствамъ, при помощи коихъ должна быть достигнута народная свобода“. Но этимъ Фоллеръ не удовлетворяется. Въ кровожадныхъ и отвратительныхъ стихахъ празднуетъ онъ настоящую оргію убійства. Приведемъ нѣкоторыя пробы этой поэзіи бюргерскаго безсилія и злобы:

„Ножъ свободы обнаженъ
„Горло страшно рѣжетъ онъ.
„И украшена короной
„И крестами и порфирой
„Возлежитъ здѣсь жертва мести...“

---

1) „Als bis am letzten Pfaffendarm
„Der letzte König, hangt“.

2) „Nur das Volk ist von Gottes Gnaden, heilig nur, was ihm gefällt“.

3) „Bis jegliche Tyrannenburg zerfallen,
„Bis dass verschwunden Purpur und Talar,
„Bis alle gleich zum Tich des Lebens wallen,
„Bis niemand kniet vor Thron und vor Altar“.

Или нѣсколько мягче:

„Всѣхъ зоветъ Господня воля,
„Родины несчастной доля.
„Смерть несите всѣмъ мучителямъ,
„Въ станъ идите къ избавителямъ“ [1]).

Такъ неистовствовало нѣмецкое бюргерство въ революціонную эпоху, и въ Рейнской области въ безграничномъ воодушевленіи призывали радикально-либеральные республиканцы къ немедленному гильотинированію всякихъ особъ и начальствъ и къ захвату въ плѣнъ князей и разныхъ должностныхъ лицъ. Вотъ какъ гласитъ прокламація „Рейнскаго комитета для основанія нѣмецкой республики“, распространенная въ январѣ въ 1847 г. въ тысячахъ экземпляровъ. „Существуютъ головы, которыя тогда только приходятъ къ разумѣнію, когда онѣ слышатъ, какъ на нихъ уже низвергается ножъ гильотины. Германія, въ особенности Пруссія кишмя кишитъ подобными головами. И тотъ, кто ведетъ имъ списокъ, пусть отмѣтитъ себѣ всѣхъ потентатовъ съ ихъ министрами и дипломатами, а именно въ Берлинѣ, Ганноверѣ, Штутгардтѣ, Мюнхенѣ, Касселѣ, Вѣнѣ и т. п.“ Далѣе слѣдуетъ рекомендація захватить въ плѣнъ всѣхъ князей съ ихъ семействами и здѣсь прибавляется: „взятыя въ плѣнъ лица княжескаго и должностного положенія должны охраняться подъ крѣпкою стражей, чтобъ они могли служить въ случаѣ надобности заложниками во время возстанія, а затѣмъ могли бы подвергнуться народному суду. Если же требуютъ интересы революціи, чтобы опасный плѣнникъ немедленно былъ сдѣланъ безвреднымъ, то пусть не щадятъ никого. Надо имѣть въ виду, что цѣль революціи должна быть достигнута во что бы то ни стало и что энергія и рѣшимость значатъ гораздо болѣе, чѣмъ гуманность или сомнѣнія не ко времени [2]). Дальше, кажется, итти некуда. И для ха-

---

[1]) „Freiheitsmesser gezückt!
„Hurrah, den Dolch in die Kehle hedruckt!
„Mit Kronen und Bändern,
„Mit Purpurgewandern
„Zûm Rachealtar ist das Opfer geschmuckt!“

или еще:

„Allen rûft Deutschlands Not,
„Allen des Herrn Gebot:
„Schlagt eyre Plager tot,
„Retter das Lan!“

[2]) Frohme: Monarchie стр. 155, 156.

рактеристики этихъ новыхъ „тираноборцевъ“, отъ краснорѣчія которыхъ не осталось ничего послѣ Кенигреца и Седана, мы упомянемъ еще одного „тираноистребителя“, Августа Брасса. Судьба его является воистину фатальной и вмѣстѣ пророческой для нѣмецкаго радикальнаго бюргерства. Во время оно онъ сочинялъ страшные и кровожадные стихи, изъ которыхъ приведемъ слѣдующій отрывокъ:

„Съ юной храбростью, съ любовью
„Знамя наше мы окрасимъ
„И тирановъ теплой кровью
„Краснымъ цвѣтомъ разукрасимъ.
„Эта краска будетъ прочной,
„Не линючей, крѣпкой, сочной...“ [1])

И этотъ же самый Августъ Брассъ, въ послѣдующее время, въ эпоху бюргерскаго самодовольства и упоенія, сталъ главнымъ оффиціозомъ королевско-прусскаго правительства и съ той же кровожадностью, съ которой онъ раньше воспѣвалъ знамя, окрашенное кровью „тирановъ“, онъ преслѣдовалъ во имя принциповъ тишины и порядка „проклятыхъ революціонеровъ“, „безбожныхъ соц.-демократовъ“, осмѣлившихся нарушить своимъ гамомъ и безпорядками блаженное царство капиталистовъ, заключившихъ съ „тиранами“ союзъ оборонительный и наступательный...

Ученіе о тираноубійствѣ, въ особенности, свойственно буржуазной идеологіи. Исходя изъ механическаго воззрѣнія на общество, опираясь на индивидуализмъ она сосредоточиваетъ въ личностяхъ центръ историческаго процесса и при помощи личностей, думаетъ тѣмъ или другимъ путемъ на него воздѣйствовать. И даже современный буржуа во всеоружіи современной „объективной“ и позитивной науки не можетъ помириться съ мыслью, что не люди дѣлаютъ исторію, а исторія дѣлаетъ людей. Вѣруя во всевозможныхъ героевъ, подвижниковъ и исключительныхъ людей буржуазія необходимо создаетъ имъ въ противовѣсъ фантасмагорію исключительнаго злодѣйства, а въ лицѣ тирановъ видитъ воплощеніе злого начала на землѣ. И въ революціонныя эпохи

---

[1]) „So woll'n wir denn mit frischem Mut
„Das Banner neu uns färben;
„Wir färben echt wir färben gut,
„Wir färben's mit Tyranenblut,
„Diesmal soll's nicht verderben!“

въ особенности рѣзко вспыхиваютъ эти два полюса буржуазнаго міросозерцанія и сразу показываютъ намъ, что мы находимся въ средѣ новыхъ хозяйственныхъ условій подъ гегемоніей новаго класса, пришедшаго на смѣну феодаламъ.

И воистину нѣтъ ничего интереснѣе, какъ сравнить идеологію просвѣщеннаго абсолютизма, созданнаго первымъ періодомъ мѣщанской эры, и революціонныя ученія различныхъ тираноборцевъ, этого авангарда новой, уже чисто капиталистической эпохи. Въ меркантильномъ и полицейскомъ самодержавіи всевозможныхъ величествъ бюргерской эпохи мы видимъ инкарнацію мѣщанскаго героизма, подкрѣпленнаго феодально-патріархальной идеей. Премудрый монархъ, воспитанный Вольтерами, рѣшаетъ создать изъ „скотовъ“ людей, передѣлать въ одинъ мигъ человѣчество, привести націю изъ небытія въ бытіе. Это какой то вѣнценосный волшебникъ, одаренный чудесною силой, благодѣтельный геній, который одинъ силой элементарнаго механизма поворачиваетъ судьбы народовъ, останавливаетъ исторію, даруетъ блаженство милліонамъ душъ. Это герой, предсказанный еще Маккіавелли, расцвѣтшій въ періодъ абсолютизма, нашедшій себѣ воодушевленнаго поэта въ лицѣ Вильгельма II, императора Германскаго. Буржуазная диктатура унаслѣдовала образы мѣщанскаго самодержавія и также какъ онъ думаетъ палками пересоздавать людей, а пушками останавливать исторію.

И замѣчательное дѣло, когда сначала мѣщанская, а затѣмъ буржуазная революція слагала свою политическую систему, она отъ противнаго пришла къ тому же, къ чему и разные полицейскіе пророки эпохи шпицрутеновъ и Вольтеровъ. Монарховъ она превратила въ тирановъ, геніевъ—въ исполненныхъ глупости и злобы тупицъ, пресвѣтлыхъ и добродѣтельнѣйшихъ благодѣтелей въ неизлѣчимыхъ и пошлыхъ зподѣевъ, а тѣхъ, кто такъ недавно еще все оживлялъ волшебнымъ, полицейскимъ жезломъ, буржуазія заклеймила, какъ палачей народнаго счастья и свободы, измѣнниковъ государству, преступниковъ предъ божескими и человѣческими законами. И имъ на встрѣчу выдвинула она новыхъ героевъ и благодѣтелей, новыхъ мучениковъ, которые должны были все измѣнить, все исцѣлить, все исправить. И опять таки задача новыхъ героевъ казалась до крайности простой. Стоило лишь уничтожить палачей и тирановъ и весь міръ долженъ былъ перевернуться. Стоило гильотинировать пару „преступныхъ головъ“ и сразу долженъ былъ вернуться потерянный

было рай прежняго преуспѣянія и блаженства. Въ общей вѣрѣ въ силу штыка и плети, государственнаго переворота и террористическаго акта трогательно сходилось полицейское государство и революціонное бюргерство. И неудивительно, что всякій разъ, когда имѣемъ дѣло съ революціей и контръ-революціей въ буржуазномъ обществѣ, и то и другое теченіе идутъ по однимъ и тѣмъ же рельсамъ и тѣми же средствами, хотя и въ противоположную сторону.

Въ настоящее время въ буржуазной идеологіи произошелъ нѣкоторый поворотъ. Теперь во всѣхъ странахъ кричитъ либеральный капиталъ объ „анархистахъ“ и проклинаетъ ихъ. Терроръ, пропаганда дѣломъ, покушенія и убійства „тираноборство“ во во всѣхъ его видахъ подвергается огульному и страстному осужденію и въ анархисты командующая буржуазія зачисляетъ всѣхъ, кто только осмѣливается быть недовольнымъ существующей классовой тираніей и обращеніемъ государства въ заведеніе для выращиванія капиталистической эксплоатаціи и буржуазной гегемоніи. Мало того, обратившись послѣ своего насыщенія и своихъ побѣдъ къ различнымъ теоріямъ „органическаго“ типа, гдѣ по старинным образцамъ прирожденные господа распоряжаются прирожденными рабами, либеральный буржуа съ особенной рѣзкостью выставляетъ соціализмъ, какъ „механическую“ теорію основанную на голой силѣ, и желаетъ видѣть въ соціалъ-демократахъ своихъ же предшественниковъ во вкусѣ террористовъ и тираноубійцъ. И тѣ самые либералы, которые одинаково проповѣдывали смерть и въ 1647 и въ 1793 и въ 1848 гг., они теперь являютъ изъ себя добродѣтельныхъ, лояльныхъ и преданныхъ гражданъ, которымъ не только противна мысль о тираноубійствѣ, но и которые изъ всѣхъ силъ помогаютъ правительствамъ искоренить всяческихъ новыхъ соціалистовъ, революціонеровъ и тому подобныхъ крамольниковъ. Времена перемѣнились. Пока буржуа только рвался къ промышленной свободѣ и парламентарскому господству, онъ былъ кровожаденъ какъ звѣрь и безжалостенъ какъ судья, выносящій смертный приговоръ. Но когда зашла рѣчь о негодности созданнаго имъ рая банкировъ, промышленниковъ и аграріевъ, онъ внезапно сталъ гуманенъ и человѣколюбивъ, преисполнился высокихъ чувствъ законности и правового порядка.

Врядъ ли, однако, повѣрятъ либераламъ въ ихъ клеветѣ на соціализмъ и на соціалъ-демократію. Пролетарское міросозерцаніе построено на такихъ началахъ, которыя совершенно исключаютъ

примитивное „тираноборство“ буржуазныхъ классовъ. Пролетарскія массы далеки отъ иллюзіи геройства также, какъ тиранства и злодѣйства на бюргерскій манеръ. Для нихъ не существуетъ волшебства, которымъ исполнена буржуазная идеологія. Для нихъ исторія—не театръ маріонетокъ, въ которомъ отдѣльные искусники производятъ превращенія неожиданнѣйшаго свойства. Далекъ потому отъ пролетарія и тотъ оптимизмъ, который то изливается въ восторгахъ и восхваленіяхъ по поводу благодѣтелей, то бросается на тирановъ и съ ихъ убіеніемъ думаетъ обновить весь міръ.

Пролетарію тираноубійства не нужны.

Медленный, тяжелый историческій процессъ замѣняетъ въ пролетарской идеологіи героевъ и ихъ удивительные фокусы, а преобразованія въ экономической жизни—спеціально же въ формахъ производства—придаютъ этому процессу характеръ строгой закономѣрности и послѣдовательности и никакими тираноубійствами этого процесса не остановить и не передѣлать. И точно также процессъ борьбы за освобожденіе получаетъ въ пролетарской идеологіи совершенно иной характеръ и значеніе. Мѣсто революціонной фееріи тираноборствующаго бюргерства заступаетъ здѣсь грандіозная трагедія классовой борьбы, въ которой рѣшающее значеніе имѣютъ не отдѣльные героическіе акты, не отдѣльные подвиги рыцарей баррикадъ, а революціонное выступленіе изстрадавшихся обездоленныхъ массъ, покупающихъ себѣ свободу путемъ громадной организаціонной и просвѣтительной работы, экономической и политической массовой борьбы... И нѣтъ поэтому въ исторіи пролетаріата тѣхъ быстрыхъ переходовъ отъ тираноубійства къ полной реакціи и самодовольству, которыми такъ гремитъ буржуазная идеологія. Пролетарское „тираноборство“ лежитъ несравненно глубже, чѣмъ вся буржуазная ненависть противъ тирановъ: не противъ царей борятся пролетарскія массы, а противъ стоящаго за ихъ спиной самодержавнаго и международнаго, не признающаго никакихъ сдержекъ и законовъ, не знающаго никакого человѣколюбія и патріотизма, не останавливающагося ни предъ какими преступленіями—капитала!

На смѣну кинжалу политическаго тираноубійства идетъ „тираноборство“ соціальное.

М. Рейснеръ.

Берлинъ,
въ апрѣлѣ 1906 года.

Предисловіе Автора.

Настоящая небольшая работа, которая въ своей большей части возникла въ научномъ семинаріи проф. Еллинека въ Гейдельбергѣ, посвящена краткой эпохѣ изъ исторіи государственныхъ ученій и въ частности представляетъ собой опытъ изслѣдованія тѣсной связи между политическими стремленіями времени и его политическими теоріями. И какъ ни близка казалась бы намъ подобная мысль, однако, въ общемъ она очень мало получила признанія въ исторіи государственныхъ ученій. Даже наиболѣе обширный трудъ Жане страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что въ немъ передано только содержаніе отдѣльныхъ сочиненій безъ того, чтобы входить глубже въ исторію тѣхъ временъ. А между тѣмъ именно доказательство указанной связи представляетъ собой высшій научный интересъ, такъ какъ въ ней выступаетъ стремленіе человѣка изобразить существующій или желаемый порядокъ, какъ „сообразный разуму“. Вслѣдствіе этого государственныя ученія и исторія ихъ представляютъ важную часть всего большого научнаго историческаго труда, который во всякомъ случаѣ еще ожидаетъ своей подробнѣйшей разработки.

Трейманъ.

Глава I.

Общее введеніе.

§ 1. Предварительныя замѣчанія.

Тѣ мысли, которыя перешли въ дѣло во время французской революціи въ концѣ XVIII вѣка — ихъ надо искать прежде всего не у Руссо и вообще не въ томъ вѣкѣ, который воспользовался ихъ первыми плодами. Но, подобно тому, какъ—съ одной стороны при великомъ преобразованіи новый обликъ приданъ новой государственной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ многое не воплощенное въ борьбѣ партій того времени ждетъ своего воплощенія донынѣ, подобно этому, съ другой стороны, сама борьба простирается до временъ прекраснѣйшаго самодовлѣющаго прогресса культуры, до временъ самого „возрожденія“. Уже тогда ковалось оружіе для битвъ, разыгравшихся въ теченіе послѣдующихъ столѣтій во внутренней государственной жизни. Именно тѣ года, когда склонялся уже къ своему закату этотъ полный блеска, этотъ сверхчеловѣческій періодъ развитія человѣческаго духа, именно они представляются тѣмъ временемъ, которому посвящено послѣдующее изслѣдованіе. Мы должны въ силу этого прежде всего познакомиться съ этимъ временемъ, чтобы понять изъ него самого его политическія идеи. Такъ какъ здѣсь, какъ и повсюду, жизнь и мысль стоятъ въ тѣсномъ неразрывномъ соединеніи: знаніе окружающаго, знаніе среды есть прежде всего путь къ познанію и самой идеи. Отрывокъ исторіи государственныхъ ученій безъ датъ, безъ живого фона исторической дѣйствительности, становится необходимо одной лишь біографіей, а изъ нея одной также невозможно постичь истинное содержаніе этихъ ученій, какъ невозможно было достичь какого-нибудь успѣха при помощи безнадежныхъ исканій средневѣковаго естественника, пока онъ только у Аристотеля, а не у собственнаго опыта искалъ разрѣшенія всѣхъ тайнъ природы. Если всякая исто-

рія должна быть исторіей культуры, то въ такомъ случаѣ нужно разсматривать не однѣ только части лишенныя связи, но именно ихъ соединенія. Историческія явленія, религіозныя стремленія и сама философія, этотъ образъ „духа времени“ — конечно, надо быть осторожнымъ „съ духомъ времени“ такъ какъ:

„Что̄ для нея временъ зовется духомъ,
„Въ основѣ то лишь духъ господъ
„Въ немъ отраженъ, какъ въ лонѣ водъ“ [1]).

„Тотъ образъ“, что временъ зовется духомъ — все это образуетъ цѣлое, въ которомъ каждой части присвоено свое особое мѣсто. Въ виду этого, насколько позволятъ намъ рамки нашей работы, мы оглянемся достаточно широко кругомъ, чтобы получить возможно полный образъ нашего объекта. Переходное время возрожденія наукъ [2]) и время тирано-борцевъ монархомаховъ [3]) мы набросаемъ сначала въ общихъ чертахъ, чтобы затѣмъ, переходя къ нашей собственной задачѣ, бросить назадъ бѣглый взглядъ на исторію государственныхъ ученій [4]), насколько она имѣетъ для насъ значеніе. А такъ какъ ученіе объ убійствѣ тирановъ [5]) свойственно, въ общемъ, всѣмъ нашимъ тираноборцамъ (монархомахамъ), то мы спеціально разсмотримъ исторію этого ученія. И послѣ этихъ предварительныхъ работъ мы разовьемъ въ послѣдней главѣ доктрины самихъ монархомаховъ.

§ 2. Переходное время.

То единство вѣры и знанія, доказать и обосновать которое съ такимъ безконечнымъ усердіемъ и остроуміемъ пытались богословы-суммисты [6]), это единство со времени Дунса-Скотта ослаблялось все больше и больше. Искусственная связь должна была, наконецъ, быть разорвана, а вмѣстѣ съ признаніемъ несоединимости разума и догмы должна была погибнуть и сама схоластика. Уже лучшимъ доказательствомъ невозможности схоластики былъ ея, — конечно, нежелаемый ею — результатъ, а именно ученіе о

---

[1]) «Was ihr den Geist der Zeiten heisst,
«Das ist im Grund der Herren eigner Geist,
«In dem die Zeiten sich bespiegeln,—

[2]) Глава I, § 2.
[3]) Гл. I, § 3.
[4]) Гл. II.
[5]) Гл. III.
[6]) Т. е. авторы богословскихъ сводовъ или „суммъ“.

„двойной истинѣ“. Такъ какъ именно въ противопоставленіи философской и богословской истины лежало уже зерно будущей борьбы между этими двумя силами: только съ побѣдою одной или другой долженъ былъ окончиться ихъ разрывъ. Переходное время, эпоха этой борьбы была неяснымъ и спутаннымъ переплетеніемъ ихъ границъ, да почти возвращеніемъ самой схоластической методы. Если раньше хотѣли доказать догму отъ разума, то теперь самый разумъ опирали на догму. То, что было найдено раціональнымъ путемъ, объяснялось и оправдывалось текстами. Исторически данное пояснялось примѣрами изъ священной исторіи. Только постепенно наступило просвѣтленіе, лишь послѣ долгаго времени былъ освобожденъ духъ отъ богословскихъ оковъ. Кругъ развитія былъ законченъ и вѣра въ разумъ заступила мѣсто вѣры въ догму. Въ „культѣ разума“ конца даннаго періода развитія выясняется уже совершенный поворотъ къ новому.

Съ децентрализаціей схоластики, этой философіи церкви, шла рука объ руку децентрализація и самой церкви. Вотъ мы стоимъ въ началѣ 14-го вѣка. Реализмъ, эта философія церкви въ эпоху величайшаго развитія ея мощи, ведущая къ современному презрѣнію отдѣльной вещи и индивида, должна была отступить отъ своего ученія о реальности общихъ идей передъ номинализмомъ, который въ Вильгельмѣ Оккамѣ нашелъ своего новаго основателя. Конечно, это меньше всего простой случай или найденная искусственными выкладками параллель, что какъ разъ въ то время, когда царило положеніе: universalia ante rem или, какъ это позже принималось въ смягченной формѣ universalia in re [1])— что какъ разъ въ это время личность отдѣльнаго индивида такъ же мало значила въ жизни, какъ отдѣльная вещь въ философіи; и далѣе, что именно послѣ того, какъ пришли къ ученію о томъ, что сущность вещей лежитъ въ единичномъ, а universalia являются только flatus vocis [2]). Въ то же время указанное отношеніе перемѣнилось совершенно. Индивидумъ вышелъ опять на первый планъ, а могучее зданіе іерархіи начало колебаться. Все больше и больше блѣднѣло папское мірское владычество, а его

---

[1]) „Общія понятія существуютъ раньше самой вещи“—таковъ былъ принципъ отвлеченнаго воззрѣнія номинализма. Въ смягченной формѣ говорилось далѣе, что общія понятія существуютъ въ самой вещи. (Прим. пер.)

[2]) Номиналистическое воззрѣніе, побѣдившее реалистовъ, утверждало, что общія понятія въ дѣйствительности не существуютъ, что они суть только слова или, какъ тогда говорилось, „дыханіе голоса“. (Прим. пер.).

самодержавіе внутри церкви было потрясено епископальной системой. Именно въ это время выступили мужи, которые дерзнули пойти противъ притязаній церкви. Падало ея вліяніе на государство, а имперія уже научилась, какъ уклониться отъ выполненія слишкомъ высокоподнятыхъ требованій. Вмѣстѣ съ національнымъ сознаніемъ среди народовъ, начиная съ XIV вѣка пробуждается идея государства. Здѣсь не вѣрятъ уже болѣе во вселенскую монархію. По мѣрѣ того однако, какъ падаетъ вліяніе церкви, растетъ государственная власть. Силы могутъ быть теперь обращены во внутрь и государственная власть растетъ благодаря счастливому сочетанію условій, при помощи американскаго золота, наемныхъ войскъ, политики реформаторовъ и созданнаго гуманизмомъ познанія цѣлостно организованныхъ государствъ древности, пока, наконецъ, не доходитъ она до вершины самодержавной власти князей. Въ абсолютномъ государѣ стекаются всѣ раздѣльныя и независимыя до того власти корпорацій съ тѣмъ, чтобы ему отдать полноту своей мощи. Единство государственной власти впервые выражается въ его всеохватывающей правительственной власти. Суверенитетъ государства формулируется, какъ существенный признакъ его самого.

Разрывъ съ средневѣковьемъ, казалось, хотѣлъ превратиться въ полное возрожденіе античнаго міра, въ истинный renaissance. Уже во времена Петрарки и Бокаччіо, да, даже еще значительно раньше, еще устами Фридриха II уже высказался новый духъ. Сначала это была [1]) филологія, которая снова стала изслѣдовать античную литературу. Вся аристократія духа постигла и пережила снова древность и къ ней даже высокообразованные папы того времени стояли ближе, чѣмъ къ отрицающему міръ ученію христіанства. Такъ церковь таила въ себѣ опасное противорѣчіе. Попытки реформъ, предпринятыя сверху, должны были пошатнуться, такъ какъ всѣ соборы были слишкомъ консервативны. Только снизу могла осуществиться всепроникающая и радикальная реформація въ духѣ Лютера, а съ нимъ богословіе вернулось къ источникамъ, къ своей библіи—богословіе послѣдовало здѣсь за филологіей, причемъ сталъ возможнымъ многосторонній и научный прогрессъ, пока, наконецъ, естественныя науки и философія не отрѣшились отъ своего прошлаго, отъ полной вѣры въ авторитеты средневѣковья.

---

[1]) Lange: Geschichte des Materialismus 1887 г. S. 159 ff.

И подобно научнымъ понятіямъ также были разорваны въ то время и политико-соціальныя воззрѣнія среднихъ вѣковъ. Политическое единство міра, идея вселенскаго царства, подвергалась нападенію уже съ XIV вѣка. А послѣ того, какъ на великихъ соборахъ XV вѣка единство церкви подверглось серьезнымъ угрозамъ со стороны могучаго стремленія къ самостоятельности національныхъ церквей [1]), то единство, не только подверглось серьезнымъ нападеніямъ реформаціи, но и раскололось въ концѣ концовъ. Идея единства однако и дальше сохранилась въ церкви. Рѣдко высказанная и еще рѣже примѣненная на дѣлѣ, теорія свободы вѣры была на самомъ дѣлѣ ничѣмъ другимъ, какъ только прекрасной теоріей. Въ исторической же дѣйствительности, сохранили силу слова евангелиста Луки (XIV, 23): „Принуждай ихъ войти“, слова, которыя уже Августиномъ были избраны въ качествѣ девиза противъ иновѣрцевъ [2]). Это былъ святой *долгъ* возвратить „погибшихъ“ опять къ истинной вѣрѣ, такъ что „in mayorem Dei groriam“ [3]) весь западъ превратился въ арену самой яростной борьбы и жестокости и ни одна партія не имѣла, въ чемъ бы она здѣсь могла упрекнуть другую.

Религіозный вопросъ въ виду полноты княжеской власти, необходимо превратился въ политическій, такъ какъ jus reformandi [4]) свѣтской власти, требовало для себя распоряженія душою, убѣжденіемъ и совѣстью подданныхъ. Именно со временъ реформаціи, сдѣлавшей возможнымъ принадлежность народа и государя къ различнымъ религіямъ, религіозный вопросъ сталъ практически „кровавымъ“, сталъ вопросомъ о границахъ княжеской власти. Сюда присоединилось еще воспоминаніе о старыхъ правахъ сословій, которыя именно тогда, когда онѣ начали исчезать, наиболѣе ясно выступили въ общемъ сознаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти старыя установленія представляли собой тотъ пунктъ, за который хватались противники абсолютныхъ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ свое собственное дѣло они представляли какъ защиту народныхъ правъ, а сами могли опираться на историческое преданіе. Религіозныя войны въ Нидерландахъ, междоусобныя войны во Франціи, Варѳоломеевская ночь, безпорядки въ Германіи, Англіи и Шотлан-

---

[1]) Weingarten: Die Revolutionskirche Englands S. 15.

[2]) Сравни Eicken S. 135.

[3]) „для вящей славы божіей“. (Прим. пер.).

[4]) „Право реформированія или измѣненія религіи подданныхъ“. (Прим. пер.).

діи являются иллюстраціей этого вопроса. Это былъ воистину не только лишь школьный вопросъ, вокругъ него, рядомъ съ битвами мечами шла борьба и духовнымъ оружіемъ, и въ немъ противостояли другъ другу не только католикъ и протестантъ, съ одной стороны „princeps“, а съ другой „populus“ [1]). Правда, католики и протестанты взаимно вели борьбу другъ противъ друга. Однако тѣ и другіе нашли въ абсолютномъ монархѣ ихъ общаго врага и, всѣхъ тѣхъ борцовъ, которые приняли на себя въ тѣ дни борьбу противъ монарховъ, называютъ однимъ общимъ именемъ „монархомаховъ“: имя, которое далъ имъ одинъ изъ защитниковъ абсолютизма Guiliemus Barclaius въ своемъ полемическомъ сочиненіи подъ заглавіемъ „De regno et regali potestate, adversus Buchananum, Brutum, Boucherium et reliquos Monarchomachus libri sex [2]).

§ 3. Время тираноборцевъ-монархомаховъ и ближайшее опредѣленіе задачи.

Это и есть тѣ люди, которыми мы займемся въ слѣдующемъ изложеніи. Здѣсь поэтому и настоящее мѣсто — опредѣлить размѣры нашей задачи. Конечно, тираноборцы (монархомахи) въ буквальномъ смыслѣ слова имѣются всегда, пока существуетъ монархія. Однако, даже въ спеціальномъ смыслѣ слова, это понятіе не установлено. Порой подразумѣваютъ подъ нимъ всѣхъ писателей, которые, начиная съ реформаторовъ и кончая Мильтономъ и Локкомъ, требовали для подданныхъ права, хотя бы только пассивнаго сопротивленія. Притомъ оставляютъ безъ разсмотрѣнія вопросъ служило ли какъ обоснованіе для этого права, извѣстное положеніе: „должно повиноваться Богу болѣе, нежели человѣкамъ“, или же оно выводилось изъ народнаго суверенитета. Порою начинаютъ ихъ ряды уже Марсиліемъ Падуанскимъ [3]). Да, одно обширное произведеніе должно было уже принять во вниманіе и Руссо и новѣйшихъ соціалистическихъ и анархистскихъ писателей. Однако, охватить все это достало бы на цѣлую человѣческую жизнь и какъ ни представляется прекрасной и благодарной подобная задача—мы должны ограничить себя нашими

---

[1]) Т. е. „Государь и народъ“. (Прим. пер.).

[2]) Парижъ 1600 г.

[3]) Gierke, Althusius S. 3. Прим. 3.

цѣлями и опредѣлить уже нашу тему. Это опредѣленіе нашего ограниченія не должно, однако, нанести никакого ущерба изложенію. Однако, мы должны, не допуская никакого произвола, объединить то, что принадлежитъ другъ къ другу, причемъ мы преимущественно обратимъ вниманіе на общій характеръ и страну происхожденія отдѣльныхъ сочиненій.

Первой чертой, опредѣляющей общій характеръ этихъ твореній—это мы должны имѣть постоянно въ виду,—является то, что всѣ они были въ первую линію сочиненія *полемическія*, которыя, будучи вызваны обстоятельствами, написаны были пылкимъ, подсказаннымъ гнѣвомъ языкомъ и мало обнаруживаютъ заботы о точномъ систематическомъ распредѣленіи. И къ чему было это, если цѣль достигалась и безъ того. И развѣ въ концѣ концовъ было важно изобразить ученія о народномъ суверенитетѣ въ изысканнѣйшей системѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимо потерять весь огонь непосредственности, всю тонкость и мѣткость стиля.

Во-вторыхъ, мы должны обратить вниманіе на страны, въ которыхъ были политическія предпосылки для подобныхъ полемическихъ сочиненій, такъ какъ лишь въ обостренной политической атмосферѣ могутъ рождаться подобныя явленія. Главнымъ же условіемъ, которое дѣлало возможными сочиненія въ родѣ Буше, заключалось въ томъ, что двѣ могучія партіи стояли другъ противъ друга въ странѣ, такъ какъ смѣлость, съ которой писали тираноборцы или монархомахи является не результатомъ широкой свободы прессы тѣхъ дней, но находитъ свое объясненіе въ томъ, что писатели были выразителями мнѣній половины страны и чувствовали у себя за спиною силу, на которую могли положиться. Для такой мощной жизни партій нѣмецкія территоріи были слишкомъ малы, а Италія столь же политически безсильна. Напротивъ того, во Франціи, гдѣ совпадали всѣ нужныя условія и гдѣ страна была издавна наиболѣе подвижна въ политическомъ отношеніи, тамъ почва для памфлетовъ была болѣе благопріятна, и большею частью подлежащихъ разсмотрѣнію тираноборцевъ или монархомаховъ являются французы. Подобно же все сложилось въ Шотландіи, гдѣ годами велась ожесточенная борьба. Въ Испаніи, правда, были вытравлены въ существенномъ съ 1570 года реформаторскія стремленія. Однако и здѣсь, послѣ подавленія народныхъ правъ, тяжко ощущалась сила и перевѣсъ королевскаго вліянія, и здѣсь настоятельно стремились къ возстановленію старыхъ вольностей. Монархомахъ, котораго мы здѣсь встрѣ-

чаемъ, былъ кромѣ того іезуитомъ и мы увидимъ, какое это имѣло вліяніе на его доктрины.

Франція, Шотландія и Испанія являются такимъ образомъ странами, въ которыхъ тираноборцы (монархомахи) боролись духовнымъ оружіемъ, рядомъ съ борьбой на полѣ практической политики.

Однако, здѣсь мы нуждаемся въ нѣкоторомъ оправданіи, такъ какъ мы, несмотря на принципіальное согласіе Іоанна Альтузія съ монархомахами, тѣмъ не менѣе исключили его изъ ихъ числа. Однако, въ первую линію мы хотѣли дать изложеніе боевыхъ сочиненій, вышедшихъ изъ среды политической жизни. Мы не находимъ далѣе у Альтузія новыхъ идей, но мы встрѣчаемъ у него только высказанныя французскими публицистами положенія облеченными въ доктринерскій костюмъ. Въ виду этого не потерпитъ ущерба полнота нашей работы, если мы оставимъ его, какъ стоящаго внѣ ихъ—въ сторонѣ. Мы не можемъ далѣе признать и большого значенія, которое придалъ Гирке Альтузію въ своемъ превосходномъ трудѣ „Іоаннъ Альтузій и развитіе естественно-правовыхъ теорій государства". Пусть останется за Альтузіемъ слава составителя перваго полнаго и строго-систематическаго учебника общаго государственнаго права [1]). Однако, онъ столь же мало является творцомъ теоріи „du contrat social" [2]), какъ и Гуго Гроцій; такъ какъ съ одной стороны, это ученіе такъ же старо, какъ представленіе объ одиноко блуждающихъ первобытныхъ людяхъ, а съ другой стороны, какъ разъ незадолго до Альтузія, была понята Саломоніемъ со всей опредѣленностью природа соединенія отдѣльныхъ людей, какъ договоръ между Socii [3]).

Что касается общаго характера политики Альтузія, то онъ оправдываетъ вполнѣ удаленіе этого послѣдняго изъ ряда борцовъ противъ монарховъ: произведенія подобныя Буше, Брута или Маріаны далеко не представляются „подходящимъ обществомъ" для толстаго учебника герборнскаго ученаго. Всякій, кто ознакомился съ литературой тѣхъ дней, согласится съ нами въ этомъ.

Прежде чѣмъ мы, однако, обратимся къ тенденціямъ тираноборцевъ (монархомаховъ), мы должны набросать очеркъ политическаго положенія въ ихъ отечественныхъ государствахъ и точно

---

[1]) Gierke, Althusius S. 3.

[2]) Gierke в. у. с. стр. 99.

[3]) „Товарищи на вѣрѣ". (Прим. пер.).

опредѣлить то время, изображеніе котораго является нашей задачей.

Какъ мы только что упомянули, первоначально споръ покоился на различіи вѣроисповѣданій. Время реформаторовъ только что прошло. Борьба, которая такъ удачно должна была окончиться для княжеской власти, зашла уже настолько далеко, что побѣда не подлежала болѣе сомнѣнію, а уничтоженіе старыхъ учрежденій пробудило новое стремленіе къ нимъ.

Во Франціи, этомъ отечествѣ тираноборцевъ — монархомаховъ, отношенія сложились вкратцѣ слѣдующимъ образомъ:

Со времени Людовика XI (1461—1483) начала уже королевская власть разрывать мѣшающія ей оковы. Сила аристократіи отступала передъ ней все болѣе и болѣе назадъ. Франциск I (1515—1547) сдѣлалъ еще новые успѣхи [1]), такъ какъ онъ расширилъ свою власть и по отношенію къ государству, и по отношенію къ церкви. Изъ генеральныхъ штатовъ при немъ сдѣлалось собраніе нотаблей, а изъ парламента судебное учрежденіе [2]).

И вотъ страна, которая еще недавно самымъ жестокимъ образомъ была потрясена, какъ враждой въ королевскомъ домѣ, такъ и раздорами магнатовъ, съ 1562 г. была ввергнута еще въ большую бѣду гугенотскими войнами. Неустойчивый миръ (1570 г,)

---

[1]) Уничтоженіе сословныхъ учрежденій и религіозный гнетъ вызвали сочиненія монархомаховъ. Интересно отмѣтить, какъ уже при Франциск I, послѣ распаденія однихъ только сословныхъ учрежденій поднялись уже голоса, которые напоминали королю объ *ограниченности* его власти. Это былъ Claude de Seyssel, котораго Кальтенборнъ (die Vorläufer des H Grozius S. 117) причисляетъ также къ монархомахамъ и который въ 1519 году, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Франциска I посвятилъ этому королю свою книгу: „La grande monarchie de France“ (здѣсь цитируется изданіе 1541 года въ Парижѣ?) Франциску I здѣсь напоминается о томъ, что: il ja plusieurs remedes pour refrener leur auctorité absolue, s'ils sont destraues et voluntaires (Chap. VIII feuillet II). Эти „remedes“ излагаются въ слѣдующихъ главахъ. Гл. IX: De la *religion* qui est le premier frein des roys. Если король поступаетъ тиранически противъ заповѣди божьей, то: il est loisible à ung chascun prelat ou á aultre homme religieux bien vivant; et ayant estime enuers le peuple le luy remonstrer et increper et a ung simple prescheur le reprendre et aguer publicquement, et en sa barbe (f. 13). Другія „freins“—это: „la justice“ (гл. X) и „la police“ (гл. XI), Книга бросаетъ яркій свѣтъ на тогдашнія французскія отношенія, въ особенности же гл. XIII и сл. (Des trays estatz du peuple de France et comme ilz sont bien riglez et entre tenuz).

[2]) Ср. жалобы у Отмана (Hotman).

послѣ трехъгражданскихъ войнъ продолжался лишь короткоевремя. Взаимная ненависть нашла себѣ снова выходъ въ Варѳоломеевской ночи 1572 г. Началась 4-ая гражданская война. Одна изъ партій для воспоминанія о крававой свадьбѣ отчеканила медаль на одной сторонѣ которой указывается рядъ полемическихъ сочиненій; чрезъ короткій промежутокъ времени они вырастаютъ вновь изъ почвы, удобренной кровью. Сначала это только протестанскіе писатели, позже, во время послѣднихъ лѣтъ царствованія Генриха III, а также при „haereticus relapsus“ [1]) Генрихѣ IV выступили также и католики съ рядомъ памфлетовъ, въ которыхъ преимущественно повторяется аргументація протестантовъ.

Изъ памфлетовъ, появившихся во Франціи, мы спеціально подвергнемъ разсмотрѣнію слѣдующіе:

1) Franciscus Hotomanus, Francogalia. Genf. [2]) 1573.

2) Анонимно появившееся сочиненіе: De jure Magistra, tuum, въ 1576 г. по французски, въ 1578 г. по латыни. Danaeus упоминаетъ правда еще изданіе сочиненія „De jure Magistratus in subditos“ 1574 г. (Сравни „Danaeus“ вышеуп. мѣст. стр. 217, однако же нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не указано подобнаго столь ранняго изданія [3]).

3) Marius Salamonius, Patricius Romanus: de principatu Libri VI. Paris 1578 г. [4]).

4) Stephanus Junius Brutus. Vindiciae contra tyrannos. Edinb. 1579 [5]).

---

[1]) Rossaeus гл. X стр. 659 и сл. Генрихъ III и Генрихъ IV въ одинаковой степени были ненавидимы духовенствомъ. Также и Генрихъ III обозначался еретикомъ (прим. пер.—„haereticus relapsus“ обозначаетъ „еретикъ отпавшій обратно“).

[2]) Можетъ показаться непослѣдовательнымъ признаніе Отмана монархомахомъ въ то время, какъ мы исключили Альтузія, такъ какъ Отманъ не выставилъ ни ученія о государственномъ договорѣ, ни проповѣдывалъ тираноубійства. Однако, онъ является авторомъ политическаго сочиненія, которое вызвало большое вниманіе къ себѣ (ср. Жанне том. II стр. 156). Съ другой же стороны онъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, противъ которыхъ сражается и которыхъ опровергаетъ Барклай, давшій имъ имя „тираноборцевъ“ или „монархомаховъ“. (Барклай—в. у. с. стр. 121 и сл. стр. 298).

[3]) Авторъ протестантъ.

[4]) Католикъ.

[5]) Brutus, конечно, псевдонимъ, за которымъ порою предполагаютъ Отмана (ср. Барклай в. у. с. стр. 301), порою Ѳедора Беза—Théodore de Bèze (ср. Бодрильяръ стр. 65 прим. I) Бейль установилъ, что авторомъ былъ гугенотъ Гиберъ Ланге—Hubert Languet—(Бодрильяръ, тамъ же).

5) Guilelmus Rossaeus, De justa reipublicae Christianae in Reges impios et haereticos authoritate. 1590 [1]).

6) Böcher, De justa Henrici III abdicatione e Francorum Regno libri IV Lugduni. 1591 [2]).

7) Lambertus Danaeus Politici Christianae libri VII, 1596. Paris [3]).

Этими книгами мы ограничимся, какъ главными среди безчисленныхъ памфлетовъ тѣхъ дней. И хотя литература абсолютной монархіи выросла во Франціи въ то время до невѣроятныхъ размѣровъ, однако, тѣ произведенія, которыя рождались въ одинъ день и доживали только до слѣдующаго утра—они не содержатъ никакихъ новыхъ идей, но въ общемъ примыкаютъ къ Готману или Брутусу [4]).

Бодрильяръ [5]) еще вкратцѣ упоминаетъ нѣкоторыя сочиненія, какъ, напримѣръ, „Dialogue d'Archon et Politie", „Discours politiques des divers puissances establies de Dieu au monde", Mémoires et l'Etat de France sous Charles IX"—все памфлеты, которые представляютъ изъ себя только ослабленный и тяжеловѣсный комментарій къ сочиненіямъ Франсуа Готмана и Гюбера Ланэ [6]).

Книга Готмана, „Франко-Галлія", образовываетъ такимъ образомъ, пограничный камень новой эпохи. Варѳоломеевская ночь, которая вызвала и побудила также и въ Шотландіи Джорджа Буханана, историка Шотландіи и воспитателя юнаго Якова VI, издать уже ранѣе составленный трудъ [7]) „De jure regni âpud

---

[1]) Rossaeus былъ епископомъ Сенъ-Лисса (Gierke. в. у. с. стр. 3. № 3).

[2]) Эта книга написана для лиги и стоитъ безъ сомнѣнія въ тѣсной связи съ „лигою 16", которая образовалась съ цѣлью низверженіа Генриха III.

[3]) Danaeus—протестантское духовное лицо. Издалъ—это слишкомъ характерно, чтобы оставить безъ упоминанія—христіанскую физику (ср. в. у. с. «Proemium») и при помощи изданія «христіанской политики» завершилъ свой циклъ, заключающій въ себѣ также и христіанскую этику. Книга обыкновенно причисляется къ произведеніямъ монархомаховъ, могла бы, однако, найти свое мѣсто и въ очеркѣ анти-макіавелистической литературы. Она направлена спеціально противъ Макіавелли. Впрочемъ, подобныя явленія всѣ очень похожи другъ на друга. Какъ говоритъ Жанне (том. II стр. 103: «On vit je ne sais combien de traités du Prince chrétien où la morale rempasait la politique").

[4]) Baudrillart, стр. 66.

[5]) Baudrillart, стр. 66 и сл.

[6]) Baudrillart, стр. 66 (прим. пер.).

[7]) De jur. regn. a. Sc. dialogus, praefatio: Scripseram, ante complures annos, cum apud nos res turbulentissimae essent (1568 г.) Dialogum.

Scotus" 1579. Отношенія въ Шотландіи тогда были слѣдующія [1]).

Уже со времени XV вѣка двѣ партіи стояли здѣсь другъ противъ друга. Король и церковь съ одной стороны, а дворянство съ другой. Введеніе здѣсь реформаціи въ существенномъ зависѣло отъ того, кто возьметъ верхъ: король съ правительствомъ или дворянство. Сила послѣдняго возросла здѣсь до того, что въ 1542 г., оно могло отказать въ повиновеніи королю Якову V, если бы онъ вздумалъ предпринять походъ противъ Англіи. Яковъ умеръ въ томъ же году, и вотъ могущественное дворянство замѣнило назначеннаго самимъ королемъ регента Битона (Beaton) протестантскимъ графомъ Эрранъ (Arran). Этотъ послѣдній, несмотря на сопротивленіе духовенства, разрѣшилъ, чтобы народу было дозволено читать библію. Вмѣстѣ съ тѣмъ реформація сдѣлала значительный шагъ впередъ. Относительно нея опять разгорѣлась борьба, и во время безпорядковъ Битонъ былъ убитъ. При этомъ случаѣ впервые мы встрѣчаемся съ Ноксомъ въ качествѣ защитника этого убійства. Ноксъ дѣлается затѣмъ человѣкомъ чрезвычайнаго значенія для дальнѣйшаго развитія реформаціи въ Шотландіи. Съ 1556 по 1559 годъ послѣ различныхъ приключеній, которыя насъ ближе здѣсь не интересуютъ, онъ прибылъ къ Кальвину въ Женеву, у котораго онъ изучилъ его церковное устройство и согласно съ принципами котораго онъ образовалъ существенно свои воззрѣнія на государство. Въ 1560 году борьба въ Шотландіи была рѣшена въ пользу реформаціи, а въ 1561 г. возвратилась Марія Стюартъ изъ Франціи. Управленіе государствомъ она должна была цѣликомъ отдать въ руки протестантамъ, чтобы вскорѣ затѣмъ стать жертвой противоположности между ея вѣрой и вѣрой народа.

Съ побѣдою реформаціи, однако было дано начало новой борьбѣ между демократически настроеннымъ протестантскимъ духовенствомъ и между дворянствомъ, такъ какъ дворянство и духовенство желали удержать католическія церковныя имущества— каждое для себя. Дворянство, которое овладѣло ими, и не думало объ ихъ выдачѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно создало себѣ теперь опаснаго врага, такъ какъ пуританскіе священники не только искали, но и нашли помощь у народа, среди котораго на словѣ и письмѣ

---

[1]) Ср. Бокля „Исторія цивилизаціи въ Англіи".

они распространяли демократическіе принципы своей церкви и дискредитировали монархическую форму правленія.

Во время этой борьбы правленіе перешло къ двѣнадцатилѣтнему Якову VI и къ нему обращается діалогъ Буханана. Бухананъ былъ пуританецъ и воспитатель короля. Основанія его государственнаго ученія стоятъ въ силу этого съ одной стороны на почвѣ непосредственной демократіи [1]). И въ этомъ онъ пуританецъ. Но какъ воспитатель короля онъ желаетъ сохранить монархическую форму правленія. Какъ мало помогъ его діалогъ, этому учитъ, конечно, сама исторія Якова VI.

Намъ остается теперь только обратить наши взоры къ Испаніи, гдѣ въ 1599 г. Жуанъ Маріана издалъ свою извѣстную книгу De rege ac regis institutione. Здѣсь, въ Испаніи благодаря счастливому соединенію Аррагоніи и Кастиліи (со временъ Изабеллы) опять поднялось пошатнувшееся было королевское достоинство. А съ тѣхъ поръ, какъ (съ Карломъ I) имперія попала въ руки Габсбурговъ она сдѣлалась средоточіемъ Габсбургской политики мірового господства. Власть короля внутри страны поднялась въ особенности со временъ усмиренія возстанія коммунеросовъ (1521 г.) до значенія абсолютной. Народъ потерялъ и конституцію и права, которыя удержались въ Аррагоніи только на нѣкоторое время. При Филиппѣ II, который преслѣдовалъ не, менѣе чѣмъ еретиковъ, народныя права, нація шла по пути къ полному обнищанію. Книга Маріаны посвящена инфанту Филиппу, позднѣйшему Филиппу II [2]), и въ достаточной степени курьезно то, что здѣсь іезуитами восхваляются народныя права и тираноубійства „Cum privilegio regis“ [3]).

§ 4. Тенденціи тираноборцевъ монархомаховъ.

Книга Маріаны хронологически является послѣдней въ ряду нашихъ писателей, такъ что, говоря цифрами, разсматриваемое нами время простирается отъ 1573 до 1599 года.

Задача монархомаховъ, выросшая на религіозной почвѣ революціонна цѣликомъ и у нихъ какъ-разъ поднятъ общій вопросъ о границахъ княжеской власти, а хранительные предѣлы

[1]) Онъ стоялъ за референдумъ или всенародное голосованіе. ср. ниже.

[2]) Незадолго до окончанія книги инфантъ самъ вступилъ на престолъ (1598 г.).

[3]) (Прим. пер.). „Въ силу королевской привилегіи“.

поставлены для защиты вѣры и совѣсти подданныхъ. Отсюда-же можетъ быть только одинъ выводъ, а именно постоянное требованіе новыхъ ограниченій, которыя все тѣснѣе и тѣснѣе охватываютъ государя. И если высочайшее благо человѣка изъято изъ подъ власти свѣтскаго государя, то неужели ему должно быть подчинено другое менѣе значительное: „je pourrais choisir mon Dieu, et je n'aurais pas le droit et la capacité de choisir ma profession"! [1]) Такъ превращается религіозный вопросъ въ политическій, а изъ вопроса объ обязанности повиновенія со стороны подданныхъ рождается вопросъ о власти государей вообще. И если здѣсь далѣе не удовлетворялись наложеніемъ на государя такихъ ненадежныхъ ограниченій, которыя заключались въ „lex divina" и „lex naturae" [2]), а желали найти въ конкретномъ положительномъ законѣ надлежащій заборъ противъ царскаго произвола, то для этихъ позитивныхъ законовъ нужно было найти другой источникъ воли, нежели воля самого князя, такъ какъ она не можетъ сама себя связывать. Рождающееся здѣсь затрудненіе исчезало съ принятіемъ *народнаго суверенитета*, а изъ этого пункта съ логической необходимостью получались всѣ враждебныя князьямъ консеквенціи: право народа выбирать себѣ угодную форму правленія, право по меньшей мѣрѣ участвовать при изданіи закона, наконецъ право выбирать отдѣльнаго государя и снова отрѣшать его отъ должности при злоупотребленіяхъ данной ему властью. И провозглашеніе права сопротивленія наростаетъ у тираноборцевъ, или монархомаховъ до призыва къ революціи, до проповѣди тираноубійства. Несмотря на это однако всѣ нападенія направлены только на абсолютную монархію, а не на монархію вообще: стремленія нашихъ писателей сосредоточиваются въ требованіи сословнаго ограниченія государей.

Государь и народъ стоятъ другъ противъ друга какъ двѣ договаривающіяся стороны. Государство, въ нашемъ современномъ смыслѣ, здѣсь еще не дошло до сознанія человѣческой мысли. Точно также подобно тому, какъ въ дѣйствительности государственное тѣло составлялось тогда механически, изъ публичноправовыхъ корпорацій, точно также и въ теоріи оно образовалось изъ двухъ договаривающихся сторонъ, которыя механически его образуютъ. Однако, народъ, несмотря на это, оказывается болѣе

[1]) Baudrillart, стр. 40 (прим. пер. „Я могу избрать своего бога, но я не имѣю права и способности выбрать своего вѣроисповѣданія").

[2]) (Прим. пер.) „Законъ божественный" и „законъ природы".

важной договаривающейся стороной: princeps singulis maior, universis minor [1]). А благодаря тому, что populus и res publica [2]) постоянно употребляются какъ два взаимно другъ друга покрывающихъ понятія [3]), всплываетъ уже порой идея единаго государства (см. ниже глава IV, § 3).

Этого достаточно для оріентированія въ государственныхъ ученіяхъ тираноборцевъ (монархомаховъ). Уже изъ этого краткаго абриса выступаетъ вполнѣ, что это вполнѣ демократическіе принципы, на которыхъ долженъ быть построенъ новый порядокъ вещей, и что, признавая въ этомъ движеніи конца XVI вѣка корни нашей современной демократіи, должно равнымъ образомъ признать, что она имѣетъ свое начало въ требованіи свободы совѣсти.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію государственнаго ученія монархомаховъ въ отдѣльности, мы должны разсмотрѣть тѣ элементы, на которыхъ оно построено въ ихъ историческомъ развитіи въ томъ видѣ, какъ они образовались еще въ среднихъ вѣкахъ.

---

[1]) (Прим. пер.) „Государь выше отдѣльныхъ лицъ, но ниже ихъ совокупности".

[2]) (Прим. пер.) „Народъ" и „Государство".

[3]) Напримѣръ, Boucher, Lib. I, cap. 9: ...ut populum ac rempublicam seu regnum (quo idem constet)... conjunctim proferamus.

Глава II.

Историческій взглядъ назадъ.

§ 1. Государственныя ученія среднихъ вѣковъ.

Въ государственномъ воззрѣніи среднихъ вѣковъ подобно отраженію самого средневѣковья въ цѣломъ—выражены вполнѣ два, оба великихъ, соціальныхъ явленія его жизни: церковь и ленная система. Изъ этой среды рождается теорія, которая въ то же время является и теократической и феодальной. Въ связи съ много разъ упоминаемымъ мѣстомъ изъ библіи—Луки 22, 38—средневѣковье, которое любило выражаться конкретно, выставило теорію двухъ мечей [1]). Вся свѣтская власть исходитъ отъ Бога, который въ качествѣ высшаго леннаго господина, какъ imperator coelestis [2]), наградилъ въ качествѣ лена мечами своихъ вассаловъ: церковь и государство, т. е. императора и папу. Взятое по существу, это ученіе, рожденное своимъ временемъ, было только новой формой предшествующей системы; средневѣковье было не только „essentially unpolitical“ [3]), но и по существу не самостоятельно въ мысляхъ. Такъ, идея вселенской монархіи, царившая надъ всѣмъ тогдашнимъ временемъ, передвинулась сюда — безъ того, чтобы когда-либо потухнуть совсѣмъ—изъ временъ римскаго мірового царства. Міровой монархъ, или императоръ и міровой епископъ, или папа были снабжены прямо отъ Бога происходящей властью. Остальные короли этой теоріей не принимались во вниманіе. Само собой разумѣется, что на эти представленія во

---

[1]) Относительно первыхъ слѣдовъ этого ученія со времени Готфрида Вандомскаго ср. Hennrich в. у. с.

[2]) Bryce в. у. с. стр. 14 (прим. пер. „небесный императоръ“).

[3]) Bryce в. у. с. стр. 90 (прим. пер. „неполитическая по существу“).

вселенской монархіи и во вселенскомъ епископатѣ имѣли большое вліяніе историческіе принципы о сущности всѣхъ вещей [1]).

Уже бѣглый взглядъ на исторію среднихъ вѣковъ показываетъ намъ непрерывную борьбу между двумя міровыми силами и вполнѣ естественно, что государственное ученіе даетъ только иллюстрацію борьбы своего времени и доказываетъ или превосходство одной силы надъ другой, или ихъ равенство, смотря по тому, какую точку зрѣнія создатель каждой теоріи считаетъ истинной. Какъ извѣстно, въ связи съ упомянутой теоріей мечей церковь пыталась тѣмъ доказать свое превосходство, что она представляла императора только подвассаломъ Бога, причемъ этотъ подвассалъ получилъ свѣтскую власть непосредственно уже изъ рукъ папы [2]). Другія своеобразныя построенія [3]) бросаютъ также въ высшей степени интересный свѣтъ на развитіе человѣческаго духа.

Изъ круга этихъ представленій никогда однако же нельзя было вывести подчиненія имперіей церкви, но въ лучшемъ случаѣ свѣтская и духовная власть стоятъ равноправными другъ возлѣ друга, т. е. другими словами, церковь была свободна отъ государства. Этой свободой, конечно, церковь не удовлетворялась въ эпоху своего блеска, но ея теоретическое отрицаніе міра на дѣлѣ необходимо превращалось въ безграничное властвованіе надъ міромъ [4]). Въ виду этого, чтобы доказать со всей настойчивостью превосходство церкви, государство представлялось настолько жалкимъ и низменнымъ, насколько только можно, причемъ оно изображалось то, въ согласіи съ Августиномъ, произведеніемъ грѣха, то, вмѣстѣ съ Григоріемъ VII, твореніемъ діавола, которое обязано своимъ происхожденіемъ насильству, грабительству и убійству. И то пятно, которое свойственно государству уже отъ рожденія,

---

[1]) Bryce в. у. с. особенно выдающаяся гл. VII Theory of the Mediaeval empire.

[2]) Это воззрѣніе, господствовавшее долгое время нашло свою наиболѣе ходкую формулировку у Бернарда Клервосскаго: Petri uterque est; alter suo nuto, alter sua manu, quoties necesse est, evaginandus (Gennrich a. a. O. S. 154),

[3]) Слѣдующій примѣръ, который мы заимствуемъ у Friedberg, „Die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche“ можетъ показать, какими средствами велась эта борьба. Императоръ сравнивается съ мѣсяцемъ, а папа съ солнцемъ; cum terra sit septies major luna, sol autem octies major regali dignitate. Другое подобное же счисленіе дѣлаетъ папу въ 77, 44½ раза больше, чѣмъ императора.

[4]) Ср. Eikin в. у. с. стр. 356 и сл.

могло быть смыто только въ томъ случаѣ, если бы государство вторично получило свою власть уже изъ рукъ церкви. Эта послѣдняя стояла неизмѣримо выше государства; по словамъ Бертольда регенсбургскаго, она была „нижнимъ царствомъ небеснымъ", переходомъ изъ небожескаго міра къ царству Бога. Священники почитались Адріаномъ IV и Іоанномъ Саресберіенскимъ за „боговъ", тогда какъ свѣтскіе государи уже потому, что они были таковыми, причислялись къ преступникамъ. Даже солнце и мѣсяцъ призывались на помощь, лишь бы вывести главенство церкви надъ имперіей [1]).

Въ этомъ отношеніи тѣхъ же взглядовъ былъ и Ѳома Аквинскій [2]), который имѣлъ громадное значеніе для послѣдняго времени средневѣковья благодаря привлеченію Аристотелевскихъ элементовъ къ своему ученію о государствѣ, а также оказалъ очень сильное вліяніе на католическихъ тираноборцевъ или монархомаховъ. Съ одной стороны онъ съ удареніемъ именуетъ человѣческую природу природой animal sociale et politicum [3]), съ другой, однако, онъ указываетъ при этомъ также и на ratio constituens civitatem [4]). Подобно Аристотелю и у Ѳомы государство возникаетъ генетически. И точно также Ѳома примыкаетъ къ нему цѣликомъ и въ раздѣленіи государственныхъ формъ. Лучшей формой правленія представляется ему монархія, такъ какъ она отражаетъ правленіе Бога вселенной; худшей же формой правленія является вырожденіе монархіи или тиранія [5]).

Царь долженъ такъ управлять, чтобы его подданнымъ было облегчено достиженіе высшей цѣли или блаженства. Эта цѣль достижима только при помощи добродѣтели, однако не одной лишь естественной добродѣтели. Но подобно тому, какъ цѣль здѣсь сверхъестественна, то и добродѣтель должна быть также

---

[1]) См. выше, прим. 47.

[2]) Stöckl, Geschichte des Philosophie der Mittelalters т. II стр. 721 и сл.

[3]) Прим. пер. т. е. „существомъ общежительнымъ и политическимъ".

[4]) Прим. пер. „разумъ, основывающій государство". (Прим. автора: ср. Gierke в. у. с. стр. 95 прим. 52).

[5]) Corruptio optima pessima. Интересно, что Маріана, который вообще тѣсно примыкаетъ къ Ѳомѣ, этотъ документъ о томъ, что извращеніе лучшаго—самое худшее, прямо выворачиваетъ на изнанку и отъ самой худшей формы переходитъ отъ ея противоположности, какъ къ самой лучшей: neque leve argumentum est regiam potestatem caeteris esse praestantiorem, cum eadem labefacta atque in contrarium versa desinat in tyrannidem, omnium pessimam, atque pestilentissimam formam gubernandi (S. 27 в. у. с.).

сверхъестественна. Въ силу этого и нуждается она въ болѣе высокомъ правленіи нежели мірское: она нуждается въ господствѣ Христа и его замѣстителя, или папы. Потому то и должно подчиняться папѣ всякое свѣтское правительство.

Гораздо важнѣе для послѣдующихъ поколѣній, чѣмъ эти теоріи, выставленныя лишь затѣмъ, чтобы обосновать подчиненіе государства церкви, было ученіе, что государство покоится на актѣ человѣческой воли. Это согласіе воль съ возрастаніемъ вліянія римскаго права все болѣе и притомъ сознательнѣе обозначалось, какъ правовой актъ, какъ договоръ, при помощи чего полагались основанія для первой юридической конструкціи государства. Практическій выводъ этого ученія былъ обращенъ однако вначалѣ не на внутреннюю государственную жизнь, но преимущественно на отношенія государства и церкви. И въ то время, какъ послѣднюю представляли непосредственно учрежденіемъ самого Бога, государство производили въ первую линію отъ человѣческой воли—правда съ божественнаго согласія—а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно подтвердилось верховенство церкви благодаря ея болѣе высокому происхожденію [1]). Такой путь разсужденій былъ тогда ясенъ для разума и не возбуждалъ противорѣчій, а наивное воззрѣніе народа, которое видѣло и источникъ всяческой государственной власти въ народѣ,—оно также было въ согласіи съ указаннымъ ходомъ мысли, а юридико-правовую совѣсть утѣшали тогда указаніемъ на lex regia de imperio [2]). Эти пункты относятся всѣ къ договору о властвованіи или господствѣ, ученіе же объ этомъ договорѣ образовалось прежде всего, такъ какъ практическая потребность побуждала прежде всего подвергнуть dазсмотрѣнію право государей. При изображеніи возникновенія самого общества довольствовались вначалѣ тѣмъ, что производили его то въ качествѣ слѣдствія отъ грѣхопаденія, то дѣлали его божьимъ твореніемъ, то просто явленіемъ природы. И тотъ фактъ, что общественный договоръ является въ своемъ образованіи только значительно позднѣе, чѣмъ договоръ властвованія, это нужно навѣрное приписать образованной Аристотелемъ и подробной теоріи о возникновеніи государствъ. Такъ какъ у него всѣ находили вполнѣ достаточныя объясненія фактовъ, то незачѣмъ

---

[1]) Gierke в. у. с. стр. 62 и сл. стр. 65.

[2]) Прим. пер. на „законъ, которымъ, какъ предполагалось, римскій народъ передалъ свою власть императорамъ“.

было и пытаться самостоятельно строить новое обоснованіе государства.

Ученіе о договорѣ господства захватываетъ собой еще то время когда борьба между церковью и государствомъ пылала жарче всего, и удержалось до дней спора объ инвеституръ [1]). Однако въ противоположность церкви, которая изъ этого ученія выводила свое превосходство, противники папскихъ притязаній при помощи тѣхъ же предпосылокъ провозглашали свободу отъ папскаго вліянія, такъ какъ, вѣдь, де не папа, а народъ обладаетъ властью необходимой для того, чтобы создавать королей. Такимъ образомъ революціонные выводы выходили сами собой изъ договора о господствѣ.

Но церковь слишкомъ натянула нити своихъ требованій—наступила реакція. Это проявилось уже въ борьбѣ папы Бонифація VIII съ французскимъ королемъ Филиппомъ Красивымъ, а позже въ Германіи при Людовикѣ Баварскомъ. Именно здѣсь начинается для исторіи государственныхъ ученій новая и важная эпоха. Въ собственныхъ нѣдрахъ церкви встаютъ теперь люди, которые становятся ея страшнѣйшими противниками, и которые осмѣливаются съ неслыханной дерзостью не только нападать на верховенство вселенскаго епископата, но также игнорировать и самую мысль вселенской монархіи. Именно Вильгельмъ Оккамъ, котораго обыкновенно считаютъ возродителемъ номинализма, именно онъ высказалъ предположеніе, что король французскій столь же мало имѣетъ власти надъ императоромъ, какъ этотъ послѣдній надъ королемъ Франціи. И далѣе, что столь же мало принадлежитъ свѣтскимъ князьямъ вліяніе на Spiritualia [2]) какъ духовнымъ въ мірскихъ или свѣтскихъ дѣлахъ. Еще дальше шелъ Марсилій Падуанскій, который въ области своихъ церковно-политическихъ ученій стоитъ на современной точкѣ зрѣнія, и государственное ученіе котораго уже отдѣляется отъ мрачнаго фона средневѣковья, какъ прелюдія къ доктринѣ тираноборцевъ [3]). Марсилій обладаетъ уже высокоразвитой демократической системой, что понятно по всей вѣроятности по тому, что онъ былъ знакомъ съ итальянскими городскими республиками. Съ другой же стороны его церковно-политическія ученія нужно, конечно, отнести насчетъ его пребыванія во Франціи, гдѣ уже началась реакція

[1]) Gierke стр. 77 и сл.

[2]) Прим. пер. „духовныя дѣла“.

[3]) Ср. Frank в. у. с. стр. 135 и сл. Janet т. I стр. 498 и сл.

противъ церковныхъ притязаній [1]). Требованія свободы вѣры и совѣсти [2]), съ которыми Марсилій выступилъ тогда въ полномъ одиночествѣ, находятъ точно также свое историческое объясненіе, если понять ихъ какъ реакцію противъ тѣхъ битвъ и жестокостей, которыя за столѣтіе до того были начаты противъ альбигойцевъ, а впослѣдствіи и другихъ еретическихъ сектъ.

Государственное ученіе Марсилія [3]) вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ:

Communitas civilis [4]) въ согласіи съ великимъ philosophus [5]) онъ производитъ генетически. Законы необходимы [6]) для того, чтобы въ общежитіи была сохранена tranquilitas [7]) и гармонія сословій [8]). Для законовъ нужны съ одной стороны законодатель [9]), съ другой исполнительная власть [10]).

Законодательная власть можетъ принадлежать только народу т. е. совокупности всѣхъ гражданъ [11]) или же ихъ большинству [12]) если они выражаютъ свою волю въ общемъ собраніи [13]),

---

[1]) Ср. Sigm. Riezler „die litterarischen Widerfacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Bayers I § 2. II § 11.

[2]) Defensor pacis (edit 1622): nemo cogi praecipitur in hoc seculo poena vel supplicio ad legis evangelicae praecepta servanda (Lib II, c. 9, S. 138, ср. также L. III, Conc. 3).

[3]) Оно преимущественно заключается въ первой части Def. pac., вторая часть содержитъ ученіе о государствѣ и церкви, третья—заключеніе о томъ „Conclusiones... quarum attentione facilius assequi possunt principantes et subditi finem per hunc librum intentum". Самое сочиненіе „Def. pac.", написанное въ защиту отлученнаго въ 1324 году отъ церкви Людвига Баварскаго навлекло на самого автора также отлученіе (1327 годъ).

[4]) Прим. пер. „Гражданское общежитіе".

[5]) Къ нему (т. е. къ Аристотелю) примыкаетъ Марсилій цѣликомъ „fuit homo aristotelicus magis, quam christianus (Ab Pighius, Hierarch eccles, cit. bei Laurent a. a. O. S. 132). Def. p. I, 3, de origine commun. civil.

[6]) Def. pac. I, 11 (S. 33): Sunt ergo leges necessariae ad excludendum a civilibus judiciis seu sententis judicum molitiam et errorem.

[7]) Def. pac. I, 1,2. (Прим. пер. „тишина", „спокойствіе").

[8]) Def. pac. I, 5.

[9]) Def. pac. I cap. 11—14.

[10]) Def. pac. I, cap. 15.

[11]) Def. pac. I, 12, стр. 37.

[12]) Def. pac. стр. 37 (I c. 12). Основаніе этому — только совокупность гражданъ даетъ наилучшіе законы; большинство должно быть рѣшающимъ потому, что полное единогласіе не можетъ быть достигнуто. Ср. L. III заключеніе 6: „Legislatorem humanum, solam civium universitatem esse aut valentiorem illius partem".

[13]) Во всякомъ случаѣ возможно представительство, однако оно не замѣ-

Законы гражданства одни только правомѣрны (легитимны) и являются единственными, которые заключаютъ въ себѣ гарантію послушанія, такъ какъ, повинуясь имъ, гражданинъ повинуется законамъ, которые выбраны имъ самимъ. Само собой разумѣется, что законы поступаютъ на разсмотрѣніе народа только послѣ того, какъ они подверглись обсужденію отдѣльныхъ мудрыхъ мужей [1]). *Исполнительная* власть повелѣваетъ благодаря тому авторитету, который ей предоставилъ законодатель: subditorum voluntas sive consensus (воля подданныхъ или ихъ согласіе) является правильнымъ основаніемъ всякой правомѣрной формы господства [2]). Въ силу этого должно предпочесть наслѣдственной имперіи избирательную [3]). Другими слѣдствіями изъ народнаго суверенитета является съ одной стороны то, что государь подчиненъ законамъ [4]) и съ другой то, что онъ долженъ давать народу отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ, за что, въ случаѣ надобности, народъ можетъ его судить [5]).

Всякая власть исполнительныхъ органовъ, которые лучше всего должны имѣть одного главу, происходитъ такимъ образомъ отъ народа. Выборъ формы исполнительной власти лежитъ въ его рукахъ. И затѣмъ, послѣ того какъ Марсилій понялъ народъ въ его естественномъ смыслѣ, онъ ставитъ подъ знакъ вопроса вселенскую монархію [6]).

Человѣческій законъ можетъ дѣйствовать только на землѣ среди человѣческаго общества. Въ церкви дѣйствуетъ божественный откровенный законъ. Свойство быть гражданиномъ совершенно независимо отъ вѣроисповѣданія. И если какой нибудь за-

---

няетъ цѣликомъ совокупность гражданъ, но назначается со спеціальной цѣлью (L. I. C. 12. S. 37).

[1]) Def. pac. I c. 13 (стр. 42).

[2]) Def. pac. I. c. 8 (стр. 22). Это относится одинаково къ монархіи аристократіи и политіи. Признакомъ извращенныхъ формъ тираніи, олигархіи, и демократіи является именно то, что они существуютъ помимо воли подданныхъ.

[3]) Def. pac. L. I. C. 15 стр. 50.

[4]) Def. pac. L. I. C. 14 стр. 46.

[5]) Def. pac. L. I. C. 18 стр. 71. Государи, правда, должны подлежать наказанію, такъ какъ иначе для государства можетъ возникнуть большой вредъ въ случаѣ, если они останутся безнаказанными. Однако же наказаніе здѣсь постигаетъ князя не въ его качествѣ царствующей особы (principans) а какъ подданнаго (Subditus).

[6]) Def. pac. I cap. 17 стр. 68.

конъ запрещаетъ пребываніе въ странѣ иновѣрнымъ гражданамъ, то эти послѣдніе въ случаѣ противодѣйствія закону наказываются не за ересь, а только за непослушаніе законамъ [1]).

Въ своей церковно-политической части [2]) Марсилій нападаетъ на божественное право папы и требуетъ подчиненія церкви государству. Наша цѣль, однако, заставляетъ насъ выдвинуть на первый планъ его ученіе о государствѣ.

Божественное происхожденіе правъ государя было уже совершенно разрушено при помощи ученія о государственномъ договорѣ [3]). Въ качествѣ правового основанія постоянно требовался договоръ и только этотъ послѣдній дѣлалъ узурпатора законнымъ государемъ. Тотъ выводъ, который дѣлали прежде отсюда въ пользу превосходства церкви, теперь пересталъ быть первенствующимъ. Борьба между церковью и государствомъ за господство уже не велась съ прежнимъ ожесточеніемъ. По окончаніи этого спора, который въ теоріи окончился для церкви бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ дѣйствительности, изложеніе теоріи обратилось внутрь и получило примѣненіе къ двумъ партіямъ борющимся внутри государства—къ царю и къ народу. Послѣдующее время примѣнило свои силы именно къ опредѣленію необходимаго содержанія договора подчиненія или господства. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако врагамъ абсолютизма было дано въ руки страшное оружіе, такъ какъ народный суверенитетъ есть сама собой разумѣющаяся предпосылка этого договора господства. Вѣдь самъ народъ—такъ разсуждали тогда—долженъ прежде всего обладать тѣмъ правомъ, которое онъ желаетъ передать; самъ народъ долженъ быть первоначальнымъ обладателемъ правительственныхъ правъ. И если этотъ договоръ нарушается одной изъ сторонъ, государемъ, то почему же долженъ быть народъ дальше имъ связанъ. Что же касается правовой силы самого договора, то ее обосновывали при помощи вѣры въ естественное право. Отъ революціонныхъ выводовъ отсюда не могло спасти, конечно, даже признаніе безвозвратной передачи власти государю, такъ какъ все же могли постоянно наступить такіе случаи, которые могли имѣть результатомъ возвращеніе правъ народу. И даже искусный оборотъ Гоббеса въ XVII вѣкѣ не былъ настолько рѣшающимъ, чтобы Руссо не перевернулъ его прямо кверху но-

[1]) Def. pac. III conc. 30.

[2]) Laurant в. у. с. стр. 132 и сл.

[3]) Gierke в. у. с. стр. 76 и сл.

гами. Поэтому вѣнчанныя головы гораздо болѣе любили ссылаться на божеское право, чѣмъ принять свою хотя бы неотчуждаемую власть изъ рукъ народа. Фильмеръ былъ у нихъ всегда въ большемъ почетѣ, чѣмъ Гоббесъ.

Подобно тому, какъ теорія договора о господствѣ должна была неудержимо вести къ народному суверенитету, точно также и общественный договоръ, при помощи котораго впервые создается, какъ цѣлое, народъ,—выступающій, какъ сторона въ договорѣ о господствѣ,—долженъ былъ имѣть индивидуалистическія послѣдствія по меньшей мѣрѣ постольку, поскольку относительность права не была еще раньше признана съ достаточной ясностью. Въ мірѣ абсолютныхъ естественно-правовыхъ понятій только индивидъ могъ появиться въ качествѣ источника для права. И это ученіе было уже очень старо. Его знали софисты, его проповѣдовали уже въ древности, какъ часть эпикурейской системы построенной на основѣ атомизма. И безъ сомнѣнія эпикурейское ученіе имѣло извѣстное вліяніе на ученіе объ обществѣ въ новое время. Правда, это вліяніе отрицалось [1]). Однако, твердо установлено съ одной стороны, что это ученіе было извѣстно въ XVI вѣкѣ, съ другой же возможно въ высшей степени, что при громадномъ значеніи, которымъ обладало ученіе Эпикура въ новой наукѣ [2]), вліяніе его обнаружилось и въ этой ея отрасли. Болѣе глубокое изслѣдованіе навѣрно привело бы здѣсь къ положительнымъ результатамъ.

Ученіе объ общественномъ договорѣ имѣетъ своей предпосылкой представленіе объ особомъ естественномъ состояніи, въ теченіе котораго индивидъ блуждалъ кругомъ въ одиночествѣ. Этотъ-то индивидъ и представляется естественному праву въ качествѣ первоначальнаго носителя всякаго права, и ему принадлежатъ въ качествѣ неотчуждаемыхъ правъ, „прирожденныя права человѣка“. Благодаря тому, что и здѣсь правовымъ основаніемъ договора является принципъ, что „договоры должны быть соблюдаемы“,

---

[1]) Gierke в. у. с. стр. 96 № 56.

[2]) Что ученіе Эпикура было извѣстно, это явствуетъ изъ полемики тираноборца или монархомаха Даннея противъ атомистическаго пониманія государства в. у. с. стр. 29. Это воззрѣніе отвергаетъ онъ, какъ нечестивое „velut impiam“, ибо оно принадлежитъ эпикурейскимъ людямъ—атеистамъ. Совершенно невозможно, чтобы здѣсь слово „эпикуреецъ“ было просто браннымъ словомъ. Относительно вліянія Эпикура на новое естествознаніе ср. Lange в. у. с. стр. 184 и сл.

частное право дѣлалось необходимой матерью права публичнаго. Это-то „ὕστερον πρώτερον“ [1]), которое, какъ кажется, постольку оправдывается вѣрою въ естественное право, поскольку при помощи этой второй ошибки конечный счетъ приходитъ къ невозможному, непріемлемому результату.

Отношеніе государства къ праву было прямо перевернуто. Первоначальные люди были снабжены тончайшими понятіями римскаго права—порожденіе того же неисторическаго духа, который нисколько не стѣсняется выпустить на сцену классической трагедіи Ифигенію въ амазонкѣ, а Ореста въ парикѣ. Не надо забывать далѣе, что столѣтіе, во время котораго договорная теорія достигла неоспоримаго значенія, было временемъ Декарта и Спинозы. И если нѣтъ случайности въ томъ, что какъ разъ въ то время, когда началось разложеніе схоластики, былъ возможенъ Марсилій Падуанскій, то и договорная теорія образовалась какъ разъ въ тотъ вѣкъ, когда сбросивъ съ себя схоластическія путы, люди думали сразу понять все окружающее. И какимъ яснымъ стало понятіе государства, разъ его обосновали такимъ образомъ: государство стало *мыслимымъ*. Конечно, если сравнить наши нынѣшнія изслѣдованія съ тогдашнимъ ихъ духомъ, то можно было бы опредѣлить прогрессъ въ слѣдующихъ словахъ: въ вопросахъ мы стали осторожнѣе, а въ отвѣтахъ скромнѣй.

§ 2. Государственныя ученія во время реформаціи.

Теократическое обоснованіе верховной власти снова было воспринято реформаторами. Мы должны обратить вниманіе на ихъ ученіе, такъ какъ они дали косвенно толчекъ къ послѣдней борьбѣ и теоретически къ ученіямъ тираноборцевъ.

Въ основномъ воззрѣніи, что власть имѣетъ божественную основу, что она есть знаменіе божественной милости, единогласны и Лютеръ, и Кальвинъ, и Цвингли, и Меланхтонъ [2]). Конечно, у нихъ отступаетъ на задній планъ революціонный отвѣтъ на вопросъ, поскольку должна совѣсть подчиняться власти. И это опредѣляется не противореволюціоннымъ характеромъ новаго направленія, но силою самихъ обстоятельствъ, такъ какъ, вѣдь, изъ чисто религіознаго принципа еще ничего не вытекаетъ для опредѣленія отношеній

---

[1]) Прим. пер. „позднѣйшее, являющееся, однако, первѣйшимъ“.

[2]) Ср. Gierke стр. 64 и сл.

между властью и подданными. Только личные взгляды, только самостоятельная политика можетъ дать на этотъ вопросъ твердый опредѣленный отвѣтъ. Взятые отдѣльно, съ религіознымъ принципомъ одинаково гармонируютъ и анархизмъ перекрещенцевъ (анабаптистовъ) и полное раздѣленіе государства и церкви при помощи положеній вѣры и библіи можно, какъ это доказало средневѣковье, оправдать положительно все.

Что касается воззрѣній и политики Лютера [1]), то они были менѣе всего приспособлены къ тому, чтобы дать либеральные выводы въ пользу свободы совѣсти подданныхъ. Въ его интересахъ должно было привлечь на свою сторону княжескую власть, такъ какъ на нее онъ долженъ былъ опереться. Поэтому онъ и предоставилъ князьямъ широкій кругъ дѣйствій, какъ по отношенію къ верху такъ и низу,—по отношенію къ императору и народу. И въ то время, какъ онъ въ извѣстныхъ рѣшительныхъ случаяхъ освобождалъ князей даже отъ обязанности послушанія по отношенію къ императору, въ то же время онъ предоставлялъ имъ въ ихъ собственной странѣ очень значительную власть. Всякая власть происходитъ отъ Бога, и всякій, кто ей противится, уже тѣмъ самымъ погрѣшаетъ, хотя бы даже дѣло было правое, разъ только онъ берется за оружіе. Да, еще дальше, даже религіозная реформа должна исходить только отъ государя. Такъ, хоть и признаетъ Лютеръ, что требованія крестьянъ, не противорѣчатъ естественному праву или справедливости, однако же какъ извѣстно, онъ съ особенной рѣзкостью выступаетъ противъ нихъ въ своемъ сочиненіи „Contra rusticos“ [2]). Въ его воззрѣніяхъ коренится скорѣе право реформированія, или „jus reformandi“, чѣмъ свобода совѣсти. Въ его ученіи кромѣ того встрѣчаются самыя осязательныя противорѣчія. Такъ, въ другомъ своемъ словѣ онъ говоритъ, что государство не должно вмѣшиваться въ духовныя дѣла, но въ качествѣ Богомъ учрежденнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ созданнаго людьми установленія, оно должно господствовать только въ области мірской или свѣтской—противорѣчія, которыя, можетъ быть оскорбляютъ нѣжное чувство логики, однако же могутъ быть открыты во всякомъ человѣкѣ, который дѣйствуетъ на самомъ дѣлѣ. Послѣднее было бы впрочемъ самой дешевой и неблагодарной работой, такъ какъ вовсе не требуется,

---

[1]) Baudrillart стр. 28 и слѣд. Janet т. II стр. 122 и слѣд.

[2]) „Противъ крестьянъ“. Прим. пер.

чтобы на распутьи новыхъ дорогъ красовалось гладкое и отчеканенное учебное построеніе.

Для ученій монархомаховъ или тираноборцевъ гораздо большую важность имѣли тѣ принципы, которые установилъ Кальвинъ относительно государства [1]). Его государство, являющееся лишь внѣшнимъ средствомъ для спасенія души [2]), покоится цѣликомъ на теократической основѣ. Французскій реформаторъ не задается вопросомъ о происхожденіи государства. Точно также не строитъ онъ и никакой договорной теоріи. Онъ ограничивается только самымъ опредѣленнымъ образомъ одними лишь не обходимѣйшими пунктами: происходитъ ли власть отъ Бога, каковы ея долгъ и сила? Какіе законы должны управлять христіанскимъ государствомъ, а въ концѣ концовъ, насколько долженъ повиноваться подданный магистрату (т. е. должностному лицу)? Именно благодаря послѣднему вопросу является Кальвинъ очень важнымъ для послѣдующаго времени [3]).

У Кальвина государство не существуетъ само ради себя. Тѣмъ не менѣе онъ обращается противъ тѣхъ, кто отвергаетъ вообще необходимость государства. Правда, тѣ, кто слышитъ, какъ провозглашаетъ свободу евангеліе, не дѣлающее никакого различія между подданнымъ и царемъ, полагаютъ, что не могутъ пользоваться этой свободой, пока видятъ надъ собой какую-либо высшую власть [4]). Однако, кто научился дѣлать различія между духомъ и тѣломъ, между нашей временной, преходящей жизнью и жизнью будущей и вѣчной, тотъ никогда не впадетъ въ это пагубное смѣшеніе, но всегда сумѣетъ раздѣлить столь различныя вещи, какъ духовное царство Христа—spirituale Christi regnum и гражданскую должность—„civilis ordinatio“ [5]).

Однако это различіе не должно вести къ тому, чтобы подвергать презрѣнію мірскія гражданскія отношенія, какъ недостойныя истиннаго христіанина [6]), такъ какъ раздѣленіе вовсе не ведетъ за собой борьбы этихъ двухъ видовъ правленія „regimen“ [7]).

[1]) Institutio Christ. relig. Lib IV cap. XX S. 549 ff. de politica administratione.

[2]) Четвертая книга его Inst. Christ. rel. изслѣдуетъ только вопросъ о внѣшнихъ средствахъ къ спасенію „De externis mediis ad salutem“.

[3]) В. у. с. § 3.

[4]) В. у. с. § 1.

[5]) В. у. с. § 1.

[6]) В. у. с. § 2.

[7]) Тамъ же.

Нашу жизнь на землѣ мы должны использовать въ цѣляхъ царства небеснаго. Мы должны соблюдать внѣшнее богопочитаніе, сообразовать наши нравы съ предписаніями гражданской справедливости, быть миролюбивыми и посильно работать надъ сохраненіемъ всеобщаго міра [1]): quae omnia supervacua esse fateor, si praesentem vitam extinguit regnum Dei, quale nunc intra nos est [2]). Одна только мысль объ отмѣнѣ всякаго государства была бы безуміемъ и варварствомъ, такъ какъ оно (государство) является не только условіемъ существованія человѣческаго рода [3]), но и само состоитъ на службѣ у религіи. Оно имѣетъ своею цѣлью устраненіе идолослуженія, предупрежденіе всяческаго святотатства противъ Бога и противъ религіи. Оно должно заботиться о поддержаніи тишины и о томъ, чтобы у каждаго было свое. Оно дѣлаетъ возможнымъ общеніе людей другъ съ другомъ и поощряетъ честность „honestas“ и умѣренность „modestia“ [4]).

Такъ говоритъ Кальвинъ о цѣли и объ оправданіи государства, отдѣльныя части котораго онъ обсуждаетъ въ вышеупомянутомъ порядкѣ [5]). Государство состоитъ у него изъ трехъ частей: правителя, который есть предсѣдатель и стражъ законовъ—magistratus qui praeses est legum ac custos — законовъ согласно которымъ онъ управляетъ—leges secundom quas imperat—наконецъ изъ народа, управляемаго законами и повинующагося правителю—populus, qui legibus regitur et magistratui paret [6]).

Какъ мы уже упомянули, правитель или магистратъ является въ видѣ божественнаго учрежденія, что и подтверждается многими мѣстами изъ библіи [7]).

Тоже самое относится и ко всѣмъ властямъ, какъ бы онѣ не были различны по формѣ, въ которой онѣ выступаютъ [8]). Правда, въ священномъ писаніи въ особенности рекомендуется господство одного, которое какъ разъ пользуется наименьшими симпатіями

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же. Прим. пер.: это значитъ „Все сіе совершенно излишне, говорю вамъ, если изъ настоящей жизни удаляется царство божіе, которое внутри насъ есть“.

[3]) В. у. с. § 3.

[4]) В. у. с. § 3.

[5]) В. у. с. § 4—32.

[6]) В. у. с. § 3.

[7]) В. у. с. § 4. Тексты взяты изъ псалмовъ 82, Посл. къ Римл. 13, и т. п.

[8]) В. у. с. § 7.

людей [1]). Однако, несмотря на то, нельзя сказать, что эта форм самая лучшая, такъ какъ въ этомъ вопросѣ нельзя вообще прійти ни къ какому рѣшенію безъ того, чтобы не принять во вниманіе особыхъ условій въ отдѣльныхъ государствахъ [2]). Кальвинъ самъ, конечно, со всякой оговоркой высказывается за аристократію: Equidem... minime negaverim vel aristocratiam, vel temperatum ex ipsa et politia statum aliis omnibus longe excellere [3]).

Обязанности магистратовъ слѣдующія: въ первомъ ряду стоитъ забота о благочестіи „cura pietatis“ [4]) каковая безъ сомнѣнія заимствована изъ самой библіи, такъ что этимъ самимъ опровергается неразумное забвеніе Бога со стороны тѣхъ людей, которые полагаютъ, что государство должно обратить вниманіе только на правосудіе. Задача магистра представляется гораздо болѣе широкой [5]). Однако, спрашивается, какъ далеко простирается ихъ власть, которая является условіемъ исполненія съ ихъ стороны долга. Обладаютъ ли они, эти люди, опоясанные мечомъ справедливости, правомъ въ надлежащемъ случаѣ распоряжаться жизнью одного изъ подданныхъ, ибо Господь повелѣваетъ: „не убій!“. Съ другой же стороны, однако, влагаетъ законодатель мечъ въ руки своихъ слугъ съ тою цѣлью, чтобы они обнажали его противъ совершающихъ злое [6]). Кальвинъ находитъ выходъ въ томъ, что онъ вручаетъ магистрату право надъ жизнью и смертью: Affligere et nocere, piorum non est; atqui hoc nocere non est nec affligere, piorum afflictiones, Domini mandato, ulcisci [7]).

То же основаніе, которое здѣсь оправдываетъ убійство преступника, дозволяетъ въ общемъ также и начало войны. За это могутъ быть приведены точно также многіе примѣры изъ свящ. писанія [8]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) В. у. с. § 8.

[3]) В. у. с. § 8. (Прим. пер.: „меньше всего отрицалъ бы я что аристократія либо государство умѣренное само изъ себя и своего устройства далеко превосходитъ всѣ остальныя формы“).

[4]) В. у. с. § 9.

[5]) Тамъ же.

[6]) В. у. с. § 10.

[7]) Тамъ же. (Прим. пер.: это значитъ: „Поражать и причинять вредъ не есть дѣло благочестивыхъ; однако это не значитъ вредить или поражать, когда приходится мстить по повелѣнію господина за страданія благочестивыхъ“.

[8]) Для доказательства того, что библія одобряетъ войну, Кальвинъ приводитъ то мѣсто, въ которомъ повелѣвается солдатамъ быть довольными

Магистраты, въ особенности государь, имѣютъ далѣе право не только покрывать изъ государственныхъ доходовъ общественные расходы, но также и потребности ихъ домашняго блеска „Splendor domesticus". Это послѣднее, однако, должно совершаться съ мѣрою и умѣренностью [1]).

Что касается ученія о законахъ, то само собой разумѣется у Кальвина нельзя искать чего-нибудь юридическаго. Законы называются у него нервами публичныхъ дѣлъ „nervi rerum publicarum" [2]), или же какъ „animae, sine quibus consistere nequit magistratus, quemadmodum nec ipsae rursum sine magistratu quicquam vigoris habent [3]). Кальвинъ вообще входитъ въ обсужденіе этихъ вопросовъ—какъ онъ самъ замѣчаетъ—только потому, что въ этой области господствуетъ много заблужденій и много людей отвергаетъ возможность упорядоченнаго государственнаго устройства, если оно основывается на общихъ законахъ людей „communibus gentium legibus" вмѣсто того, чтобы основываться на *политическихъ* принципахъ, данныхъ еще Моисеемъ. Слѣдующимъ образомъ строитъ Кальвинъ оправданіе первыхъ [4]).

Всеобщій Законъ Божій „universa lex Dei" распадается на 3 части, во-первыхъ, на законъ моральный „lex moralis", во-вторыхъ, законъ церемоніальный „lex ceremonialis" и въ третьихъ, судебный „judicia". Только первая часть содержитъ истинную святость нравовъ и непреложную норму праведной жизни „vera morum sanctitas et immutabilis recte vivendi [5]) norma" и только эта часть должна имѣть вѣчное значеніе. Двѣ остальныя части могутъ быть измѣнены народами смотря по ихъ потребности и въ границахъ моральнаго закона [6]).

И третья часть государства должна держать себя совершенно пассивно. *Подданными* считаются именно тѣ, которымъ не подобаетъ разсуждать о какомъ либо подлежащемъ устроенію обще-

---

своимъ вознагражденіемъ: „militare utque non prohibuit" (в. у. с. § 12). Изъ права веденія войны Кальвинъ выводитъ еще слѣдующія права магистрата: „jus praesidorum, jus foederum", и civilium aliarum munitionum raptio (тамъ же).

[1]) В. у. с. § 13.

[2]) В. у. с. § 14.

[3]) Тамъ же. (Прим. пер.: что значитъ „души, безъ коихъ не можетъ существовать магистратъ, и которыя, съ другой стороны, безъ магистрата также не имѣютъ никакой силы".

[4]) В. у. с. § 14.

[5]) В. у. с. § 15.

[6]) В. у. с. § 16.

ственномъ дѣлѣ „quibis de constituenda re aliqua publica deliberare non licet“ [1]). Ихъ обязанность заключается въ томъ, чтобы почитать власть, какъ божественное учрежденіе. И если даже ея носители злоупотребляютъ своею властью, то подданные должны ему повиноваться, ибо такова есть Божья воля [2]). Въ такомъ то именно случаѣ и обнаруживается Божье милосердіе, когда оно избавляетъ народъ отъ господства тирановъ при помощи особеннаго мужа, исполненнаго Духа Свята [3]).

И если уже эта взятая изъ библій надежда оправдываетъ въ концѣ концовъ всякую революцію, то съ другой стороны благодаря другому ограниченію лишаетъ Кальвинъ свое ученіе о пассивномъ послушаніи какой бы то ни было почвы. Такъ какъ въ концѣ отдѣла говорится [4]): „At vero in ea, quam praefectorum imperiis deberi constituimus obedientia, id semper excipiendum est uno imprimis observandum ne ab eius obedientia nos deducat cuius voluntati Regum omnium vota subesse cuius decretis jussa cedere cuius majestati fasces submitti par est“. Такъ какъ Богу должно болѣе повиноваться, нежели человѣку.

Такія положенія, а затѣмъ и предпочтеніе, которое отдаетъ Кальвинъ аристократіи, показалось опаснымъ приверженцамъ абсолютизма [5]). Однако гораздо большее вліяніе имѣлъ Кальвинъ косвеннымъ путемъ на развитіе демократіи [6]). Его демократическое устройство церкви сначало перешло въ Шотландію, гдѣ при помощи Нокса пресвитеріанская церковь одержала побѣду. Съ демократическимъ характеромъ пуританъ мы познакомимся далѣе на примѣрѣ Буханана. Черезъ пуританъ церковно демократическія начала перешли въ Америку, гдѣ они имѣли громадное значеніе

---

[1]) B. y. c. § 8, также § 23.

[2]) B. y. c. § 25—§ 28. Во всякомъ случаѣ могутъ быть также назначены народные магистраты для ограниченія царей, каковы, напримѣръ, эфоры трибуны въ Римѣ и демархи въ Аѳинахъ (B. y. c. § 31).

[3]) B. y. c. § 30.

[4]) B. y. c. § 32. (Прим. пер.: что значитъ „однако же въ томъ, въ чемъ, какъ мы установили повелѣніямъ властей надлежитъ оказывать повиновеніе, должно постоянно исключать то, что прежде всего подлежитъ соблюденію, а именно, чтобы они не помѣшали нашему послушанію предъ тѣмъ, чьей волѣ должны подчиняться рѣшенія самихъ царей, чьимъ велѣніямъ должны уступать ихъ приказы, передъ чьимъ величествомъ должно опустить символы свѣтской власти“).

[5]) Barclaius B. y. c. стр. 34—нападаетъ на него вслѣдствіе этого.

[6]) Послѣдующее является изслѣдованіями изъ семинарія проф. Еллинека.

при организаціи колоніи, такъ что отсюда опять они обратно повліяли на континентъ—во времена французской революціи.

Въ заключеніе мы должны сказать еще нѣсколько словъ относительно шотландскаго реформатора „Кальвина Шотландіи“ [1]), съ которымъ мы только что познакомились, какъ съ защитникомъ тираноубійства [2]). Ноксъ продолжалъ далѣе начатое Кальвиномъ зданіе и въ дѣлахъ вѣры предоставлялъ народу право въ случаяхъ нужды съ оружіемъ въ рукахъ защищать противъ Государя свою вольность. Положеніе о томъ, что нужно Богу повиноваться болѣе нежели человѣку, повело съ необходимостью къ праву активнаго сопротивленія.

§ 3. Государственныя ученія современниковъ монархомаховъ или тираноборцевъ.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изображенію государственнаго ученія монархомаховъ, мы должны дать краткій очеркъ современныхъ имъ доктринъ поскольку онѣ представляютъ извѣстную важность благодаря ихъ согласію или противорѣчію теоріи упомянутыхъ писателей. Ученія іезуитовъ, а также Бодена и Барклая, этого спеціальнаго противника тираноборцевъ, являются именно тѣми, которыми мы вкратцѣ сейчасъ и займемся.

Къ содержанію іезуитской противо-реформаціи прежде всего принадлежитъ подчиненіе государства церкви. Въ этомъ отношеніи іезуиты примыкаютъ къ своему великому учителю, къ Ѳомѣ Аквинскому. Однако они достаточно самостоятельны, чтобы допустить также и нѣкоторыя уклоненія отъ его ученій. Притязанія средневѣковой церкви нашли въ нихъ снова своихъ адвокатовъ и защитниковъ.

Выводя верховенство церкви изъ ея божественнаго происхожденія и обосновывая государство на актѣ человѣческой воли, на договорѣ, они касались здѣсь, въ своей доктринѣ средневѣковыхъ ученій и ученія о народномъ суверенитетѣ. Вѣдь они не могли предоставить государямъ никакой неотчуждаемой должности. Напротивъ того, они нуждались въ помощи народа противъ государей-еретиковъ. Для нихъ поэтому не было никакой причины, чтобы уклониться отъ революціонныхъ выводовъ изъ ученія о договорѣ. Уже на Тріентскомъ соборѣ это высказалъ Лаибнецъ и

[1]) Calvin de l'Ecosse. Baudrillart a. a. O. S. 46.

[2]) См. выше гл. I § 3.

чрезъ все государственное ученіе іезуитовъ тянется красной нитью мысль о народномъ суверенитетѣ со всѣми ея выводами вплоть до ученія о тираноубійствѣ [1]).

Народъ стоялъ такимъ образомъ надъ государемъ. Надъ нимъ, превосходя князя „Superior principis", стоялъ, однако, папа, такъ что демократическія доктрины были очень ослаблены, благодаря признанію власти надъ народомъ. Только съ благословенія папы долженъ народъ выбирать или отрѣшать своихъ властей, а еретическихъ князей онъ вовсе не долженъ допускать до трона.

Эта расширенная до крайности полнота папской власти была—положимъ, только по имени—смягчена при помощи признанія одной только „косвенной" власти папъ надъ князьями. Церковная и свѣтская власть должны были относиться другъ къ другу какъ духъ и тѣло. Духъ не вмѣшивается въ дѣятельность тѣла, однако, если это представляется необходимымъ, онъ вынуждаетъ его на то или другое. Точно также и папа въ томъ случаѣ, если этого требуетъ спасеніе душъ подданныхъ, можетъ рекомендовать народу и другіе выборы [2]).

Это теорія Беллярмина, которая, быть можетъ, должна была показаться менѣе опасной князьямъ, благодаря своей косвенной власти „indirecta potestas", очень не понравилась въ Римѣ. Книга Беллярмина была занесена въ запрещенный индексъ.

И даже тѣ іезуитскіе писатели доводили до конца выводы изъ народнаго суверенитета, которые считали возможнымъ совершенную передачу „perfecta largitio" суверенитета князьямъ. Такъ по крайней мѣрѣ, Суарецъ признавалъ, что послѣ того, какъ народъ произвелъ отчужденіе, принадлежащей ему по силѣ разсуждающаго разума—ex vi rationis rationalis [3]) — власти, тѣмъ не менѣе онъ удерживаетъ за собой при вырожденіи князя право сопротивленія.

Человѣкомъ, который воплотилъ въ себѣ теченіе, направлен-

---

[1]) Сравни относительно этого Hubert в. у. с. стр. 265 и сл. Что касается отношенія римской куріи къ этимъ ученіямъ, то о немъ даетъ ясное представленіе одно письмо sarpis къ le chasser (Hubert в. у. с. 168). Римская курія никогда не осудитъ доктрину іезуитовъ, такъ какъ одна изъ высшихъ и величайшихъ тайнъ ея господства заключается въ томъ, чтобы устранять съ дороги тѣхъ, которые открыто заявляютъ, что не имѣютъ къ ней уваженія и держать тѣхъ въ страхѣ и повиновеніи, кто рѣшился бы на многое если бы ея не боялись.

[2]) Hubert в. у. с. Jenet в. у. с. J. II гл. IV.

[3]) Ср. Gierke в. у. с. стр. 67.

ное противъ революціонныхъ ученій монархомаховъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнымъ сознаніемъ ставилъ своей цѣлью укрѣпленіе авторитета, былъ Боденъ, и его ученія мы должны разсмотрѣть, поскольку этого требуютъ наши задачи. Боденъ не говоритъ ничего объ общественномъ договорѣ. У него государство вырастаетъ изъ семьи. Тѣмъ важнѣе его отношеніе къ развитію договора о господствѣ, содержаніе коего онъ старался представить какъ безусловное по необходимости отчужденіе суверенитета, причемъ онъ впервые отличаетъ его отъ правленія [1]). Однако и здѣсь власть суверена не безгранична, но должна остановиться передъ порогомъ семьи и передъ частнымъ правомъ. Точно также защищаетъ Боденъ свободу совѣсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ является здѣсь исключеніемъ для своего времени.

Смѣшеніе государственныхъ формъ представляется ему невозможнымъ вслѣдствіе недѣлимости суверенитета.

Въ изданіи законовъ суверенъ, а слѣдовательно и государь въ монархіи совершенно неограниченъ, такъ какъ именно въ этомъ правѣ законодательства и заключается истинный признакъ „vraie marque“ суверенитета. Онъ издаетъ законы безъ чьего бы то ни было согласія „Sans le consentement de plus grand ni de pareil, ni de moindre que soi“. Совѣтъ, состоящій изъ пожизненныхъ членовъ имѣетъ только право совѣта и представленія „droit de conseil et de remonstrance“.

Низшіе магистраты обязаны повиновеніемъ высшимъ. Если, однако, предписывается явная несправедливость, то чиновникъ не долженъ повиноваться, но обязанъ сложить свою должность. Право активнаго сопротивленія по отношенію къ дурному государю „mauvais prince“ исключается совершенно: „Eût-il commis toutes les injustices le sujet n'a point de jurisdiction sur son prince“ [2]). Тиранъ въ самомъ отправленіи своей власти „tirannus quo at exercitium“ [3]) является такимъ образомъ неприкосновеннымъ. Другое дѣло узурпаторъ, который не имѣетъ никакого договорнаго права на свою должность [4]). Онъ долженъ быть умерщвленъ.

Ученіе объ убійствѣ тирановъ находится такимъ образомъ

---

[1]) Ср. Baudrillart стр. 267 и сл. Gierke в. у. с. стр. 83.

[2]) «Если бы онъ совершилъ всѣ несправедливости, то подданные все же не имѣютъ никакого права суда надъ государемъ»—прим. пер.

[3]) Ср. ниже гл. III.

[4]) Le tyran est celui qui de sa propre autorité se fait prince souverain

даже въ произведеніяхъ абсолютистовъ. Самъ противникъ тираноборцевъ Барклай дозволяетъ примѣненіе силы по отношенію къ узурпатору „tyrannus absque titulo“: Qui in libera civitate liberoque populo summum in omnes imperium vi et armis occupat, quem et omnibus universe, et singulis separatim, quo modo quaque arte possint deturbare et tollere de medio ut hostem publicum, semper sine ulla contradictione licuit, *quippe cui nullo foederis et fidelitatis vinculo astringuuntur*“ [1]).

Барклай въ существенномъ находится подъ вліяніемъ Бодена, и у него право государственное основывается на договорѣ съ народомъ, при помощи котораго послѣдній отчуждаетъ свои права. Однако, соглашеніе, которое переноситъ власть на государя не можетъ быть уничтожено противоположнымъ соглашеніемъ „contrarius concensus“ [2]).

Власть короля безгранична [3]). Король издаетъ законы безъ того, чтобы этимъ связывать себя или своихъ наслѣдниковъ [4]). И какъ бы онъ ни былъ дуренъ онъ всегда—при предположеніи, что онъ законный государь—выше народа и его наказаніе зависитъ отъ одного только Бога [5]).

То положеніе, что Бога должно болѣе слушать, нежели человѣковъ у Барклая толкуется въ томъ смыслѣ, что оно требуетъ пожертвованія своей жизни во славу Божію [6]).

---

sans élection, ni droit successif ni fort, ni juste guerre, ni vocation spéciale le Dieu (cit. Baudrillart S. 294).

[1]) Barclaius, De regno et regali potestate adversus... Monarchomachos S. 483. (Прим. пер.—„того, кто въ свободномъ государствѣ и среди свободнаго народа захватитъ силою и оружіемъ высшую власть надъ всѣми, того истребить и уничтожить, какъ публичнаго врага и всѣмъ совмѣстно и каждому порознь какимъ бы то ни было способомъ и безъ всякихъ возраженій, такъ какъ по отношенію къ нему подданные не связаны никакимъ договоромъ, никакимъ долгомъ вѣрности“).

[2]) Barcl. стр. 114.

[3]) Относительно вещей „безразличныхъ“ король можетъ издавать законы безъ всякихъ ограниченій; въ остальныхъ же, которыя или по своей природѣ, или въ силу предписаннаго закона божія считаются праведными или неправедными, христіанскіе цари не должны себѣ приписывать такой неограниченной власти (в. у. с. стр. 325). Во имя общественной пользы государь можетъ налагать руку даже на жизнь подданныхъ. (В. у. с. стр. 428).

[4]) В. у. с. стр. 94 и 324.

[5]) В. у. с. гл. V стр. 140.

[6]) В. у. с. стр. 154.

Глава III.

Историческій обзоръ ученія о тираноубійствѣ.

Въ XVI вѣкѣ было общимъ мнѣніемъ ученыхъ людей—communis opinio doctorum—что тиранъ долженъ быть убитъ; даже у Бодена и Барклая, у этихъ двухъ защитниковъ абсолютизма, мы видимъ, какъ всплываетъ это ученіе, и уже поэтому мы можемъ заключить, насколько распространено оно было уже въ тѣ времена. Конечно, и между этими проповѣдниками тираноубійства и монархомахами имѣется существенное различіе: тогда какъ первые направляютъ свои стрѣлы только противъ того, кто въ свободномъ государствѣ и среди свободнаго народа захватываетъ высшую власть надъ всѣми при помощи оружія и силы—„qui in libera civitate liberoque populo, summum in omnes imperium vi et armis occupat"—[1]) а слѣдовательно только противъ тирана по способу пріобрѣтенія власти—tyrannus absque titulo—у тираноборцевъ ихъ угрозы направлялись также и противъ законнаго князя, выродившагося въ тирана. Во всякомъ случаѣ развитіе этихъ принциповъ даетъ намъ интересную характеристику времени, если мы посмотримъ, насколько во время „возрожденія" были „возрождены" и эти идеи античнаго міра. Насколько же въ древности проникло въ народное сознаніе ученіе о тираноубійствѣ, это показываютъ старыя застольныя пѣсни въ честь тираноубійцъ Гармодія и Аристогитона; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились и до сихъ поръ.[2])

---

[1]) Barclaius в. у. м. стр. 83.

[2]) Ἐν μύρτον κλαδὶ τὸ ξίφος φορήσω
ὥσπερ Ἁρμόδιος καὶ Ἀριστογείτων,
ὅτε τὸν τύραννον κτανέτην
ἰσονόμους τ' Ἀθήνας ἐποιησάτην.
Αἰεὶ σοφῶν κλέος ἔσσεται κατ' αἶαν,
φίλταθ' Ἁρμόδιος καὶ Ἀριστογείτων,

Послѣдніе слѣды этого ученія встрѣчаются въ древности и у Цицерона [1]) съ тѣмъ, чтобы во время античнаго декаданса или паденія изчезнутъ болѣе, чѣмъ на 1000 лѣтъ, такъ какъ, вѣдь, ни ученіе христіанства, ни аскетическія воззрѣнія послѣднихъ языческихъ философскихъ школъ не могли благопріятствовать теоріи возстанія. Христіанство вѣдь было религіей страданія и для мудраго всѣ вещи были безразличны—ἀδιάφορα. Политика его не могла прельстить, и если по сужденію добродѣтельнаго философа происходилъ конфликтъ между его совѣстью и повелѣніемъ государя, то онъ могъ всегда выбрать себѣ исходъ—ἐξαγωγή—ни противъ князя, а на собственную свою грудь направлялъ онъ обнаженный кинжалъ.

Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и при томъ въ первые вѣка христіанства фанатизмъ былъ достаточно силенъ для того, чтобъ превозмочь колебанія и оправдать тираноубійства. Такъ, церковный историкъ Соломонъ оправдываетъ убійство императора Юліана и, сравнивая христіанскихъ солдатъ, совершившихъ это дѣло съ тираноубійцами древней Греціи, онъ прибавляетъ: еще менѣе заслуживаетъ упрека тотъ, кто совершаетъ столь мужественное дѣло во имя Бога и религіи.[2]) Даже у Августина находится одно положеніе, которое допускаетъ подобное же истолкованіе [3]).

Первымъ философомъ среднихъ вѣковъ, который снова возродилъ эту доктрину, былъ Іоаннъ Салисбюрійскій [4]), притомъ сдѣлалъ онъ это несомнѣнно въ связи съ тѣмъ церковно-политическимъ споромъ, который велся въ Англіи въ XII вѣкѣ съ ожесто-

---

ὅτι τον τύραννον κτανέτην,
ἰσονόμους τ'' Αθήνας ἐποιησάτην.
Φίλταθ' 'Αρμόδι' οὔ τί ποῦ τέθνηκας
νήσοις δ'ἐν μακάρων σέ φάσιν εἶναι
ἴνα πὲρ ποδώκης 'Αχιλεύς,
Τυδεΐδην τὲ φασ' ἐσθλὸν Διομήδεα.
'Εν μύρτου κλαδὶ τὸ ξίφος φορήσω,
ὥσπερ 'Αρμόδιος καὶ 'Αριστογείτων,
ὅτ' Αθηναίης ἐν θοσίαις
ἄνδρα τύραννον Ἵππαρχον ἐκαινέτην

[1]) Cic. de off. L III, 4.

[2]) Eicken в. у. с. стр. 140.

[3]) De civ. Dei I 17, 21; V. 19, 21.

[4]) Сравн. Gennrich Staats—und Kirchenlehre Johanns von Salisbury 1894. anet a. a. O. I, S. 370 и сл.

ченіемъ; и какъ извѣстно, во время этого спора былъ убитъ по приказу Генриха II (1170 г.) Ѳома Бекетъ, другъ Іоанна Салис бюрійскаго. Въ 1159 году Іоаннъ окончилъ своего „Поликратикуса“ Содержащееся въ немъ ученіе о тираноубійствѣ такимъ образомъ направлено по всей вѣроятности противъ короля Стефана II (1135—1154), для характеристики котораго Іоаннъ не могъ найти достаточно сильныхъ выраженій, и который представлялся ему прототипомъ тирана.

Какъ и всѣ послѣдующіе писатели, Іоаннъ прежде всего точно различаетъ между королемъ и тираномъ и опредѣляетъ тѣ признаки, которыми характеризуется государь: „истинный государь борется за право и свободу своего народа. Тиранъ не успокаивается до тѣхъ поръ, пока онъ не попретъ ногами всѣ законы, а народа не обратитъ въ рабовъ. Истинный князь есть отраженіе Бога. Тиранъ есть образъ діавола. Перваго должно любить, уважать, почитать, второго по большей части нужно убивать“. И право на это принадлежитъ всякому, кто только осмѣлится подойти къ тирану, и по отношенію къ послѣднему разрѣшается даже обманъ. Безъ всякихъ угрызеній совѣсти можно его предварительно обольстить: „ei namque licet adulari, quem licet occidere.“[2])

И не только дозволено убійство тирановъ, но кромѣ того это еще законно и справедливо: aequum et justum. И то же сужденіе почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ возвращается позже опять у Маріаны[3]), и опять-таки какъ-разъ у Іоанна Салисбюрійскаго, находитъ свою прелюдію своеобразное сомнѣніе Маріаны на счетъ того, можно ли умерщвлять тирановъ ядомъ или же только однимъ кинжаломъ. Оба писателя высказываются за кинжалъ и притомъ по одинаковымъ мотивамъ. И хотя никакому сомнѣнію не подлежитъ, что тиранъ доженъ быть умерщвленъ, однако это должно произойти безъ нарушенія „религіи и честности“: „sine religionis honestatisque dispendio [4])“. Если же обманомъ побудитъ тирана къ принятію отравы, то этимъ самымъ побуждаютъ его къ совершенію грѣха самоубійства. [5])

---

[1]) Policrat. VIII C. 17. цитировано у Janet I стр. 371.
[2]) Цитировано у Janet, I стр. 372.
[3]) Сравни ниже главу IV.
[4]) Цитировано у Janet, I стр. 373.
[5]) Сравни ниже главу IV.

Въ слѣдующемъ столѣтіи тираноубійство, хотя и не въ опредѣленной формѣ, упоминается уже у величайшаго схоластика у Ѳомы Аквината [1]). Ѳома слѣдующимъ образомъ разрабатываетъ рѣшающее мѣсто изъ „de officiis“ [2]) Цицерона: „Никто не обязанъ повиноваться узурпатору, котораго не только дозволяется, но и похвально убивать, такъ какъ и Туллій въ книгѣ „de officiis“ привѣтствовалъ тѣхъ, кто умертвилъ Юлія Цезаря, захватившаго въ качествѣ тирана всѣ права власти“ [3]). Ѳома говоритъ далѣе только, что „восхваляется и награждается тотъ, кто умерщвляетъ тирана ради освобожденія своего отечества“ [4]). Этимъ, конечно, своего мнѣнія Ѳома не высказываетъ. Во всякомъ случаѣ онъ признаетъ право народа свергнуть государя, въ случаяхъ узурпаціи и злоупотребленій властью: „конечно вполнѣ мыслимо, что тотъ государь, который не исполняетъ своихъ обязанностей, подтвержденныхъ клятвой, привлекается къ отвѣтственности и судится совокупностью тѣхъ, предъ которыми онъ клялся. Такъ случилось и съ Тарквиніемъ и съ Домиціаномъ. Однако, если не существуетъ подобнаго отношенія между правителемъ и управляемыми и если далѣе невозможна жалоба на него у болѣе высокаго властителя изъ среды людей, который стоялъ бы надъ тираномъ, то въ такомъ случаѣ единственно у Бога должны искать помощи“ [5]). Каково бы ни было личное мнѣніе Ѳомы на самомъ дѣлѣ, однако это мѣсто, относящееся къ тираноубійству, имѣло величайшее значеніе въ послѣдующее время, такъ какъ на него начиная съ Жана Пти и кончая докторами Лиги, ссылались всѣ, кому только оно могло пригодиться.

По поводу осужденія Жана Пти [6]) поднялся даже споръ между Сорбонной и Константскимъ Соборомъ. Пти, Францисканецъ и докторъ богословія, какъ извѣстно, защищалъ убійство Людовика Орлеанскаго, совершенное по подстрекательству Іоанна Бургундскаго въ 1407 году и выставилъ 12 основаній, въ силу которыхъ оправдывалъ тираноубійство: „каждому подданному безъ какого бы то ни было предписанія или порученія дозволено по естественнымъ, нравственнымъ и божественнымъ законамъ убивать или со-

---

[1]) Janet, I стр. 422 и сл. Huber, в. у. с. стр. 26 и сл.
[2]) Huber, тамъ же.
[3]) Цитировано у Huber'a, в. у. с. стр. 263.
[4]) Цитировано у Huber'a, тамъ же.
[5]) De reg. princ. Цитировано у Huber'a, тамъ же.
[6]) Janet, I стр. 506 и слѣд.

дѣйствовать убіенію всякаго тирана" [1]). При защитѣ этого положенія онъ ссылался на библію, на Аристотеля, на Цицерона, на Галя, Іоанна Салисбюрійскаго и Ѳому Аквинскаго. Соборъ, хоть и осудилъ тираноубійство, тѣмъ не менѣе не только затянулъ производство дѣла Пти до безконечности („Parvus"), но и оставилъ его неразрѣшеннымъ. Во всякомъ случаѣ рядъ мнѣній участниковъ собора былъ на сторонѣ Пти. [2]).

Начиная съ XIII и XIV в.в. существовали еще братья „свободнаго духа", которые проповѣдовали вмѣстѣ со своими анархистскими теоріями также и ученіе о тираноубійствѣ [3]). До нашего времени дошелъ одинъ интересный протоколъ отъ 30-го декабря 1367 г., въ которомъ записанъ допросъ, учиненный Іоанну Шпикеру инквизиторомъ Керлингомъ въ Эрфуртѣ. Согласно этому акту—свободный человѣкъ никому не обязанъ повиновеніемъ. Онъ полный господинъ всѣхъ вещей и онъ можетъ взять изъ нихъ все, въ чемъ онъ нуждается. Всякаго, кто противится его плану, онъ можетъ убить, и по праву онъ можетъ распорядиться жизнью самого императора, если этотъ послѣдній ставитъ ему въ чемъ либо препятствіе.

И даже престолъ св. Петра принималъ участіе въ поощреніи ученія о тираноубійствѣ и притомъ уже очень рано, во времена правленія Генриха IV, какъ значится въ одномъ изъ декретовъ Урбана II [4]). На убійцъ людей, отлученныхъ отъ церкви, возлагаются эпитеміи соотвѣтственно намѣренію, которымъ они руководились при совершеніи дѣянія. Вообще не должно даже считать за человѣкоубійцу того, кто будучи воспламененъ св. ревностью о церкви, бросается на отлученнаго отъ церкви и убиваетъ его. Однако при совершеніи этого дѣянія могутъ примѣшиваться и менѣе чистыя намѣренія, и въ такомъ случаѣ на человѣка, совершившаго подобное дѣяніе должно наложить эпитемію".—Церковь вообще только подвергала грѣшниковъ отлученію. Исполненіе же своего рѣшенія она предоставляла другимъ; вѣдь не дѣло монаховъ и другихъ духовныхъ лицъ, по выраженію Беллярмина, убивать другихъ людей или предательски умерщвлять царей [5]).

---

[1]) Сравни Ziegler «Geschichte der Chistliechen Ethik». Іоаннъ Герсонъ признавалъ также—«Vim vi repellere licet» срав. Буше. в. у. с. стр. 272.

[2]) Zeigler. «Gesch. der Eth.» стр. 319 и слѣд.

[3]) Срав. Raoul Allier «Les Anarchistes du moyen age» въ Revue de Paris, 15. VIII 94, стр. 807 и слѣд.

[4]) Huber, в. у. с. стр. 264.

[5]) Huber, в. у. с. стр. 267.

Очень важно для дальнѣйшаго развитія этого ученія то различіе тирана по способу пріобрѣтенія власти—tyrannus absque titulo—и по способу ея употребленія—tyrannus quoad exercitium—которое, примыкая къ Аристотелю [1]) и итальянскимъ условіямъ того времени, было формулировано Бартоломъ изъ Іассоферрато въ его трактатѣ о тираніи [2]).

Государь, если онъ только желаетъ имѣть дѣйствительное *право* на свое властвованіе, долженъ находиться въ правовомъ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Тотъ же, кто явно воцаряется въ государствѣ безъ законнаго основанія—qui in civitate sine justo titulo manifeste principatur [3])—а такой случай наступаетъ, если или выборщики не имѣютъ права избирать, или же тронъ захватывается насильственнымъ путемъ, то въ такомъ случаѣ этотъ тиранъ „по способу пріобрѣтенія власти"—tyrannus absque titulo [4])—долженъ быть арестованъ согласно закону о преступленіи противъ Величества—lex Julia Mayestatis[5])—а это значитъ онъ наказывается смертью—capite punitur [6]).

Другой же тиранъ, злоупотребляющій своею властью—tyrannus quoad exercitium—котораго характеризуютъ 10 признаковъ, сливающихся въ одномъ, „что онъ угнетаетъ подданныхъ—quod subditos affligat [7])—онъ можетъ быть наказанъ только по закону о публичной силѣ—lex Julia de vi publica или по закону о подкупахъ—lex julia de ambitu—т. е. другими словами можетъ быть подвергнутъ только ссылкѣ и гражданскому безчестію. Бартолъ еще заботливо самъ прибавляетъ къ этому: „можетъ быть также онъ впадетъ еще въ уголовное преступленіе, караемое „смертью"—„item forsa incidit in poenam capitalem" [8]).

По мѣрѣ того, какъ все болѣе ясно выступаетъ на первый планъ договоръ о власти или господствѣ, заключеніе его является критеріемъ для законной государственной власти причемъ безразлично, былъ ли договоръ заключенъ открыто или же путемъ молчаливаго признанія. Если же договора не было, то тогда совер-

---

[1]) Arist. Pol., L, 5 C. 8.
[2]) Tractat de tyrannia, Quaestio V, § 12.
[3]) Tr. d. t. a. VI § 13.
[4]) Тираннъ безъ законнаго правового основанія или титула. (Пр. Пер.)
[5]) Tr. d. t. a. IX § 33.
[6]) I 3. D. ad leg. Jul. Maj., 48,4.
[7]) Tr. d. t., тамъ же.
[8]) Тамъ же.

шенно очевидно стоялъ во главѣ государства не государь—princeps, а только тиранъ — tyrannus absque titulo. Что же касается государя, который злоупотреблялъ или превышалъ права своей власти, онъ былъ уже другимъ тираномъ—tyrannus quoad exercitium. Различіе правового положенія обусловливало и различное обращеніе съ двумя этими видами тирановъ. Въ то время какъ первый являлся лишеннымъ всѣхъ правъ и по отношенію къ нему оправдывалось всякое сопротивленіе какъ со стороны всего народа, какъ такового, такъ и со стороны каждаго отдѣльнаго лица. Второй какъ никакъ, пріобрѣлъ путемъ договора права, такъ что по отношенію къ этому тирану дозволено было сопротивленіе только со стороны спеціально назначенныхъ для этого лицъ или же должно было послѣдовать со стороны народа формальное расторженіе заключеннаго договора. Во всякомъ случаѣ или актъ провозглашался расторгнутымъ самъ собою вслѣдствіе нарушенія договора по винѣ государя [1]), или же въ случаѣ крайней необходимости „premente negotio“ разрѣшалось немедленное же и при томъ энергичное вмѣшательство въ дѣло со стороны народа [2]). Въ общемъ всетаки проявлялось стремленіе дозволить немедленное убійство только узурпатора—tyrannus absque titulo. Безспорнымъ являлось также и другое положеніе, а именно: что убійство узурпатора позволительно безъ какихъ бы то ни было противорѣчій: „Semper sine ulla contradictione licuit“ [3]). Однако же и здѣсь у различныхъ партій понятіе узурпатора—tyrannus absque titulo—подвергалось различнымъ ограниченіямъ. И если у революціонеровъ даже законный государь могъ превратиться въ узурпатора путемъ *лишенія* его права на власть, то у абсолютистовъ, напротивъ того перенесенный на государя суверенитетъ оказывался навсегда изъятымъ отъ распоряженія народа. И съ этой точки зрѣнія ученіе о тираноубійствѣ у Бодена далеко не представляется столь неправдоподобнымъ.

---

[1]) Buchanan, стр. 38.
[2]) Boucher, L. IV.
[3]) Barclaius, стр. 483.

Глава IV.

Государственное ученіе тираноборцевъ.

§ 1. Ученіе о первобытномъ состояніи и общественномъ договорѣ.

Поэты древности говорили о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ. И въ качествѣ еще большихъ авторитетовъ и Аристотель, и церковь соединили свои голоса въ заявленіи, что было такое первобытное состояніе, находясь въ которомъ люди блуждали кругомъ въ одиночку. Однако какъ съ одной стороны Аристотель не только сказалъ, что люди жили разсѣянными и въ одиночку въ древне время — „σποράδες γὰρ καὶ ὄντω το ἀρχαῖον ᾤκουν“ [1]) — однако прибавилъ также, что человѣкъ по природѣ есть животное общественное — „ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῶον“ [2]) — то точно также, съ другой стороны и въ библіи находилось положеніе о томъ, что не добро быть человѣку одному: „non est bonum hominem esse solum“. Соединеніе этихъ положеній о томъ, что человѣкъ есть общежительное существо или стадное животное, и что не хорошо человѣку оставаться одному, давало достаточное руководство къ тому, чтобы изъ принятаго такимъ образомъ естественнаго состоянія перевести человѣка въ состояніе общественности [3]). Въ одной изъ прежнихъ главъ мы уже достаточно занимались этимъ вопросомъ, а теперь намъ остается только разобрать, какое положеніе заняли тираноборцы по отношенію къ этимъ ученіямъ.

Общественный договоръ приводитъ къ индивидуалистическимъ заключеніямъ. Однако это лежало внѣ намѣренія нашихъ писателей, требовать для каждаго отдѣльнаго индивида „неотчуждае-

---

[1]) Pol. I, 7.

[2]) Тамъ же I, 9.

[3]) Срав. въ особенности Suarez'a de legibus ac deo legislatore, I § 3.

мыхъ и прирожденныхъ человѣческихъ правъ". Они не столько старались о томъ, чтобы дать права индивидамъ, какъ о томъ, чтобы поставить совокупность народа какъ таковую надъ головой государя. Какъ мы еще увидимъ, они даже рѣзко отклоняютъ всякое слишкомъ замѣтное выступленіе на первый планъ отдѣльнаго или частнаго лица—„privatus". И въ этомъ отношеніи они стали образцами въ особенности для англійскихъ республиканцевъ XVII столѣтія [1]). Въ виду того, что ученіе объ общественномъ договорѣ въ его послѣдовательномъ проведеніи могло скорѣе мѣшать тираноборцамъ въ ихъ практическихъ цѣляхъ, а ужъ никакъ не содѣйствовать имъ, то наши монархомахи занимаются этой теоріей по пути ради полноты изложенія, и только Саломоній удѣляетъ ей болѣе серьезное мѣсто въ своей работѣ.

О первобытномъ состояніи по большей части упоминается только въ немногихъ словахъ. Отманъ, Юній Брутъ и неизвѣстный авторъ сочиненія de jure magistratuum" умалчиваютъ о о немъ совершенно. И Буханан тоже ограничивается здѣсь немногими словами, останавливается же только на описаніи того времени, „когда люди обитали въ шалашахъ и даже въ пещерахъ и бродили, блуждая по одиночкѣ безъ законовъ и безъ осѣдлыхъ жилищъ" [2]). Даней, который въ согласіи съ правовѣріемъ производитъ отъ Адама всѣхъ людей [3]) знаетъ ихъ только въ качествѣ членовъ какого нибудь сообщества, начиная съ семьи и кончая наивысшимъ изъ нихъ—государствомъ.

Католическіе тираноборцы—кромѣ Маріаны—удовлетворяются также короткими указаніями на первобытное состояніе. Россей не говоритъ ничего о какихъ бы то ни было „правахъ" въ первобытномъ состояніи, упоминаетъ только при случаѣ, говоря о происхожденіи государственнаго сообщества, что люди жили прежде „разсѣянно" [4]). Буше называетъ людей „свободными" по природѣ [5]). Согласно же Саломонію въ первобытномъ состояніи царствовали „свобода и равенство" [6]).

Гораздо подробнѣе въ этомъ отношеніи Маріана; и цѣлую главу посвящаетъ онъ описанію блаженной юности человѣ-

[1]) Такъ, напримѣръ, Мильтонъ является противникомъ всеобщаго избирательнаго права. Срав. Janet, II стр. 310.

[2]) Buchanan, стр. 3.

[3]) Denacus, I С. 3 въ особенности стр. 22 и слѣд.

[4]) Rossaeus, стр. 4.

[5]) Буше, стр. 22.

[6]) Salamonius, стр. 57. Срав. также стр. 15.

чества [1]). И въ то время, когда люди блуждали въ одиночествѣ на подобіе дикихъ звѣрей, тогда не было мѣста ни лжи, ни обману, ни угнетенію—„nullus locus fraudi, nulla mendacia, nulli potentiores“ [2]). И такимъ красивымъ и образнымъ языкомъ пользуется Маріана при описаніи этого золотого вѣка, что мы здѣсь знакомимся съ нимъ не только какъ съ ученымъ, но и какъ съ поэтомъ.

Таково естественное состояніе, которое окончилось при переходѣ людей въ государственное общеніе. По поводу природы этого соединенія людей у тираноборцевъ полная пестрота воззрѣній. И въ качествѣ силы, влекущей людей къ соединенію, является то „Богъ, какъ движущая причина“—„Causa remota“, то „сила самой природы“—„vis naturae“, то, наконецъ, свободная человѣческая воля, проявляющаяся въ видѣ договора.

Очень неяснымъ является Даней. Съ одной стороны у него государство возникаетъ постепенно [3]) подъ вліяніемъ страха [4]) и при содѣйствіи Бога, какъ движущей причины [5]), причемъ Божество является также „ближайшей причиной [6]) человѣческаго общества“ и внѣдряетъ въ людей естественныя влеченія „affectus naturalis“ [7]). Съ другой стороны, однако, онъ съ удареніемъ указываетъ на необходимость соглашенія „consensus“ [8]), при помощи сознательной наличности котораго отличается государство—„civitas“ отъ множества одушевленныхъ существъ—„multitudo animantium“ [9]) У Россея, подобно Аристотелю, государство является простымъ произведеніемъ природы [10]). Точно также отпадаетъ и у Буханана всякій договорный элементъ, такъ какъ человѣческое общество вызвано къ жизни прирожденной людямъ силою природы, и притомъ влитой въ нихъ произволеніемъ божества „divinitas infusa“. Конечно, и начало пользы могло имѣть извѣстное вліяніе при образованіи государства. Однако, оно настолько отступаетъ на

---

[1]) Mariana, L. I C. 1 (стр. 13 и слѣд.).
[2]) Mariana, тамъ же.
[3]) Danaeus, стр. 14 и слѣд.
[4]) Тамъ же, стр. 23.
[5]) Тамъ же, стр. 24.
[6]) Тамъ же.
[7]) Тамъ же.
[8]) Стр. 19.
[9]) Стр. 20.
[10]) Rossaeus, стр. 6. Такъ же стр. 4. Государство у него происходитъ генетически.

задній планъ, что Буханан высказываетъ даже такое положеніе: „смотри, какъ бы эта самая польза скорѣе не разъединяла, вмѣсто того, чтобы соединять человѣческое общежитіе“—„vide, ne illa ipsa utilitas solveret potius, quam conjungeret humanam societatem“ [1]).

У Маріаны между первобытнымъ состояніемъ, лишеннымъ всякой государственности, и между гражданскимъ сообществомъ—„Societas civilis“, вставляется опять таки договоръ и, если онъ является не свободнымъ, то именно потому, что онъ долженъ быть заключенъ подъ давленіемъ недостатка во многихъ вещахъ и слабости человѣческаго тѣла [2]).

Болѣе обстоятельно упоминаетъ объ общественномъ договорѣ Саломоній. И послѣ того, какъ онъ высказывалъ уже раньше, что королевство и княжество среди людей ведутъ свое начало отъ соглашенія [3]), онъ переходитъ далѣе къ подробному разъясненію происхожденія гражданскаго общества для того, чтобы установить положеніе князя въ государствѣ. И такъ какъ гражданское общество—Societas civilis—не можетъ быть связано обязательствомъ само по отношенію къ себѣ, то его происхожденіе и разрѣшается въ цѣлый рядъ договоровъ членовъ этого общества между собой [4]).

Буше, хотя и упоминаетъ о естественномъ состояніи, оставляетъ, однако, совершенно неизслѣдованнымъ вопросъ объ общественномъ договорѣ. Люди заключаютъ у него договоръ о господствѣ потому, что нехорошо было, когда каждый могъ дѣлать, что хотѣлъ, и съ тою цѣлью, чтобы имѣть власть для обезпеченія общаго права [5]).

Среди тѣхъ писателей, которые вообще упоминаютъ о договорѣ, только Саломоній высказывается относительно принципа правовой обязательности этого договора: „ясно такимъ образомъ“, говоритъ онъ „хоть это и не ново, что люди взаимно себя связываютъ договорами, равнымъ же образомъ и народъ“: Patet itaque veluti novum non est, homines pactionibus sese devin-

---

[1]) Buchanan, стр. 4 и 5.

[2]) Mariana, стр. 13, 10.

[3]) Solomonius, 15.

[4]) Solomonius, стр. 38. Neque societas sibimet obligatur, sed ipsi inter se socii.

[5]) Boucher, стр. 23.

cire invicem „aeque et populum“ [1]). Ясно теперь, что это — частно-правовое положеніе, выраженное въ формѣ естественнаго права, на которомъ строится здѣсь государство [2]).

§ 2. Ученіе о договорѣ господства и попытки привести его въ согласіе съ богословскими ученіями.

Какъ бы далеко ни расходились тираноборцы въ ихъ взглядахъ на происхожденіе человѣчества, государства, сообщества, тѣмъ не менѣе они всѣ единогласны въ ученіи о договорѣ господства. Эта форма договорной теоріи была главнымъ оружіемъ для того, чтобы сдѣлать со своей стороны нападеніе на право государей. И въ то время, какъ богословское обоснованіе государства не оставляло народу ровно ничего, изъ взаимнаго обязательства—mutua obligatio—между государемъ и народомъ можно было вывести такую широкую отвѣтственность князя, какую только было надо. Въ этомъ параграфѣ мы желаемъ лишь установить, что, за исключеніемъ одного Отмана, опирающагося преимущественно на историческіе аргументы, мы находимъ у всѣхъ нашихъ публицистовъ договоръ властвованія или господства. Тѣ выводы изъ договора, къ развитію которыхъ мы перейдемъ позже, здѣсь мы упомянемъ лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо для оцѣнки формъ договора о власти. Кромѣ того мы желали бы бросить взглядъ и на тѣ въ высшей степени интересныя попытки, которыя были сдѣланы тираноборцами съ цѣлью примирить договорную теорію и божественное происхожденіе всякой власти на землѣ.

И въ то время, какъ Отманъ утверждаетъ съ фактами въ рукахъ, что народу принадлежитъ право привлекать къ отвѣтственности короля [3]), остальные монархомахи приходятъ къ тому же результату при помощи договора о власти или господствѣ между народомъ и царемъ. Этотъ договоръ обозначается порой въ качествѣ простого соглашенія, въ видѣ договора, обязывающаго обѣ стороны—безъ всякихъ разговоровъ [4]). Порою онъ представляется

---

[1]) Salomonius, стр. 36.

[2]) Относительно происхожденія принципа, что „договоры должны соблюдаться“—срав. Gierke „Althusius“, стр. 271.

[3]) Hotomanus, стр. 54. Срав. стр. 75.

[4]) Buchan., стр. 38. Boucher, стр. 37. Mariana, гл. VI, VIII и сл. De jur. mag., стр. 225. Срав. стр. 230 и слѣд. Denaeus, стр. 41 и сл. 42.

въ видѣ порученія [1]) царю со стороны народа, а у Брута народъ и король заключаютъ даже формальный устный контрактъ по римскому праву [2]). Россей требуетъ для законности государя, врученія или передачи ему царства „traditio“ [3]) и только тогда онъ считаетъ совершеннымъ [4]) контрактъ, порождающій взаимное обязательство „reciproca obligatio“, если лицо, управомоченное, благодаря наслѣдству, присягѣ или другимъ основаніямъ, къ занятію престола, получитъ положительное обѣщаніе со стороны народа, что народъ желаетъ ему повиноваться.

Этотъ договоръ разсматривается совершенно такъ же, какъ договоръ въ области частнаго права, и къ нему прежде всего находитъ аналогичное примѣненіе положеніе относительно вліянія силы, страха, обмана и преступленія на дѣйствіе договора, а также и тотъ принципъ, что если одна изъ сторонъ откажется отъ исполненія своихъ обязанностей, то и другая не почитается болѣе связанной договоромъ [5]).

Царь и народъ—„rex et populus“—таковы двѣ договаривающіяся стороны, и только вторая нуждается въ точномъ опредѣленіи для того, чтобы быть признанной управомоченнымъ по договору субъектомъ, стоящимъ противъ короля. И тираноборцы подробно указываютъ, что они понимаютъ подъ народомъ „populus“, для котораго они требуютъ такія важныя и серьезныя права. И прежде всего считаютъ они народомъ не многоголовую массу, этого звѣря съ многими головами „bellua multorum capitum“ [6]), но его организованную совокупность—или единство, какъ „universitas“. И практическимъ выводомъ этого воззрѣнія является съ одной стороны, что члены этого единства, или „universitas“ [7]) не могутъ изъ договора выводить никакихъ отдѣльныхъ правъ для себя [8]), съ другой же, что „universitas“, если бы даже перемѣнились всѣ ея члены, тѣмъ не менѣе остается связаннымъ договоромъ [9]).

---

[1]) Salam., стр. 30. Несмотря на это, здѣсь не дѣлается вывода въ пользу права лица, получившаго порученіе отказаться отъ его исполненія.

[2]) Brutus, стр. 137 и дальше.

[3]) Rossaeus, стр. 67.

[4]) Тамъ же, стр. 68.

[5]) Напримѣръ, Buchan., стр. 24. De jur. mag. стр. 266.

[6]) Buchan., стр. 13. Boucher, стр. 19. Jan. Brutus, стр. 26.

[7]) Напримѣръ, у Юнія Брута, стр. 29.

[8]) Тамъ же. Этимъ путемъ было дано юридическое обоснованіе желанію Кальвина, чтобы отдѣльные люди «privati» были отодвинуты на второй планъ.

[9]) Jun. Brutus. Q. Ш. При удаленіи одной изъ сторонъ, напр., короля, договоръ долженъ быть возобновленъ; вслѣдствіе этого требуется избирательная монархія, по крайней мѣрѣ, принципіально.

Необходимо далѣе должны быть лица, которыя охраняли бы право всего цѣлаго или „universitas“. Таковыми являются магистраты, сенаторы, коротко сказать, всѣ представители народа [1]), которые получаютъ отъ него свою власть. Они же являются лицами, которыя заступаютъ народъ при заключеніи договора, и притомъ не только въ своей совокупности, но и въ одиночку [2]). Практическимъ результатомъ здѣсь является то, что каждый магистратъ, независимо отъ другихъ, можетъ отстаивать отъ короля свое право. Болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, выступаетъ здѣсь отсутствіе цѣлостнаго понятія государства у тираноборцевъ.

Когда такимъ образомъ всѣ права государя сведены, какъ къ единственному основанію къ договору съ народомъ, то съ необходимостью у людей временъ реформаціи долженъ былъ явиться вопросъ: какъ согласовать это положеніе съ библіей, такъ какъ вѣдь она говоритъ ясно и опредѣленно, что всякая власть происходитъ отъ Бога? Это въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ была сохранена договорная теорія безъ того, чтобъ вслѣдствіе этого нарушить теократическое обоснованіе княжескаго права. Въ положеніи Апостола Павла, что „всякая власть происходитъ отъ Бога“, ничего не должно было быть затронуто. Оставалось такимъ образомъ или найти достаточно ловкое толкованіе текста или же отыскать въ самой библіи такое мѣсто, гдѣ оправдывался бы договоръ. Были испробованы и первый и второй пути, ведущіе къ разрѣшенію вопроса.

Для того, чтобы доказать договоръ при помощи библейскаго текста, книга Самуила (1-ая Сам. IX—XI гл.) представляла цѣлую массу руководящихъ мѣстъ: здѣсь договоръ былъ заключенъ не противъ воли Божьей, но напротивъ при ея положительномъ согласіи. И вотъ въ связи съ этимъ различаются актъ избранія —electio—и утвержденія — constitutio [3]). Это Богъ избралъ по своей волѣ царя. Однако, для того, чтобы держать его всегда передъ глазами, чтобы народъ возвышался надъ нимъ, самъ Богъ повелѣлъ еще особое утвержденіе царя со стороны народа. Такъ и было съ царемъ Сауломъ, случай котораго у всѣхъ тирано-

---

[1]) Boucher, стр. 19. Buchanan, стр. 13. Jun. Brutus, стр. 40.

[2]) Jun. Brut. стр. 48: nec Regnum modo universum, sed Regni partes... sigillatim. Въ такомъ видѣ, разработанномъ до мелочей, теорія является только у Юнія Брута. Другіе требуютъ того же, однако, такъ не конструируютъ.

[3]) Jun. Brut., стр. 67.

борцевъ играетъ роль образцоваго примѣра для народнаго суверенитета. Этотъ путь впервые проложили протестанты [1]), впослѣдствіи онъ нашелъ одобреніе и у католическихъ писателей [2]).

Однако, всего этого было еще мало для стремленій тираноборцевъ, такъ какъ, несмотря на то, что договорная теорія могла быть доказана изъ библіи, тѣмъ не менѣе ея выводы, какъ казалось, перекрещивались съ выводами теократическаго ученія. Это послѣднее вело къ обязанности безусловнаго повиновенія, а на первомъ обосновывалось право сопротивленія! Однако, и здѣсь былъ найденъ выходъ, причемъ на первый взглядъ противорѣчивое сочетаніе основанія и результатовъ было приведено въ счастливую гармонію при помощи примѣненія положенія изъ леннаго права. И если изъ договорной теоріи выходило право сопротивленія, то примѣненіе леннаго права дѣлало, по крайней мѣрѣ, возможнымъ вывести право непослушанія даже при полномъ признаніи положенія, что „всякая власть происходитъ отъ Бога", такъ какъ въ библіи было твердо установлено, что Богъ пользуется своимъ собственнымъ правомъ суда, а король только порученнымъ ему отъ Бога: „Deum jurisdictione sua uti Reges delegata tantum", то отсюда выходило, что Богъ былъ леннымъ господиномъ короля, а король его вассаломъ [3]). Посредственно стояли и подданные подъ его господствомъ. Отсюда же слѣдуетъ, что мы не обязаны повиноваться царю, повелѣвающему противъ Божьяго закона. Наоборотъ, мы мятежники, если ему повинуемся. „Ergo non tenemur Regi contra legem Dei quid imperanti obedire, verum etiam, si obediamus, Rebelles sumus" [4]).

§ 3. Выводы изъ договорной теоріи для государя и его положенія въ государствѣ.

Всякое ученіе о договорѣ, власти или господства ставитъ другъ противъ друга двѣ стороны, такъ что государство распадается само на двѣ части, которыя соединены только слабою связью

[1]) Jun. Brut., стр. 137 и дальше. De jur. Mag., стр. 215 и слѣд.

[2]) Boucher, стр. 26.

[3]) Jun. Brut, стр. 6 и 9.

[4]) Jun. Brut, стр. 21. Договорная теорія подкрѣплялась еще слѣдующимъ образомъ: Богъ былъ первымъ и единственнымъ монархомъ евреевъ, надъ которыми онъ, однако, царствовалъ не въ силу своей власти надъ всѣми вещами, но «особеннымъ образомъ»—singulari modo—въ виду того, что ему правительство было ввѣрено, какъ вознагражденіе за законы Моисея и за обѣтованную страну.

договора. Этотъ дуализмъ идетъ совершенно противъ нашего, необходимо цѣлостнаго понятія о государствѣ. Причемъ, конечно, должно признать, что изъ дѣйствительныхъ отношеній тогдашней государственной жизни невозможно было найти индуктивнымъ путемъ такое объединенное понятіе. Заслугой органической государственной школы является именно то, что она искоренила этотъ дуализмъ [1]) изъ современнаго понятія государства и пережила его. Уже, какъ извѣстно, Платонъ понималъ государство, какъ большого человѣка, однако, если даже это положеніе цитировалось во время господства естественно-правового ученія [2]), и даже выставлялись другія ему подобныя, то тѣмъ не менѣе до истиннаго, болѣе глубокаго значенія платоновской цитаты никто не добирался: тогда еще не дошли до сознанія истинности этого положенія. И даже Гроцій, у котораго сравненіе государственнаго тѣла съ человѣческимъ организмомъ, а государя съ его лицомъ [3]) общеизвѣстно, долженъ былъ тѣмъ не менѣе впасть въ старый дуализмъ, неразрывно связанный съ договорнымъ ученіемъ и его предположеніемъ въ видѣ двухъ договаривающихся сторонъ.

И наши тираноборцы много разъ дѣлаютъ приступъ къ построенію цѣлостнаго понятія государства и, понимая монарха, какъ часть государства, подготовляютъ ученіе, въ которомъ изъ непрерывности государства, понимаемаго какъ лицо, выводится и непрерывность личности государя, какъ его органа. И уже тогда, именно благодаря органическому ученію о государствѣ, сдѣланы были первые шаги къ цѣлостному его представленію. „Государь является какъ бы главою всѣхъ членовъ. И нельзя отрицать, что онъ является членомъ и частью всего тѣла... Равнымъ образомъ государь, хотя и является важнѣйшимъ въ государствѣ, не перестаетъ, однако, въ силу этого, быть гражданиномъ или частью государства“ [4]). Правда, положеніе о томъ, что государь является органомъ государства, еще ясно не формулировано. И, несмотря на все воззрѣніе на государя, какъ на часть государства, постоян-

---

[1]) Jellinek, Staatenverbindungen, S. 143.

[2]) Напримѣръ, Buchanan, стр. 5.

[3]) Grotius, De jure belli ac pacis. Lib. I, Кар. III, § 7 (Edit. 1631).

[4]) Salamonius, стр. 40. Подобнымъ же образомъ Даней и безъ указанія на органическое государственное ученіе объявляетъ Mariana, стр. 84: Omnino, qui caeteris excellentior est, debet nihilominus se hominem aut reipublicae partem arbitrari.

но теорія возвращается къ порученію народа [1]) или договору, въ силу котораго государь долженъ былъ имѣть право на изданіе законовъ. Конструкція должности государя, какъ народнаго порученія, разрывала такимъ образомъ то, что связывало вмѣстѣ воззрѣніе на князя, какъ на „часть государства".

Двойная личность государя, бывшаго въ одно и то же время и княземъ и подданнымъ [2]), использовалась для того, чтобы вывести отсюда его связанность закономъ [3]) и доказать, что онъ связанъ также законами своего предшественника [4]). При помощи такихъ заключеній тираноборцы опровергали ученія абсолютистовъ, отождествлявшихъ „царя" и „царство" [5]) или даже изображавшихъ царя „собственникомъ" или „правопользователемъ"—proprietarius vel usufructuarius—страны или царства [6]).

То раздѣленіе личности князя, которое дѣлалось съ точки зрѣнія хозяйственнаго управленія, и которое старались стереть приверженцы абсолютной княжеской власти, поддерживали всѣ тираноборцы въ противоположность съ первыми и строго различали между частнымъ имуществомъ князя и государственнымъ имуществомъ страны [7]). Однако, и здѣсь они не проявили никакой новой премудрости, не развили новыхъ точекъ зрѣнія при разрѣшеніи своей задачи. Поэтому, не останавливаясь дальше на этомъ вопросѣ, мы можемъ перейти къ болѣе важнымъ ученіямъ.

§ 4. Выводы изъ договорной теоріи для отношенія государя къ народу: ученіе о народномъ суверенитетѣ.

Вопросъ о полнотѣ власти государя покрывается въ мірѣ понятій тираноборцевъ вопросомъ о содержаніи договора между

---

[1]) Князь издаетъ законы въ силу своей власти по порученію народа Salam., стр. 30.

[2]) Salamonius, стр. 33, сравни также Buchan., стр. 36 и дальше. Уже Марсилій Падуанскій при обсужденіи наказаній для князей дѣлаетъ замѣчаніе: non corrigitur in quantum principans, sed tanquam subditus, transgressor legis. Def. pac. I, C. XVIII, S. 71.

[3]) Salam., стр. 40 и Mariana, стр. 84.

[4]) Salam., стр. 28.

[5]) Напр., Hotoman., стр. 128 и дальше. Совокупность гражданъ безсмертна, тогда какъ царь смертенъ.

[6]) Jun. Brut., стр. 117, 129.

[7]) Напр., Jun. Brut., стр. 117 и слѣд.

народомъ и царемъ. Самая цѣль договора, который, какъ заявляютъ всѣ монархомахи, заключенъ для блага народа, — ибо не народы созданы при помощи правителя, но, напротивъ, правители созданы самимъ народомъ [1]) — должна была напередъ вести къ тому, чтобы должность высшаго правителя „Summus Magistratus“, или короля, менѣе представлялась почетомъ „honos“, но скорѣе тягостью или „onus“ [2]). Дѣло шло здѣсь прежде всего о томъ, чтобы установить содержаніе свободнаго договора [3]), или, другими словами, изслѣдовать вопросъ о томъ, подвергъ ли народъ отчужденію свои права, и насколько онъ сдѣлалъ это. И первымъ вопросомъ, который естественно долженъ былъ быть поставленъ, являлся вопросъ, можетъ ли народъ, какъ обладатель всяческаго права, отказаться отъ всякихъ правъ со своей стороны такъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ подчиниться безусловно другой договаривающейся сторонѣ. И воззрѣнія тираноборцевъ здѣсь расходились. Юній Брутъ объявилъ права народа неотчуждаемыми. Точно также и вполнѣ послѣдовательно онъ объявилъ ихъ неподлежащими давности, въ виду чего ни одинъ абсолютный государь не можетъ ссылаться на практику своихъ предшественниковъ. Невозможность примѣненія давности пробуетъ Юній Брутъ обосновать и принципіально при помощи указанія на непримѣнимость давности къ притязаніямъ фиска [4]). Другимъ [5]) писателямъ подобный договоръ, который имѣлъ бы своимъ содержаніемъ передачу одной стороны въ безусловное и совершенное распоряженіе другой, представляется противорѣчащимъ добрымъ нравамъ „contra bonos mores“, а, слѣдовательно, не имѣющимъ правовой силы. Буханан [6]) и Маріана [7]) оставляютъ этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, однако, оба сходятся въ томъ пунктѣ, что народъ, который заключилъ бы подобный контрактъ, поступилъ бы весьма глупо.

Вторымъ является здѣсь вопросъ о томъ, какъ далеко можетъ воздѣйствовать воля народа на опредѣленіе формы договорнаго соглашенія. И здѣсь тираноборцы отводятъ народу самый широ-

---

1) Напр., De jure mag., стр. 215.
2) Jun. Brut., стр. 94.
3) Buchan., стр. 6.
4) Jun. Brut., стр. 89.
5) De jure mag., стр. 243.
6) Buchan., стр. 23.
7) Mariana, стр. 74.

кій просторъ и не только предоставляютъ ему свободный выборъ лица [1]), но также и опредѣленіе границъ [2]), окружающихъ со всѣхъ сторонъ права избраннаго. Только постольку, поскольку дозволяетъ народная воля, существуетъ право короля, и никакихъ правъ не имѣетъ онъ, которыя не имѣли бы въ народѣ своего источника. Король долженъ пользоваться правомъ не по своему усмотрѣнію, а поскольку народъ уступилъ ему это право: „non sua... licentia sed, quod populus in se dedisset, jure uti“ [3]). Яснѣе нельзя формулировать принципъ народнаго суверенитета [4]).

Такъ монархомахи отъ договора заключали къ народному суверенитету по принципу, что важнѣйшими частями являются всегда тѣ, которыя учреждаютъ и устанавливаютъ, а не тѣ, которыхъ устанавливаютъ... „potiores semper sunt constituentis quam constituti partes [5]).

Несмотря на сказанное, народъ, однако, не является здѣсь всемогущимъ, но въ правѣ государя находитъ онъ свои границы. Изъ договора вѣдь рождается взаимное обязательство [6]) и, если народъ, съ одной стороны, благодаря правоотношенію, существующему между нимъ и государемъ, имѣетъ право на исполненіе этимъ послѣднимъ его обязанностей, то, съ другой стороны, онъ купилъ это той цѣною, что и государь является управомоченнымъ по отношенію къ народу: и не только государь не долженъ быть мятежникомъ по отношенію къ народу, но точно также и народъ не долженъ быть мятежникомъ противъ князя [7]). Въ виду этого должны быть найдены основанія, которыя бы дали перевѣсъ народу надъ княземъ и были бы въ состояніи установить болѣе строгое обязательство для князя, а болѣе свободное для народа.

Основанія эти, приведенныя для указанной цѣли, были весьма различны. Съ однимъ изъ нихъ мы только что познакомились. Такъ какъ не народъ для царя, а царь для народа, то уже въ

---

[1]) Сравни выше примѣчаніе № 90.

[2]) Buchan., стр. 23.

[3]) Buchan., стр. 8, 13 и дальше.

[4]) Salamonius, стр. 28. Jun. Brut., стр. 74. De jure mag., стр. 215 Mariana, I, C. VIII. Rossaeus., стр. 104. Boucher, I, C. 18. Danaeus, стр. 96. Hotomanus (срав. выше § 2 начало) подтверждаетъ только факты.

[5]) Boucher, стр. 20. Срав. также предыдущую ссылку.

[6]) Сравни цитаты, приведенныя въ началѣ § 2.

[7]) Jun. Brut., стр. 164.

силу этого долженъ отступить интересъ царей передъ интересами народа [1]). Однако, этимъ не удовлетворились. Были еще найдены юридическія основанія для обостренія указанной разницы. Государь обѣщаетъ управлять хорошо, править по законамъ; народъ же обязуется повиноваться ему только въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, обязательство государя является чистымъ или безусловнымъ „pura", обязательство же народа „даннымъ" лишь условно или „sub conditione" [2]).

Но самымъ оригинальнымъ является здѣсь юридическое толкованіе одного библейскаго текста, который непосредственно служилъ къ тому, чтобы дать народу право принужденія по отношенію къ царямъ [3]). Во второй книгѣ Паралипоменонъ (глава 23, стихъ 16) значится слѣдующее: „и заключилъ Іодай завѣтъ между собою и всѣмъ народомъ и царемъ, чтобы быть народомъ господнимъ". Это мѣсто было прямо переведено на юридическій языкъ и понято, какъ солидарное обязательство между Богомъ, съ одной стороны, царемъ и народомъ—съ другой. Этотъ договоръ заключается такимъ путемъ, что Богъ вступаетъ въ соглашеніе, какъ кредиторъ, взимая обязательства подъ присягой „tanquam conceptis verbis" [4]), въ то время, какъ царь и народъ, въ качествѣ должниковъ за взаимной порукой „correi promittendi" [5]), приносятъ клятвенное обѣщаніе. Въ виду того далѣе, что по римскому праву солидарные должники отвѣчаютъ другъ за друга и каждый изъ нихъ можетъ принуждать другъ друга взаимно къ выполненію договорнаго обязательства, то такимъ образомъ надо было принять, что это право можетъ быть осуществлено и по отношенію къ королю какъ договорной сторонѣ.

Это своеобразное соединеніе библіи и римскаго „corpus juris", придуманное первоначально Брутомъ, нашло подражателя въ лицѣ Буше и среди католическихъ тираноборцевъ.

---

[1]) Сравни также: Salam., стр. 58.

[2]) Jun. Brut., стр. 137. Rossaeus, 68.

[3]) Jun. Brut., Q. I—III.

[4]) Jun. Brut., стр. 10.

[5]) Этотъ словесный договоръ между Богомъ, народомъ и царемъ совершается рядомъ съ другимъ контрактомъ между народомъ, который равнымъ образомъ является словеснымъ договоромъ; этотъ послѣдній рисуется самымъ подробнымъ образомъ согласно требованіямъ римскаго права. (В. у. с. стр. 32 и д.). Такъ какъ народъ участвовалъ въ договорѣ въ качествѣ совокупности, то отдѣльныя лица не имѣютъ права требовать его принудительнаго исполненія (стр. 56). Договоръ, заключенный тогда Богомъ съ царями Іудейскими, сохраняетъ силу и для христіанскаго времени, такъ какъ евангеліе наслѣдуетъ закону, а христіанскіе цари заступили мѣсто іудейскихъ. Въ ка-

Взаимное обязательство образовываетъ связь между царемъ и народомъ. Отъ ея юридической силы зависитъ, такимъ образомъ, и право самого государя. Если онъ нарушаетъ договоръ, то становится и народъ свободенъ отъ своего обязательства: онъ можетъ прогнать тогда своего царя, можетъ лишить его престола и даже жизни. Таковымъ является послѣдній выводъ тираноборцевъ, а также цѣль, къ которой всѣ они стремятся. Прежде, чѣмъ, однако, мы ближе займемся этимъ вопросомъ, мы должны разсмотрѣть, гдѣ ищутъ тираноборцы доказательствъ для своего ученія о народномъ суверенитетѣ.

§ 5. Доказательство народнаго суверенитета.

Въ силу юридической логики монархомахи выводили народный суверенитетъ непосредственно изъ договора о господствѣ. Однако, этимъ они не могли удовольствоваться, если въ тѣ дни желали дать своимъ ученіямъ право на существованіе.

Они должны были со всѣхъ сторонъ стянуть вспомогательныя войска, авторитетъ которыхъ былъ общепризнанъ. Прежде всего, какую роль должна была выполнить библія, со способомъ примѣненія которой мы уже ознакомились на ученіи о договорѣ господства и въ первую голову здѣсь шелъ Ветхій Завѣтъ, а за нимъ corpus juris и свидѣтельство исторіи.

Конечно, совершенно невозможно привести въ дальнѣйшемъ изложеніи все безчисленное множество привлеченныхъ къ дѣлу текстовъ. Мы должны ограничиться только отборными мѣстами изъ нѣкоторыхъ авторовъ. Однако, уже нѣкоторые примѣры будутъ совершенно достаточны, чтобы обнаружить предъ нами своеобразный духъ времени, если только вообще можно примѣнить здѣсь современную оцѣнку.

а. Важнѣйшимъ союзникомъ, въ особенности для протестантскихъ тираноборцевъ, была библія, съ функціями которой мы уже ознакомились при упоминаніи исторіи царя Саула. При этомъ надо опять таки указать на то, что ветхозавѣтное государство должно было считаться образцовымъ государствомъ для всѣхъ временъ и народовъ [1]).

чествѣ дальнѣйшаго доказательства въ пользу договора приводится далѣе I книга Самуила, глава 12 стихъ 25. Изъ этой книги выводится также народный суверенитетъ и права церкви.

[1]) De jur. mag., стр. 243. Jun. Brut., стр. 78.

Самымъ интереснымъ, однако, является здѣсь то, что въ борьбѣ, которая велась при помощи цитатъ изъ библіи, можно наблюсти, какъ одинъ и тотъ же текстъ давалъ мѣсто самымъ различнымъ пониманіямъ. И одно и то же мѣсто съ одинаковой рѣшительностью приводилось ожесточеннѣйшими противниками, каждымъ въ свою пользу.

Въ первой книгѣ Самуила, въ VIII главѣ, слѣдующимъ образомъ изображаются права царя, котораго такъ жаждетъ Израиль:

„Сыновей вашихъ возьметъ и помѣститъ у себя при колесницахъ своихъ и при коняхъ своихъ и бѣгать будутъ они предъ колесницею его.

И однихъ поставитъ у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, а другихъ, чтобы распахивали пашню его и жали жатву его и дѣлали ему воинское оружіе и приборы для всадниковъ его.

А дочерей вашихъ возьметъ въ мироварницы и въ поварихи, и въ хлѣбницы.

И самыя лучшія поля ваши и виноградники ваши и масличныя рощи ваши возьметъ и раздастъ слугамъ своимъ“ [1]).

„Удивляюсь, жалуется здѣсь Юній Брутъ, [2]) что только ни дѣлаютъ изъ этого текста наши придворные писаки; вѣдь Богъ желалъ здѣсь не опредѣлять царскія права, а предупредить народъ отъ тирана и указать ему на его неразуміе, дабы народъ и впредь не пожелалъ стоять подъ скипетромъ тирана“.

Кромѣ этого примѣра приводится изъ библіи и еще два другихъ, причемъ въ первомъ изъ нихъ изъ очереди принесенія жертвъ выводится народный суверенитетъ, тогда какъ во второмъ находящемся тамъ текстѣ, что „всякій, кто не сталъ бы искать Господа Бога Израилева, долженъ умереть, малый онъ или большой, мужчина или женщина“, доказывается, что власть народа надъ царемъ это: potestas vitae ac necis—т. е. власть жизни и смерти.

Въ первомъ-же мѣстѣ говорится: [3]) „и это (т. е., что по установленію царя у государства, остается у народа право надъ нимъ) прежде всего доказываетъ тотъ порядокъ принесенія жертвъ, приносимыхъ за священника, за народъ, за князя и за

---

[1]) Стихъ XI—XVIII.

[2]) В. у. с. стр. 133. Ср. зак. Bouchan., стр. 27. Толкованіе въ пользу абсолютизма у Барклая, стр. 63.

[3]) Книга Левитъ, глава IV (у Boucher, стр. 31).

частнаго человѣка, который описанъ въ книгѣ Левитъ". Здѣсь прибавлено, что неравенство между ними болѣе всего выражаетъ послѣдовательность въ принесеніи жертвъ. Такимъ образомъ, „за жреца приносятся въ жертву безпорочный телецъ; за все общество израилево—просто телецъ; за князя—безпорочный козелъ (который конечно меньше тельца), и наконецъ за душу частнаго человѣка—какая нибудь коза. Отсюда слѣдуетъ, что по своему мѣсту жрецъ выше народа, а князь — частнаго человѣка. Но народъ или все царство, стоитъ на высшемъ мѣстѣ нежели князь".

Вышеупомянутое мѣсто о томъ, что всякій, кто „не сталъ бы искать Господа Бога израилева", толкуется слѣдующимъ образомъ [1]):

„Ибо, если бы высшимъ безъ всякаго сомнѣнія являлся царь и онъ подлежалъ бы смерти въ случаѣ отпаденія отъ вѣры въ Бога, то вѣдь онъ не могъ бы быть наказанъ смертью въ томъ случаѣ, если бы не могли казнить его народъ и старѣйшины царства и, если бы не слѣдовало, чтобы казнь надъ нимъ совершалась только высшимъ (а выше власти надъ жизнью и смертью нѣтъ никакой другой). А такъ бы и было, если бы народъ не былъ поставленъ надъ царемъ, такъ какъ, кто тогда могъ бы подвергнуть казни по повелѣнію Божію согрѣшившаго царя".

Очевидно, библія здѣсь еще читается совершенно такимъ образомъ, какъ въ средніе вѣка, гдѣ седьмисвѣчный подсвѣчникъ обозначалъ 7 курфюрствъ [2]), а слова „этого довольно" относились къ двумъ мечамъ.

b. И подобнымъ же образомъ для доказательства народнаго суверенитета были притянуты сюда и гражданскіе законы. Положеніе о томъ, что устраняется опекунъ, злоупотребляющій своей должностью [3]), переносилось на публичную жизнь, а народу давалось право отрѣшать короля отъ должности въ качествѣ публичнаго опекуна царства и народа „Regni populique tutor publicus", въ случаѣ, еслибъ онъ началъ злоупотреблять своею властью. И рядомъ съ этою конструкціей, на основаніи которой абсолютисты упрекали тираноборцевъ въ юридическомъ невѣже-

---

[1]) Boucher, стр. 33.
[2]) Срав. Bryce, в. у. с., стр. 115.
[3]) Boucher, стр. 37.

жествѣ, стояла еще другая, въ которой царь понимался, какъ главный опекунъ, а сословія въ качествѣ соопекуновъ [1]), а отсюда опять таки дѣлались юридическіе выводы. Для доказательства народнаго суверенитета должно было служить и одно изъ положеній 12-ти таблицъ о двоедушномъ патронѣ—„patronus praevaricator sacer"—и другія положенія изъ леннаго права относительно потери лена — „Amissio feudi„ — которыя и притягивались сюда за волосы [2]).

с. Тираноборцами примѣнялась также и историческая аргументація, которая со временъ Маккіавели нашла повсюду особое признаніе. И съ величайшимъ стараніемъ собирали монархомахи всевозможные прецеденты, чтобы доказать народный суверенитетъ при помощи фактовъ; они заглядывали поэтому во всѣ времена и всѣ страны: въ Спартѣ царей осуждали эфоры. Фракскаго короля Гильпериха смѣстили сословія. Царь іудейскій Амазисъ былъ свергнутъ общенароднымъ рѣшеніемъ. Вступленіе на царство Давида совершилось не раньше какъ послѣ утвержденія его народомъ. Все это должно было служить прецедентами для отреченія отъ престола Генриха III и доказывать вмѣстѣ съ тѣмъ народный суверенитетъ. У всѣхъ почти монархомаховъ далѣе приводится примѣръ такъ называемой аррагонской „юстиціи": тамъ при выборахъ короля и на большихъ собраніяхъ сословій каждые три года къ королю обращались они съ особой формулой, въ которой указывалось на тѣ условія, на которыхъ совершалось избраніе, а также на равенство короля и сословій [3]).

§ 6. Послѣдствія народнаго суверенитета.

1. Право сопротивленія.

Изъ положенія, что должно болѣе повиноваться Богу, нежели человѣку,—защита этого текста была исходнымъ пунктомъ всей революціонной литературы XVI вѣка — тираноборцы могли, конечно, вывести право пассивнаго сопротивленія [4]), однако, на

---

[1]) Jun. Brut., стр. 168. De jur. Mag., стр. 270.

[2]) Boucher, стр. 37.

[3]) Boucher., стр. 40, 46, 38, 26. Формула аррагонскихъ сословій слѣдующая: Nos qui valemos tanto come vos, y podemos mas quae vos, vos eligimos Rey con estas y estas conditiones. Entra vos y nos un quemanda mas que vos.

[4]) De jur. mag., Quaestio I. Jun. Brut. Quaestio I.

немъ они никогда не могли обосновать права сильнаго, мощнаго и дѣйствительнаго сопротивленія. Мы уже видѣли, какъ этотъ пробѣлъ былъ пополненъ при помощи ученія о договорѣ господства. Такъ какъ вся власть государя являлась только предоставленнымъ ему по контракту даяніемъ народа, то, конечно, этотъ послѣдній и сохранялъ право при понятныхъ условіяхъ требовать его назадъ; и этотъ наиболѣе широкій выводъ изъ народнаго суверенитета и является тѣмъ, который былъ сдѣланъ прежде всего, чтобы произвести въ свою очередь всѣ остальныя права изъ этого наиболѣе широкаго права „Omnes nationes... hoc communiter sentiunt quicquid juris alicui populus dederit, idem eum justis de causis posse reposcere“ [1]).

Конечно, въ словахъ „justis de causis“ или „по справедливымъ причинамъ“, при наличности которыхъ дозволялось отнять власть у государя, имѣется значительное ограниченіе, которое противупоставлено народному произволу. Однако уже сама конструкція договора о власти, какъ порученія со стороны народа, откуда собственно и выходило право свободнаго уничтоженія этого порученія, была использована, какъ мы это уже видѣли, только для того, чтобъ вывести отсюда верховенство дающаго порученіе надъ тѣмъ, кто его принимаетъ.

Въ виду этого прежде всего должна итти рѣчь о томъ, чтобы установить, что понимается подъ этими „справедливыми причинами“—„justis de causis“—и въ первую голову нужно изслѣдовать вопросъ о томъ, кому принадлежитъ право сопротивленія и какъ далеко можетъ итти управомоченное лицо въ осуществленіи своего права,

Достаточный поводъ для сопротивленія никогда не допускается по отношенію къ царю въ истинномъ смыслѣ этого слова, но только по отношенію къ тирану. Монархомахи „не знаютъ устали въ своихъ противоставленіяхъ царя“—„Rex“—и „тирана“—„tyrannus“ — причемъ дѣлаютъ это насколько возможно рѣзко и опредѣленно. Царь появляется у нихъ въ блескѣ мягкости и милосердія подобно отцу, являющемуся къ своимъ сыновьямъ, и это

---

[1]) Buchan, стр. 32 срав. Jun. Brut. стр. 156. De jur. mag. стр. 267. Rossaeus, гл. II особенно, § 7. Boucher, L. I. C 4, C 9—30. Salamon., стр. 30 Danaeus, стр. 41. Hotm., стр. 56, 76.

дѣлается затѣмъ, чтобы потомъ нарисовать тирана въ самыхъ черныхъ краскахъ преисподней [1]).

И въ самомъ понятіи „тиранъ“ дѣлается дальнѣйшее различіе, съ которымъ мы уже познакомились у Бартола, а именно: различеніе узурпатора отъ тирана „tyrannus absque titulo“ и „tyrannus quoad exercitium“ [2]).

По отношенію къ обоимъ дозволяется сопротивленіе. Однако, ихъ различное правовое положеніе требуетъ и различнаго обращенія. Узурпаторъ или tyrannus absque titulo — тиранъ безъ всякихъ правооснованій, которому отказывали въ правахъ и котораго дозволяли убить даже приверженцы абсолютизма [3]), такой тиранъ есть разбойникъ, общественный врагъ — publicus hostis [4]), который насильственно вторгается въ государство и который не имѣетъ за собой даже признака права—его можетъ каждый убить безъ всякихъ разговоровъ [5]). Конечно, этимъ не исключается вовсе, что онъ, если онъ проявитъ себя добрымъ монархомъ, будетъ возведенъ въ законные государи, при помощи послѣдующаго согласія народа [6]).

Съ тираномъ вслѣдствіе злоупотребленія властью—tyrannus quoad exercitium—обстоятельства складываются далеко не такъ просто, такъ какъ по отношенію къ нему народъ связанъ договоромъ: тиранъ имѣетъ право на свое положеніе. Вслѣдствіе этого народъ не долженъ слишкомъ торопиться. Онъ не долженъ взирать на каждаго государя, какъ на подлежащаго наказанію тирана, если онъ только „немножко вырождается“ [7]) и, напротивъ того, насколько возможно, онъ долженъ спокойно перено-

---

[1]) Boucher, C. 13—19 (L. III) Mariana, I. C. 5 Salamon., стр. 47 и дальше Rossaeus, C. 3 Buchan, стр. 3, 21, и слѣд. De jur. mag, стр. 216 Jun. Brut, стр. 146. Danaeus, въ особомъ приложеніи, стр. 569.

[2]) Marian., I C 5 Salamon., стр. 50. Boucher, стр. 266. De jur. mag, стр. 218. Rossaeus, стр. 143, различаетъ: 1) тирана, который, презирая законы, грабитъ имущество подданныхъ, 2) тирана, который властвуетъ противъ законовъ государства; 3) тирана, который нарушаетъ вѣру христіанскую; причемъ отсюда слѣдуетъ, что еретическій царь тѣмъ самымъ является тираномъ.

[3]) Сравни выше: глава II, § 3.

[4]) De jur. mag., 218. Boucher, стр. 350.

[5]) Наприм., Boucher, стр. 256. Jun. Brut, стр. 156. De jur. mag., 221.

[6]) De jur. mag., в. у. м.

[7]) De jur. mag., Q. VIII. Mariana, стр. 34.

сить его тиранію и быть счастливымъ, что дѣло не обстоитъ еще хуже [1]). И прежде должно сдѣлать тирану предупрежденіе и увѣщаніе, и лишь тогда, если онъ и далѣе идетъ своими погибельными путями, тогда только онъ уже созрѣлъ для заслуженнаго наказанія [2]).

Но тогда уже противъ него не только разрѣшается всякое сопротивленіе, но оно является обязанностью магистратовъ, которые призваны къ этому въ силу своей присяги [3]). Однако, только магистраты, т. е. всѣ, кто занимаетъ общественную должность, имѣютъ право на сопротивленіе. Имъ однимъ принадлежитъ право рѣшенія относительно необходимости возстанія, „ограниченное же разумѣніе подданныхъ“ [4]) не призвано къ вмѣшательству въ это дѣло. Частные люди „privati“ должны только или ожидать, пока ихъ открыто не призоветъ какой-нибудь магистратъ къ битвѣ противъ тирановъ, или же—и это единственный случай ихъ самостоятельнаго дѣйствія—они могутъ по собственному праву взяться за оружіе, если будетъ на то божественное и притомъ явное внушеніе [5]).

---

[1]) Jun Brut., c. 165.

[2]) De jur. mag., стр. 213. Въ такомъ случаѣ тиранъ можетъ быть умерщвленъ. Однако, то, что дозволяется правомъ, не всегда подлежитъ немедленному исполненію. Buchan., 39.

[3]) De jur. mag., Q. VI. Буше доказываетъ на протяженіи двухъ книгъ и 280 страницъ, что всѣ тѣ условія, которыя управомочиваютъ подданныхъ къ сопротивленію, имѣлись на лицо при убійствѣ Генриха III. Чтобы дать представленіе о нѣкоторыхъ памфлетахъ того времени, мы приведемъ здѣсь списокъ грѣховъ, въ которыхъ упрекаетъ Буше Генриха III: Henricus periturus, assasinus, parricida, homicida, haereticorum fautor, schisma ticus Simoniacus, sacrilegus, magicae impietati ac superstitioni deditus, plane impius, multis nominibus anathema“ и т. д. Далѣе онъ упрекается въ слѣдующихъ преступленіяхъ, которыя подробнѣйшимъ образомъ обосновываются: „infamia, superbia, invidia, ingratitudo, inhumanitas, libido, ignavia, vanitas, stupor multiplex, injustia“ и т. д. Еще ранѣе Буше издалъ памфлетъ противъ Генриха, который былъ украшенъ сатирическими картинами и былъ озаглавленъ: „Vie de l'yprocrite-Henri de Valois“. Въ нѣсколько болѣе мягкомъ тонѣ выдержана книга Rossaeus'a противъ Генриха IV.

[4]) De jur. mag., стр. 210. Частныя лица никогда не должны вмѣшиваться въ государственныя дѣла „nimis curiose... praeter suum vel captum vel conditionem“. Это ограниченіе сдѣлано по образцу Кальвина.

[5]) И здѣсь Кальвинъ послужилъ примѣромъ, такъ какъ именно въ этомъ познаетъ онъ Божественную милость „nam... ex servis suis manifestos vindices excitat ac mandato suo instruit, qui descelerata dominatione poenas

Недостатокъ въ теоретическомъ и практическомъ единствѣ государства въ особенности обнаруживается въ этомъ мѣстѣ. Такъ, не только говорится здѣсь о совокупности магистратовъ, что должно имъ въ такомъ случаѣ призвать народъ къ оружію, собрать войско и примѣнить противъ врага отечества и государства открытую силу, хитрость и всяческія нужныя средства [1])— но по этому ученію каждый отдѣльный магистратъ имѣетъ право сопротивленія за свой собственный счетъ [2]).

И разъ уже началась борьба съ тираномъ, то онъ является врагомъ, по отношенію къ которому дозволено все. Съ воодушевленіемъ восхваляетъ Маріана „достопамятный подвигъ" Клемана [3]), убійцы Генриха III. Свой памфлетъ противъ этого короля прерываетъ Буше, чтобы восхвалить неожиданную смерть Генриха и удивительное убійство [4]). И, кромѣ Отмана, всѣ тираноборцы согласны въ томъ, что тираноубійство дозволено [5]).

2. Форма государства.

Какъ только могущество власти перестало производиться только отъ Бога, то исчезла и привилегія *одной* лишь государственной формы, объявлять себя единственной существующей по праву и ссылаться при этомъ на божественное соизволеніе [6]).

---

sumant..." (Inst. christ.) Юній Брутъ того же воззрѣнія. Если магистраты бездѣйствуютъ, то подданный долженъ взирать на тиранію, какъ на божественное наказаніе за совершенные грѣхи, а свое утѣшеніе долженъ находить въ своемъ исправленіи, соединенномъ съ молитвами (стр. 179 в. у. с.). Если онъ и сочиненіе de jur. mag. признаютъ тѣмъ не менѣе особенное божественное вдохновеніе для убійства тирановъ, то въ то же время они предостерегаютъ народъ отъ ложныхъ пророковъ, какимъ былъ, напримѣръ, Ѳома Мюнцеръ (Jun. Brut., стр. 66, de jur. mag. стр. 214).

[1]) Jun. Brut., стр. 166.

[2]) De jur. mag., Q. VII. Jun. Brut., стр. 137. Danaeus, стр. 147.

[3]) Marian., стр. 53.

[4]) Boucher, стр. 449.

[5]) Marian., стр. 61, стр. 34. Далѣе гл. VI; глава VII озаглавлена: „Дозволено ли ядомъ убивать тирановъ?" И въ ней онъ приходитъ къ убѣжденію, что хотя должно предпочесть кинжалъ, однако же, противъ тирана можетъ употребленъ быть и ядъ, хотя бы намазанный на кресло. Однако же, въ кушанье и напитки ядъ не долженъ быть примѣшанъ, дабы въ этомъ случаѣ, по неразумію, тиранъ не совершилъ самоубійства. Срав. также De ur. mag. стр. 232. Buchan., стр. 38. Rossaeus, C. 2, 3. Boucher, L. III C. 15—18. Salam., стр. 82. Danaeus, стр. 42. Hotomanus хранитъ по этому поводу молчаніе.

[6]) Срав. Gierke, в. у. с. стр. 63. То заключеніе, что народъ самъ мо-

Такъ какъ народъ имѣлъ право передать верховныя права кому и поскольку онъ этого желалъ, то должно было находиться въ его рукахъ и рѣшеніе вопроса о томъ, долженъ ли стоять во главѣ государства какой-нибудь король, диктаторъ или консулы. Это, сверхъ того, подтверждала также и библія, которая одинаково одобряетъ монархію, аристократію и демократію. Примѣры всѣхъ этихъ трехъ формъ правленія являются установленными среди израильскаго народа въ силу самого божественнаго слова „In Israelitico populo trium harum gubernationum exempla ipso Dei verbo praescripta apparent“ [1]).

Такъ какъ тираноборцы сдѣлали, въ свою очередь, указанные выводы [2]), то для нихъ было интереснымъ дѣломъ построить „лучшую форму правленія“.

Эту форму они находятъ — при этомъ цѣликомъ присоединяются къ Аристотелевскому раздѣленію формъ правленія — въ „смѣшеніи“ этихъ государственныхъ формъ [3]), при чемъ монархическая форма является преимущественнымъ элементомъ этого смѣшенія. Въ общемъ, въ качествѣ ихъ идеала можно обозначить монархію, ограниченную сословіями, такъ какъ они были далеки отъ того, чтобы бороться противъ монархіи, какъ таковой. Однако, при этомъ они съ такой любовью [4]) и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ безпартійно разсматриваютъ другія государственныя формы, что прямо не знаешь, насколько серьезно ихъ пристрастіе къ монархіи. Основанія, которыя приводятъ ихъ къ предпочтенію монархіи, заключаются въ признаніи большей активности [5]) одного единственнаго государя, а съ другой стороны у нихъ возвра-

---

жетъ выбрать себѣ форму правленія, было сдѣлано уже въ средніе вѣка. Срав. по этому поводу у Gierke, стр. 64, прим. 21 и стр. 84, прим. 28.

[1]) Danaeus, стр. 48.

[2]) Rossaeus, стр. 9. Daanaeus идетъ такъ далеко, что при наличности выбраннаго магистрата достаточно одного желанія перемѣнить конституцію для того, чтобы измѣнить форму правленія (III, 213). При наличности, однако, магистрата наслѣдственнаго, народъ можетъ вступиться только при наличности нарушенія основныхъ законовъ.

[3]) Hotom., C. 12. Danaeus, стр. 49, объявляетъ, что всякая форма правленія, которая устанавливается народомъ, согласно его правамъ, народному духу и другимъ индивидуальнымъ моментамъ, должна быть смѣшана. Менѣе опредѣленно высказываются другіе монархомахи, хотя они всѣ сходятся въ томъ, что король долженъ быть ограниченъ, вслѣдствіе этого они желаютъ и „смѣшенія“.

[4]) Напр., Маріана, I C. 2.

[5]) Mariana, стр. 21.

щается средневѣковой аргументъ, что, подобно вселенной, имѣющей *одного* государя въ лицѣ Бога, и на землѣ единое лицо должно управлять государствами [1]). Интересно при этомъ видѣть, что аргументъ, предназначенный для вселенскаго царства, примѣняется здѣсь уже къ отдѣльнымъ государствамъ Европы. Маріана присоединяетъ еще къ этому то основаніе въ пользу монархіи, что тиранія является именно ея вырожденіемъ, причемъ тутъ самому худшему необходимо противополагается самое лучшее: „optime enim pessimum opponatur, necesse est, maxime pestilentem saluberrimo principatui“ [2]).

Однако, монархъ тираноборцевъ есть не что другое, какъ только чиновникъ народа [3]), котораго весьма трудно различить отъ республиканскаго магистрата (должностного лица). Да, у Саламонія доказывается даже самымъ подробнымъ образомъ, что между княземъ „principatus“ и выборнымъ служащимъ „magistratus“ нѣтъ никакого различія: князь является у него ни чѣмъ инымъ, какъ только постояннымъ магистратомъ, а въ силу этого онъ и не выше послѣдняго. Это смѣшеніе границъ между республикой и монархіей увеличивается еще вслѣдствіе того, что монархомахи принципіально выступаютъ за избирательную монархію [4]), такъ что монархъ отличается у нихъ только титуломъ отъ пожизненнаго президента. Соображенія полезности побуждаютъ, однако, тираноборцевъ, высказываться и за избирательно-наслѣдственную монархію или даже за наслѣдственную [5]).

Однако, и здѣсь у народа остается значительная сила, благодаря его вліянію на законодательство о престолонаслѣдіи. Такимъ образомъ, наслѣдственная монархія совершенно не можетъ считаться равнозначной этой монархіи, въ которой государь полу-

---

[1]) Boucher, стр. 23.

[2]) Mariana, стр. 27. Этотъ аргументъ выставилъ уже Ѳома Аквинскій, къ которому Mariana вообще очень тѣсно примыкаетъ. Онъ зависитъ, какъ и другіе чиновники, отъ народа (Jun. Brut., стр. 77). Ему принадлежитъ высшее званіе только пока онъ отправляетъ должность. (De jur. mag., стр. 230). Сравни далѣе Boucher, стр. 36. Buchanan, стр. 38. Rossaeus, C. 2. Salamon, стр. 30, Jun. Brut. стр. 74. И если князь мѣняется, то въ народѣ сохраняется единство государства. De jur. mag, 227.

[3]) Salam., 21.

[4]) За чисто избирательную монархію. Boucher, 30. Buchanan, 24.

[5]) Примыкая къ ветхо-завѣтному государству, слѣдующіе писатели признаютъ выбранную наслѣдственную монархію Jun. Brut, 70 de jur. mag., 236. Rossaeus, 48. Маріана стоитъ за наслѣдственную монархію. C. 34.

чаетъ свои права, благодаря народному закону о власти или „lex regia“ [1]).

Требуя избирательную монархію, монархомахи дѣлали лишь выводъ изъ народнаго суверенитета. Однако, само собой разумѣется, это требованіе нельзя понимать, какъ результатъ одной только дедукціи, но должно принять въ расчетъ, что они имѣли передъ глазами также практическую цѣль ослабленія королевской власти. Одинъ взглядъ на Германскую имперію, въ которой когда-то громадная власть императора была приведена къ нулю, благодаря избирательной системѣ, казалось, давалъ имъ испытанное средство противъ неограниченной власти и, перенося это учрежденіе въ свое отечество, тираноборцы думали достичь тѣхъ же результатовъ, что и въ имперіи.

3. Законодательство.

Право сопротивленія предполагаетъ напередъ, что существуютъ опредѣленныя границы, нарушеніе которыхъ имѣетъ послѣдствіемъ практическое осуществленіе указаннаго права. И эти границы тираноборцы находятъ не только въ божескомъ и естественномъ, но также и въ положительномъ правѣ, т. е. въ законахъ, которые получаетъ государь отъ народа [2]), и также въ опредѣленіяхъ самаго договора о власти. Ученіе о законодательствѣ связано, однако, столь тѣсно съ юридико-философскими принципами,—вѣдь, именно изъ нихъ выводится граница для высшей и неограниченной въ остальномъ власти,—что мы прежде всего должны дать краткій очеркъ философіи права у тираноборцевъ.

Богословскія, философскія и юридическія понятія являются здѣсь еще хаотически нагроможденными и совершенно нераздѣленными другъ отъ друга. И божеское и естественное право стоятъ здѣсь надъ государствомъ. Положительное человѣческое право подвергается измѣненію при помощи государственной воли.

Это различеніе въ зависимости отъ ученія древности образовалось въ средніе вѣка [3]), которые не давали дальнѣйшаго развитія ни германской правовой идеѣ, согласно коей государство создавалось только правомъ и для него [4]), ни идеѣ такого госу-

---

[1]) Относительно „Lex regia“ мы встрѣчаемъ у монархомаховъ иронію высшей пробы. „Никто изъ васъ“, говоритъ Саламоній (стр. 122), „и не читалъ и не слышалъ этого царскаго закона“.

[2]) Jun. Brut. 103. Buchan., 23. Rossaeus, C. 2 § 8.

[3]) Срав: Gierke, в. у. с. 264.

[4]) Gierke, тамъ же.

дарства, которое самостоятельно держится по отношенію къ праву. Желаніе избѣгнуть этихъ обѣихъ крѣпостей и вело къ различію между положительнымъ и естественнымъ правомъ, и это различіе сплошь—черезъ цѣлое средневѣковье и эпоху естественнаго права—было руководящимъ принципомъ въ самыхъ различныхъ оттѣнкахъ. Для тираноборцевъ важно было теперь, чтобы у нихъ государство основывалось на договорѣ, на правовомъ основаніи, а, слѣдовательно, и создалось при помощи права. И всѣ положижительные законы должны останавливать свое дѣйствіе предъ предѣлами, начертанными естественнымъ правомъ. Какъ въ древности, такъ и здѣсь право не создается, но только открывается [1]). И народъ,—эта высшая власть государства,—связанъ до тѣхъ поръ разъ изданными законами, пока они, въ свою очередь, не будутъ отмѣнены [2]).

Для тираноборцевъ было совершенно невозможно довѣрить одному лишь королю право законодательства. Это было бы полнымъ противорѣчіемъ: съ одной стороны окружать его предѣлами закона, а съ другой давать ему право свободнаго законодательства. Это послѣднее право предало было въ его руки также и власть устранить указанныя ограниченія [3]).

Рѣшающимъ факторомъ для изданія закона является согласіе на него со стороны народа [4]). При этомъ, однако, никогда не надо забывать, что именно подразумѣвали тираноборцы подъ именемъ народа—т. е. привилегированныя сословія, которыя стоятъ царю въ помощь, какъ „важнѣйшія бразды правленія или магистраты“ „habenae summae magistratus [5]). Единственный, кто требуетъ непосредственнаго соучастія народа въ законодательствѣ и притомъ въ видѣ референдума, это пуританинъ Бухананъ [6]).

Царь подчиняется законамъ, такъ какъ законъ дѣлаетъ царя—„lex facit regem“ [7]). Прежде же всего онъ повинуется законамъ

---

[1]) Jun. Brut. Q. III 98.

[2]) Salamon., стр. 25. Юридическіе законы у него обосновываются на томъ, что они являются договорами гражданъ.

[3]) Buchan., 13.

[4]) Mariana, 75.

[5]) De jur. mag. Q. VI (стр. 236).

[6]) Buchan., 13. „Ad populi judicium deferretur“.

[7]) Buchan., 33. Jun. Brut, 107. Boucher, 144. Rossaeus, 85. De jur. mag., 273. Mariana, I C. 9. Salamon., 46. Danaeus, 43.

основнымъ „leges fundamentales“ [1]). Что касается другихъ законовъ, то тираноборцы здѣсь расходятся въ воззрѣніяхъ и отводятъ царю то большую, то меньшую свободу движенія [2]). Весьма замѣчательно ихъ стремленіе подчинить царя не только гражданской юстиціи,—это существовало уже тогда на дѣлѣ,—но также и законамъ уголовнымъ [3]).

Король долженъ быть стражемъ, слугою, исполнителемъ законовъ „custos, minister, executor“ [4]). Но такъ какъ законы не могутъ предусмотрѣть всѣхъ случаевъ жизни, то навязывается самъ собою вопросъ, не должно ли дать королю право пополнять пробѣлы закона самостоятельно, безъ содѣйствія народа, или же только предоставить ему въ этихъ случаяхъ право иниціативы.

Однако, и въ этомъ пунктѣ тираноборцы держатся различныхъ воззрѣній. И въ то время, какъ Маріана безъ затрудненій вручаетъ королю широко идущую власть [5]), другіе писатели въ этомъ отношеніи болѣе предусмотрительны.

Юній Брутъ, послѣ долгаго разсужденія, рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что королю въ дѣлѣ законодательства принадлежитъ только иниціатива [6]). Напротивъ того, онъ разрѣшаетъ ему толкованіе законовъ, чтобы „высшее право не обратилось въ высшую несправедливость“, но, конечно, подъ контролемъ сената [7]). Еще болѣе тѣсные предѣлы устанавливаетъ Буханань, который напрямикъ отказываетъ царю даже въ толкованіи законовъ. Если довѣрить королю толкованіе законовъ, то даешь ему и свободу влагать въ законъ не то, что думалъ законодатель, а то, что пожелаетъ толкователь. „Cum regi legum interpretatio-

---

[1]) Царь подчиненъ частному праву. Насколько больше онъ долженъ повиноваться тѣмъ законамъ, которые именуются основными законами государства.

[2]) Mariana (стр. 83) объявляетъ князя связаннымъ только законами.

[3]) Въ особенности Buchan., 36.

[4]) Напримѣръ, Jun. Brut., 98. Buchan., 14. Jun. Brut., 98, 108. Только по закону можетъ онъ произносить смертный приговоръ.

[5]) Mariana, стр. 80. Ни произволъ въ разумное усмотрѣніе представляется царю. Испанскимъ королямъ Mariana приписывалъ только преторскія права. Право изданія административныхъ распоряженій исключалось изъ этого положительнымъ образомъ (также стр. 38). Согласіе народа при обложеніи налогами требовали и другіе монархомахи, напр., Jun. Brut., 123. Salamon. связываетъ князя не только народными, но и его собственными законами.

[6]) B. y. c. 105, 108.

[7]) Тамъ же, 109.

nem concedis hanc tribuis ei licentiam, ut lex non dicat, quod lator sentit... sed quod in rem sit interpretis [1]).

Государь, въ качествѣ право творящаго фактора государственной жизни, отодвинутъ этимъ путемъ совершенно на задній планъ. Отъ другихъ чиновниковъ народа отличается онъ только своимъ выдающимся положеніемъ. Не отъ него зависитъ законъ, но самъ онъ, подобно всѣмъ установленіямъ государственной жизни, зависитъ отъ закона. Вслѣдствіе этого онъ не обладаетъ никакою властью надъ другими должностными лицами въ государствѣ [2]).

§ 7. Государство и церковь.

Идея вселенской монархіи давно уже покоилась въ гробу [3]), а благодаря реформаціи среди самой церкви былъ вызванъ невиданный дотолѣ расколъ. И въ то время, когда съ одной стороны протестанты выступали за помѣстныя церкви, католики тѣмъ болѣе цѣпко держались за церковное единство. Само собой разумѣется, что именно въ этомъ вопросѣ обнаруживаются наиболѣе сильныя противорѣчія между католическими и протестантскими тираноборцами. И между тѣмъ, какъ у послѣднихъ государство и церковь совпадаютъ цѣликомъ, у первыхъ по программѣ Иннокентія III и Бонифація VIII возвышается надъ государствами церковь, какъ всеобъемлющее единство. Договорное ученіе примѣняется ими не только для того, чтобы доказать право народа, но и за тѣмъ, чтобы изъ высшаго божественнаго происхожденія церкви вывести ея превосходство надъ свѣтскимъ государствомъ [4]).

На воззрѣнія протестантовъ имѣли прежде всего вліяніе отношенія въ протестантскихъ территоріяхъ, а также ученія Кальвина.

Въ согласіи съ ними власть, если только она протестантская, является хранительницей обѣихъ скрижалей закона. Государство и церковь, такимъ образомъ, находятся въ тѣснѣйшей зависимости. Католическая власть, напротивъ того, должна быть совершенно отдѣлена отъ церкви. Протестантскіе монархомахи совершенно

---

[1]) Buchan., 14.

[2]) Jun. Brut., 77.

[3]) У Rossaeus, 45, находимъ мы еще отзвукъ старой идеи, такъ какъ императору онъ предоставляетъ почетное первенство.

[4]) Срав. особенно Boucher. L. 1, C. 5,—L. 2; Rossaeus, C. 8; Mariana L. 1, C. 10.

естественно исходили въ своихъ сочиненіяхъ изъ *нормальнаго случая*, или, другими словами, у нихъ церковь и протестантская власть совпадаютъ. Наиболѣе ярко выступаетъ это воззрѣніе въ „Vindiciae contra tyrannos“, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, князь и народъ обязаны въ силу устнаго контракта смотрѣть за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не причинилъ церкви ущерба: „ne quid detrimenti ecclesia capiat“. Первое дѣло, которое долженъ блюсти государь, заключается поэтому въ томъ, чтобы богопочитаніе производилось постоянно въ чистотѣ и въ такомъ видѣ сохранялось. Однако, этого недостаточно. Князь, или princeps, обязанъ еще заботиться о распространеніи истинной религіи: „tum conservare, tum propagare“ [1]). О свободѣ совѣсти поэтому здѣсь также мало рѣчи, какъ у католическихъ тираноборцевъ, а въ примѣненіи къ своей вѣрѣ у нихъ столь же несомнѣннымъ, какъ и у католиковъ, признавалось положеніе Россіи: разрѣшить свободу совѣсти, дозволить всякому человѣку, если онъ пожелаетъ погибнуть,—наиболѣе дьявольская догма. („Libertatem conscientiis permittere, sinere unumquemque si volet, perire, *mere diabolicum dogma est*“) [2]).

Католики прежде всего ударяли на необходимость единства церкви, а уже для того, чтобъ сохранить это единство, они желали свободы отъ государства, такъ какъ, если бы каждое государство могло осуществить свое вліяніе на церковь, то тогда создалось бы очень скоро столько же религій и церквей [3]), сколько имѣется государствъ.

А, что эта свобода отъ государства необходимо должна была превратиться во владычество надъ государствомъ, для этого все средневѣковье было достаточнымъ доказательствомъ, а ученіе католическихъ тираноборцевъ было новымъ подтвержденіемъ.

И тѣ выводы, которые слѣдовали изъ полнаго раздѣленія духовной и свѣтской власти, а также изъ подчиненія послѣдней подъ власть первой, оказали свое дѣйствіе прежде всего въ двухъ направленіяхъ: причемъ они повліяли, съ одной стороны, на власть церкви, или иначе самого папы надъ королями, а съ другой—на положеніе членовъ церкви, или духовныхъ лицъ въ государствѣ.

Что касается перваго пункта, то для католиковъ въ этомъ выводѣ все коротко и ясно, а именно: церковь имѣетъ право

---

[1]) De jur. mag., 295.

[2]) Rossaeus, 482.

[3]) Mariana, 1 C. 10 (стр. 86).

отрѣшать королей отъ престола [1]). Если не помогаютъ больше никакія увѣщанія со стороны папы, если церковь подвергается тяжкой опасности, благодаря отказавшемуся отъ Бога, и отверженнаго имъ, государю, то тогда, если папа считаетъ смѣщеніе короля съ престола необходимымъ, то онъ и долженъ вступиться въ дѣло. Онъ разрѣшаетъ народы отъ долга повиновенія, чтобы стадо христово было поручено другому, болѣе подходящему государю [2]). И это право ввѣрено папѣ на основаніи самой библіи. И если книга Самуила служила къ тому, чтобы доказать народный суверенитетъ, то теперь пользовались избраніемъ Давида для того, чтобы доказать преимущество церкви надъ государствомъ [3]).

Задачей князя является привести въ гармонію въ предѣлахъ государства обѣ власти — и свѣтскую и духовную [4]). Сверхъ этого, онъ не обладаетъ никакими правами относительно духовныхъ лицъ въ своей собственной странѣ. Въ государствѣ они должны занять исключительное положеніе, такъ какъ они не могутъ въ одно и то же время служить двумъ господамъ. Маріана идетъ даже такъ далеко, что, по его мнѣнію, смертная казнь даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она заслужена, непримѣнима къ лицамъ духовнаго званія [5]). Съ другой же стороны, духовенство должно снова получить свое прежнее вліяніе на политику. Даже, чтобъ епископы были призваны опять въ совѣтъ государства: „Ad regni conventus Episcopi vocabantur,... quod nescio cur nostris temporibus antiquatum sit“ [6]).

§ 8. Международные вопросы.

Былъ еще только одинъ вопросъ, который имѣлъ прямой и практическій интересъ для ученія тираноборцевъ о возстаніи и мятежѣ, а именно—имѣетъ ли право сосѣдній государь оказывать

---

[1]) Boucher, 1 C. 4, C. 5—8, L. 2. Rossaeus, C. 8.

[2]) Boucher, 13.

[3]) Boucher, 1. C. 6. Эта власть, которую самъ Богъ далъ церкви надъ государствомъ, есть, однако, только власть надъ духовными вещами. Доказательствомъ тутъ являются различныя мѣста изъ исторіи апостоловъ (Boucher, 1 C. 7, стр. 16). Тѣмъ энергичнѣе съ другой стороны ведется борьба противъ притязаній папы.

[4]) Mariana, 88.

[5]) Mariana, 88.

[6]) Mariana, тамъ же.

помощь возставшимъ противъ тирановъ революціонерамъ какъ въ случаяхъ чисто религіозныхъ угнетеній, такъ и явной тираніи [1]).

Что касается прежде всего права вмѣшательства при религіозномъ угнетеніи, то его обосновываетъ Брутъ при помощи идеи церковнаго единства. Но такъ какъ, съ другой стороны, самъ онъ признаетъ только помѣстныя церкви, то онъ и долженъ обосновать это единство какимъ бы то ни было новымъ путемъ. Это происходитъ и въ дѣйствительности, причемъ онъ свою конструкцію государства, церкви и государства, переноситъ на совокупность церквей, такъ что всемірный порядокъ разрѣшается у него въ цѣлый рядъ солидарныхъ обязательствъ и словесныхъ контрактовъ народовъ и церквей [2]). Такъ выходитъ, что единая церковь въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ довѣрена и поручена цѣлому ряду отдѣльныхъ лицъ за ихъ взаимною и общею отвѣтственностью. Отсюда и слѣдуетъ съ необходимостью, что при религіозномъ угнетеніи вполнѣ допускается вмѣшательство.

Оставалось послѣ этого еще только одно, а именно обосновать право вмѣшательства при чисто политическомъ угнетеніи— задача, которую Брутъ рѣшаетъ ссылкою на любовь къ ближнему, такъ какъ не только іудею есть ближній іудей, но и самарянину и всякому другому человѣку [3]). Такъ въ кругѣ представленій XII вѣка, опиралось право вмѣшательства на сравненіе съ милосерднымъ самарянином.

Заключеніе.

Теперь мы можемъ оцѣнить по достоинству положеніе тираноборцевъ въ исторіи государственныхъ ученій.

Наше изслѣдованіе приводитъ насъ къ выводу, что они были представителями переходнаго времени. Ученія объ общественномъ договорѣ, о договорѣ господства, о естественномъ правѣ проявляются

---

[1]) Jun. Brut., Q. IV. De jur. mag., Q. VII.

[2]) „Haec ecclesia ut unica est, ita etiam singulis Principibus Christianis in universum et in solidum commendata atque commissa est. Quia enim uni alicui universum committere lubricum erat; singulis vero singulas eius partes ab eius initate plane alienum universam singulis, singulas ejus partes universis commisit Deus.“ Jun. Brut., 188.

[3]) Jun. Brut., 196.

у нихъ яснѣе въ одномъ мѣстѣ, туманнѣе въ другомъ. Это матеріалъ, который ждетъ только приводящаго въ порядокъ прикосновенія для того, чтобы дать полную опредѣленность и ясность.

Заслугой Гуго Гроція является именно выполненіе этой задачи. Неограниченное господство договорнаго ученія въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій обязано именно вліянію этого человѣка. Да довольно часто можно слышать, какъ его называютъ даже „творцомъ договорной теоріи". Однако, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ только систематикомъ.

Точно также Гроцій былъ человѣкомъ, который окончательно освободилъ естественное право отъ его религіозной основы. Правда, Габріэль Билль [1]) высказалъ уже слѣдующее положеніе: „Если бы, что совершенно невозможно, Богъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. божественнымъ разумомъ, или если бы этотъ божественный разумъ ошибался и если бы кто-нибудь къ тому же дѣйствовалъ противъ ангельскаго или человѣческаго праваго разума, или противъ какого-либо другого, каковъ бы онъ ни былъ, то тотъ совершалъ бы прегрѣшенія". Однако, Гроцій сдѣлалъ именно послѣдній рѣшающій шагъ и разорвалъ окончательно связи, которыя объединяли естественное право и религію. Само собой разумѣется, что и послѣ этого акта, а также и послѣ Гроція многіе еще придерживались стараго ученія. Однако, Гроцій указалъ путь для главнаго теченія, а исторія рѣшила, что награда за подвигъ принадлежитъ не Габріэлю Биллю, а голландцу Гроцію.

Но, подобно тираноборцамъ, не удалось и Гроцію дойти до цѣлостнаго понятія государства, какъ бы близко ни подходили къ этой цѣли и онъ, и монархомахи.

Виновнымъ въ этомъ является исходный пунктъ системы, а именно договорная теорія. То, что искусственно было соединено, всегда должно было опять развалиться на свои части. Народъ—populus—и государь—princeps—стояли въ договорѣ о власти другъ противъ друга, какъ самостоятельныя партіи, такъ что всякій защитникъ этого ученія всегда былъ въ состояніи, смотря по своему политическому направленію, объявить наиболѣе могущественной то одну сторону, то другую. По существу одно и то же требовалось для различныхъ субъектовъ.

Не надо упускать изъ виду, что договорная теорія была вполнѣ управомочена для своего времени, такъ какъ вѣдь она сама была

---

[1]) За нимъ Gierke (в. у. с. 74, примѣч. 45) желаетъ сохранить пріоритетъ.

отвлечена отъ обстоятельствъ того времени. Князья и сословія и на самомъ дѣлѣ заключали между собою договоры, а выборныя капитуляціи или соглашенія даютъ ясную картину тогдашняго воззрѣнія на государство, особенно, если имъ противопоставить современныя конституціи. Государство и на практикѣ было тогда также расщеплено, какъ и въ теоріи.

Тотъ споръ, въ которомъ тираноборцы защищали суверенитетъ народа, держался преимущественно въ предѣлахъ внутренней государственной жизни. Вселенская монархія уже давно спустилась до значенія призрака, не имѣющаго никакой реальности, а церковь входила въ разсмотрѣніе протестантскихъ писателей только какъ помѣстная территоріальная церковь. Тѣмъ болѣе энергично защищали католическіе писатели высоко стоящую надъ государствомъ власть вселенской церкви. Однако, средневѣковье, а съ нимъ и жизнеспособность идей, выросшихъ на его почвѣ, уже отошло въ область преданій. А относительно высоко вздутыхъ требованій іезуитовъ можно сказать то же, что Брайсъ [1]) пишетъ о желаніяхъ Данте въ его „монархіи“: „книга Данте есть эпитафія, замѣняющая собой пророчество“.

Тираноборцы были защитниками народнаго суверенитета и довели до послѣднихъ выводовъ эту идею, тянущуюся черезъ все средневѣковье [2]). Однако, подобно тому, какъ въ политической жизни не могло побѣдить то дѣло, защитниками котораго сдѣлались монархомахи, подобно этому и ученіе о договорѣ господства отошло въ послѣдующую эпоху на задній планъ. Государственная практика и государственная теорія шли здѣсь однимъ и тѣмъ же путемъ.

Благодаря тому, что тираноборцы присваивали дѣло законодательства народу, а изображали монарха только исполнителемъ—executor—законовъ, то въ виду этого мы находимъ у нихъ и первые слѣды „раздѣленія властей“, въ современномъ смыслѣ слова [3]). Это ученіе было проведено у нихъ, однако, безъ пол-

---

[1]) B. y. c., 264.

[2]) Срав. относительно этого Bezold „Die Lehre von der Volkssuveränität im Mittelalter“ [v. Sybels hist. Z. B. XVIII (1876)].

[3]) Jellinek Gesetz und Verordnung“, 58. Интересно отмѣтить, что принятое Марсиліемъ раздѣленіе законодательной и исполнительной власти исчезло безъ слѣдовъ. Это показываетъ и тотъ внѣшній признакъ, что въ подробномъ указателѣ „Defensor pacis“ нигдѣ нѣтъ рѣчи объ исполнительной власти.

ной ясности; относительно наиболѣе полными являются въ этомъ отношеніи выводы монархомаха Ланге.

Для тираноборцевъ было при этомъ руководящимъ одно, а именно надежда найти въ такомъ раздѣленіи гарантію противъ правительственнаго произвола. Оно выразилось въ слѣдующемъ изреченіи: „я не вижу никакихъ выгодъ въ томъ, чтобы оставить царя свободнымъ и не связаннымъ законами и чтобы дать ему власть для изданія законовъ, ибо никто добровольно не одѣваетъ цѣпей. И я не знаю, чѣмъ лучше неограниченности государя, если окружить его такими ничего не стоящими ограниченіями, которыя онъ всегда можетъ съ себя сбросить, если пожелаетъ“ [1]). И это положеніе возвращается потомъ и въ сомнѣніяхъ Локка [2]) относительно соединенія властей въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ [3]). Однако, это ученіе у монархомаховъ еще не выяснено.

Тираноборцы искали правовыхъ ограниченій для государя и, высказывая свое требованіе, чтобы власть подчинялась законамъ, они дѣлали въ своемъ ученіи переходъ къ современной идеѣ правового государства: должно оказывать сопротивленіе тѣмъ властямъ, которыя преступаютъ правовыя границы.

Впрочемъ, право сопротивленія, котораго требовали монархомахи, было въ ихъ время признаннымъ правомъ многочисленныхъ сословій. И точно также не пустымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее является у нихъ ученіе о тираноборствѣ. Исторія учитъ насъ, что эти слова тогда часто переходили въ дѣло.

Этимъ можно ограничиться, говоря о нашихъ писателяхъ, поскольку они принадлежатъ къ исторіи государственныхъ ученій. Однако, имъ принадлежитъ еще мѣсто въ исторіи развитія человѣческаго духа [4]). Сомнѣніе и вѣра, зависимость отъ авторите-

[1]) Buchan., 13.

[2]) Locke, Two treatises of government II Chap. XII § 143: „And because it may be too great temptation to human fraiety, apt to grasp at power for the same persons who have the power of making laws to have also in their hands the power to execute them, whereby they may exempt themselves from obedience to thé laws they make, and suit the law both in its making and execution to their own private advantage, and thereby come to have a distinct in terest from the rest of the community, contrary to the and of society and government Therefore in well ordered common wealths where the... good of the whole is so considered as it ought, the ligisltive power is put into the hads of divers persons...

[3]) Срав. также Montesquieu, 11, 6.

[4]) Hrtpole Lecky въ своей History of the rise and influence of the spirit of Ratimalism in Europe Vol II, C V отмѣтилъ монархомаховъ.

товъ, а вмѣстѣ борьба за самостоятельность дѣлаютъ ихъ участниками и новаго времени и средневѣковья. И, несмотря на то что въ нихъ можно видѣть отцовъ современной демократіи, у нихъ выдѣляется всегда благородный человѣкъ возрожденія изъ остальной массы. Они основательно презираютъ многоголовое чудовище „bellua multorum capitum“. Эту сторону не должно оставлять безъ вниманія при разсмотрѣніи государственныхъ теорій. Они, однако, въ свою очередь, могутъ быть поняты только изъ времени и личности ихъ творцовъ. Для того, чтобы быть въ состояніи дать исторію, которая глубоко постигаетъ идеи государственнаго ученія каждой эпохи, должно всегда имѣть предъ глазами два пункта.

Съ одной стороны, надо подробно ознакомиться съ тѣмъ государственнымъ строемъ даннаго времени, который дѣлаетъ мыслимымъ государственное ученіе.

А, во-вторыхъ, всегда къ государственному ученію примѣшиваются—часто безсознательно—желанія и надежды, которыя стремятся поставить нѣчто „лучшее“ на мѣсто существующаго. Дѣйствительность и пожеланія объединяются такимъ путемъ въ идейномъ образѣ, передъ которымъ долженъ оправдаться дѣйствительный міръ! Каждое время имѣло въ своихъ государственныхъ теоріяхъ масштабъ, которымъ оно мѣрило дѣйствительность.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0000307045 6